

*НАУЧНЫЕ
ТРУДЫ
МОСКОВСКОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА*

№7/2013

Рецензируемый научный журнал
Издается с 2002 года

**Издательство Московского гуманитарного университета
2013**

Главный редактор

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета

Редакционная коллегия

Агранат Дмитрий Львович, доктор социологических наук, доцент, декан юридического факультета Московского гуманитарного университета

Булаков Олег Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета

Буренко Владимир Иванович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета

Винокуров Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, полковник юстиции, старший советник юстиции, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета

Инков Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Московского гуманитарного университета – *ответственный секретарь*

Костина Анна Владимировна, доктор философских наук, доктор культурологии, доцент, декан факультета философии, культуры и искусств, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета

Крылова Елена Борисовна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой финансовых и экономических дисциплин Московского гуманитарного университета

Пеньковский Дмитрий Дмитриевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Московского гуманитарного университета

Романюк Лариса Валерьевна, доктор педагогических наук, профессор, начальник Управления аспирантуры, докторантуры и научной работы Московского гуманитарного университета

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, ученый секретарь Ученого совета, профессор кафедры социологии Московского гуманитарного университета

Сошникова Тамара Аркадьевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей

Царегородцев Юрий Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента Московского гуманитарного университета

Свидетельство о регистрации Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия ПИ №ФС77-21885 от 14 сентября 2005 г.

Научные труды Московского гуманитарного университета. М.: Издательство Московского гуманитарного университета. №7/2013. – 110 с.

© Московский гуманитарный университет, 2013

© Авторы статей, 2013

Издательство Московского гуманитарного университета

111395, Москва, ул. Юности 5/1, к.6.

Контактная информация редакции журнала размещена на официальном сайте:
http://www.mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/

Подписано в печать 20.05.2013. Тир. 500 экз.

**Редакционный совет журнала
«Научные труды Московского гуманитарного университета»**

Ильинский Игорь Михайлович, доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета – *председатель*

Луков Валерий Андреевич, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета – *заместитель председателя*

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета

Богданов Андрей Петрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН, член Союза писателей России

Журавлев Анатолий Лактионович, член-корреспондент РАН, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РАН, заведующий кафедрой социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета

Ковалева Антонина Ивановна, доктор социологических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующая кафедрой социологии Московского гуманитарного университета

Королев Анатолий Акимович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры истории Московского гуманитарного университета

Луков Владимир Андреевич, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета

Ситаров Вячеслав Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой педагогики и психологии высшей школы Московского гуманитарного университета

Экштут Семен Аркадьевич, доктор философских наук, заместитель главного редактора журнала «Родина», руководитель Центра истории искусств и культуры Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой «Искусства и гуманитарные науки» Государственного академического университета гуманитарных наук

Юдин Борис Григорьевич, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, директор Центра биоэтики Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета

**НА ПОРОГЕ МОДЕРНИЗАЦИИ: КРИЗИС СРЕДНЕВЕКОВОГО
ОБЩЕСТВА НА ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ ЕВРОПЫ
МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА**

Проблема аутентичности «Слова о полку Игореве».
Дружинная культура Руси: от раздробленности до централизации
Алексеев С.В.
The problem of authenticity of «The Tale of Igor's Campaign».
Druzhina's culture of Rus': from fragmentation to centralization
Alekseev S.V.

Аннотация: статья посвящена проблеме подлинности и аутентичности «Слова о полку Игореве» в контексте истории дружинной культуры Руси.

Ключевые слова: дружинная культура, «Слово о полку Игореве», источниковедение.

Abstract: The article is devoted to the problem of authenticity of «The Tale of Igor's Campaign» in the context of the history of the druzhina's culture of Rus'.

Keywords: druzhina's culture, «The Lay of Igor's Campaign», sources.

Образованная Россия впервые получила возможность прочесть «Слово о полку Игореве» в 1800 г. В этом году графом Алексеем Ивановичем Мусин-Пушкиным, известным антикваром, была выпущена «Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича». Обстоятельства обнаружения, издания и гибели рукописи «Слова» многократно описаны и хорошо известны (см.: Энциклопедия, 1995). Поэтому ограничимся тем, что напомним основные вехи.

Алексей Иванович Мусин-Пушкин приобрел сборник с рукописью «Слова» в конце 1780-х гг. Ранее сборник принадлежал настоятелю упраздненного в ходе реформ Екатерины II ярославского Спасо-Преображенского монастыря, Иоилия (Быковского). Сборник состоял из нескольких произведений древнерусской литературы. Собственно, как установили первые исследования, речь шла о двух сплетенных сборниках. Первая часть включала летописные памятники и относилась, видимо, к началу XVII в. Вторая состояла из четырех произведений светской и нравоучительной литературы: «Сказания об Индейском царстве», «Повести об Акире Премудром», «Слова» и «Девгениева деяния». Последние два памятника тогда были совершенно неизвестны. Вторая часть сборника датировалась его первыми читателями, с позиций тогдашней науки, в диапазоне XIV-XVI вв. Ныне ученые, признающие средневековое происхождение

ние «Слова», в целом согласны, что Мусин-Пушкинский сборник (литературная его часть) был списан или создан в XVI в.

«Словом» заинтересовалась императрица Екатерина II. Для нее был сделан перевод на современный язык, а в 1795 г. снята копия с оригинального текста. Так же, как и выполненная самим Мусиным-Пушкиным для себя, эта копия вводила в текст пунктуацию и разделение слов. Ни одна копия не ставила задачу палеографически точного воспроизведения оригинала.

В 1797 г. в Гамбурге вышла статья, русский автор которой сообщал об открытии «Слова», при этом малоудачно сравнивая его с «Оссианом» Дж. Макферсона, модным в России, но уже заподозренным как подделка на Западе. В 1800 г. вышло, наконец, первое издание. Оно было подготовлено Мусин-Пушкиным при помощи Н.Н. Бантыш-Каменского и А.Ф. Малиновского. Текст, данный в мусин-пушкинской разбивке, сопровождался переводом и составленными на основе «Истории Российской» В.Н. Татищева примечаниями. Сравнение с «Оссианом» было повторено – русская образованная публика еще не понимала, насколько настораживающе оно звучит.

Реакция не замедлила. Виднейший немецкий специалист по Древней Руси, издатель первого критического текста «Повести временных лет» А. Л. Шлёцер еще в 1797 г. усомнился в подлинности новооткрытого текста. Однако выход издания успокоил его подозрения. Вышла довольно сдержанная рецензия, позднее включенная Шлёцером в свой компендиум «Нестор» (Шлёцер, 1809: 563-564). Шлёцер признал вероятную подлинность памятника, хотя усомнился в адекватности его воспроизведения.

Главным апологетом «Слова» в российской науке выступил крупнейший тогдашний российский историк, автор «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин. Именно Карамзин, как сейчас уже известно, анонсировал в 1797 г. через гамбургский журнал издание «Слова». В пользу «Слова» отчетливо свидетельствовало именно отношение обычно критичного Карамзина. Отвергавший подлинность неизвестных ему источников Татищева, сурово не признававший за достоверные свидетельства поздних летописей – «Слово» Карамзин безоговорочно счёл древним и достоверным памятником, невзирая даже на датировку им же списка XVI столетием. Точно так же он на основе Мусин-Пушкинского сборника признал древность русского «Девгениева деяния» – и с этим сейчас мало кто спорит. Вместе с Карамзиным и следом за ним отстаивал подлинность «Слова» и его преемник на посту официального историографа – А.С. Пушкин, для которого исторические занятия отнюдь не были просто случайным увлечением.

Спора о «Слове», скорее всего, не было бы, если бы не судьба его оригинала. Мусин-Пушкинский список погиб при пожаре Москвы в 1812

г. Все, чем располагают специалисты ныне – списки XVIII в. и выписки ранних исследователей. Это не уникальная в исследовании средневековья ситуация. Например, судьба и даже содержание англосаксонской «Битвы при Мэлдоне», поэмы о разгроме англосаксов норвежскими викингами, отчасти напоминает древнерусское «Слово». Поэма известна в единственной рукописи, обнаруженной еще в XVIII в. и почти сразу после копирования и публикации погибшей в пожаре. Но в Англии почему-то «спор о подлинности» за два века не успел толком разгореться. После же обнаружения в 1930-х гг. копии-транскрипции XVIII в. с оригинала древность «Битвы при Мэлдоне» никто под сомнение не ставил.

В России дело обстоит иначе. Впрочем, в первый период критики «Слова» больше спорили о принадлежности его к домонгольской эпохе, чем о подлинности в собственном смысле. Дата списка, подтвержденная видевшими его авторитетными учеными, не позволяла большинству скептиков выходить в своих предположениях позднее XVI в. Единственным заметным исключением являлся журналист и востоковед О.И. Сенковский. Известный своими нетривиальными суждениями о древнерусской истории и крайним скепсисом по поводу всех древнерусских памятников, включая «Повесть временных лет», он и «Слово» счел подлогом XVII-XVIII вв. Хлесткие инвективы Сенковского прибавили ему славы (как и, например, объявление им же гомеровских поэм средневековым славянским сочинением) – но не оказали влияния на научный мир.

В качестве достоверного исторического источника рассматривал и использовал «Слово» и С.М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен». Для него «Слово» являлось бесспорным древним памятником, – хотя, возможно, и не в безупречной сохранности. Как источник по походу Игоря Соловьев ставил «Слово» вровень с летописями или выше их. Стоит отметить, что легковерием и отсутствием критического подхода Соловьев отличался ещё в меньшей степени, чем творивший на заре эпохи романтизма Карамзин.

Решающее значение для утверждения на время ранней датировки «Слова» имели два обстоятельства. Во-первых, очень рано параллель к «Слову», воспринятая как цитата из него, отыскалась в выходной записи писца Домида в Псковском «Апостоле» 1307 г. Домид писал о войне Михаила Тверского и Юрия Московского, шедшей в его время: «при сихъ князехъ сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наши въ князехъ которы и вѣци скоротишася человекомъ» (Столярова, 2000: 180-181). В «Слове»: «Тогда при Олзе Гориславиче сеяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человекомъ скратишася». Во-вторых, в середине XIV в. была открыта еще одна древнерусская героическая поэма, «Задонщина», о Куликовской битве 1380 г. «Задонщина» содержала множество параллелей со «Словом», при-

чем очевидно выглядела вторичной по отношению к нему – менее выразительной с точки зрения поэтики, с потерей смысла ясных в «Слове» метафорических оборотов. «Задонщина», кроме того, являлась ярко выраженным памятником христианской культуры – тогда как для автора «Слова» языческие верования ещё часть реальности.

Однако же, основания для скепсиса накапливались. Носили они, правда, в большей степени психологический, чем академический характер. Неумные сравнения первых апологетов «Слова» памятника с «Песнями Оссиана» слишком отвечали вечному со времен Петра стремлению «сделать не хуже», чтобы не возбудить подозрений в сознательном «оссианизме». Именно это насторожило сначала Шлёцера, это настораживало и западных, да и русских ученых второй половины XIX в., когда подложность «Песен» Макферсона уже сомнений ни у кого не вызывала. Не отыскалось ни одного нового списка «Слова». Ещё в 1815 г. был разоблачен фальшивый список, изготовленный А.И. Бардиным. Позже выяснилось, что Бардин изготовил еще несколько поддельных списков. Наконец, в 70-х-90-х гг. XIX в. были разоблачены подлоги древнечешских памятников известного деятеля чешского национального возрождения В. Ганки. Среди них – «Краледворская рукопись», собрание эпических сказаний о древней Чехии, несколько десятков лет обладавшая сходным со «Словом» культовым статусом. Невольно возникали новые подозрения – не было ли «Слово» таким же плодом интереса к славянским древностям на волне национального романтизма?

Сомнения суммировались в концепции французского ученого А. Мазона. Его монография, вышедшая в Париже в 1940 г. (Mazon, 1940), была первой попыткой доказать подложность поэмы на академических основаниях. Мазон исходил из гипотезы своего соотечественника Л. Леже о том, что «Слово» не являлось источником «Задонщины», а само создано на ее основе в Московской Руси. Однако Мазон полностью отверг возможность появления «Слова» в средние века. Наблюдения над эволюцией «Задонщины» и более позднего памятника Куликовского цикла – «Сказания о Мамаевом побоище» – привели его к выводу, что «Слово» является подделкой XVIII в. Подлог, по мнению Мазона, был создан образованным, интересующимся древнерусской литературой и фольклором человеком, не сумевшим, однако, избежать в своем языке «галлицизмов». Первоначально Мазон склонялся к кандидатуре самого А.И. Мусин-Пушкина, но в итоге предпочел ему Н.Н. Бантыша-Каменского. Поскольку эти концепции не получили поддержки, в поздних работах 60-х гг. Мазон согласился с гипотезой А.А. Зимина об авторстве Иоилия (Быковского).

Теория Мазона нашла некоторую поддержку, хотя и не развитие, во французской науке, а уже в первые послевоенные годы встретила жёсткий отклик и в русской эмигрантской, и в советской. Первое время оппоненты

не уходили от политических упреков – разгоралась «холодная война», и свежа была память о Второй мировой. Профессор Колумбийского университета, филолог-эмигрант Р.О. Якобсон подробно разобрал языковую и литературную составляющие «Слова». Исходя из языка «Слова», он обосновал точку зрения на него как на памятник домонгольской эпохи, сохранный списком XV или XVI столетия. Уже Якобсон и поддержавшие его американские коллеги сформулировали ключевой аргумент в пользу «Слова». Предполагаемому фальсификатору XVIII в. следовало обладать современными познаниями в области языка, фольклора и древнерусской словесности (Russian Epic Studies, 1949; Jakobson, 1966: 106-300). Выступление Якобсона в защиту «Слова» вызвало против него обвинения в «коммунизме», и он вынужден был в 1949 г. покинуть университет.

Ю.М. Лотман в специальной работе показал невероятность помещения «Слова» в литературный контекст XVIII в. Многие присутствующие в «Слове» образы и темы вошли в обиход на десятилетия позже, уже под его влиянием. В литературе XVIII в. «Слово» явиться не могло, и еще в начале XIX оставалось явлением совершенно чуждым и изолированным.

Большое значение для исследования «Слова» имело открытие и исследование новых памятников древнерусской литературы, а особенно – берестяных грамот, чрезвычайно расширивших представления о живой древнерусской речи. Находки в Новгороде дали дополнительную лингвистическую аргументацию сторонникам «Слова» в России и за рубежом. Мнение филологической науки о «Слове» с этого времени более или менее солидарно. А. Мазон до Дж. Феннела оставался первым и единственным крупным филологом среди сторонников теории подлога.

Когда на Западе дискуссия о «Слове» на время прекратилась, – или в связи с потеплением международной обстановки из нее ушло идейное ожесточение, – в СССР с критикой «Слова» выступил видный историк-источниковед А.А. Зимин, крупный специалист по истории XIV-XVI вв. Размышляя вслед за А. Мазоном над соотношением версий «Задонщины» и ее со «Словом», Зимин пришел к выводу, что «Слово» создано на основе «Задонщины» в XVIII в. Среди других источников были Ипатьевская летопись и «История» В.Н. Татищева, а также народная поэзия. Автором слова был Иоиль (Быковский); А.И. Мусин-Пушкин внес свой вклад в работу над текстом, и в частности, – цитату из выходной записи Псковского «Апостола». Свои выводы Зимин подкрепил, как ему представлялось, текстологическим анализом, – но не мог квалифицированно опровергнуть уже достаточно развитой со времен книги Мазона лингвистической аргументации в пользу памятника. Создание памятника, по мнению Зимина, было связано с историческими событиями 1760-х-1780-х гг., с русско-турецкими войнами в Северном Причерноморье (Зимин, 2006).

Дискуссия по первому варианту книги Зимина о «Слове» прошла в отделении истории АН СССР в 1964 г. Выступления многих из коллег-оппонентов (а оппонентами выступили практически все ведущие историки и филологи) были выдержаны в научном ключе. Но общие обстоятельства и последствия дискуссии придали ей характер «проработки». Работа Зимина не была опубликована до начала XXI в. Впрочем, отдельные ее положения он и затем издавал в виде статей, и его точка зрения на «Слово» получила широкую известность. Зимин продолжал работать в Московском государственном историко-архивном институте, где под его руководством сложилась крупная научная школа. С другой стороны, большая часть подготовленных им монографий на разные темы была опубликована лишь посмертно. Здесь диаметрально разнится с судьбой работавшего двумя десятилетиями ранее в США Якобсона – ему спор о «Слове» стоил кафедры, но с публикациями своих трудов он проблем не испытывал и испытывать не мог.

Выступление А.А. Зимина придало актуальность новым исследованиям «Слова» в советской и мировой науке. Среди специалистов, приводивших доказательства в пользу средневековой принадлежности памятника, были крупнейшие исследователи древнерусской истории и литературы – В.П. Адрианова-Перетц, Д.С. Лихачев, Б.А. Рыбаков, О.В. Творогов.

Г.Н. Моисеева рассмотрела историю Псковского «Апостола» 1307 г. Ей было установлено, что А.И. Мусин-Пушкин не имел возможности ознакомиться с текстом «Апостола» в начале 90-х гг., как утверждал А.А. Зимин. Вместе с тем, в теории последнего этот вывод имел важное значение, поскольку позволял объяснить уникальную параллель «Слова» с записью Домида (Моисеева, 1983).

Советские лингвисты также внесли свою лепту в поддержку подлинности «Слова». В течение 40-х-70-х гг. особое внимание уделялось тюркским элементам в поэме. Обобщающее исследование тюркизмов слова принадлежит Н.А. Баскакову, пришедшему к выводу, что «Слово» – памятник домонгольской эпохи (Баскаков, 1985).

Исследованием соотношения «Задонщины» и «Слова», а также текстуральной историей самой «Задонщины», занимались в 1960-х гг. Р.О. Якобсон совместно с американским ученым Д. Вортом (Jakobson, Wort, 1963), и многие советские ученые. Итог работы последних подвели несколько коллективных исследований и статей (Слово, 1966; Дмитриева, Дмитриев, Творогов, 1967; Сказания, 1982). Выводы – соотношение редакций «Задонщины» не свидетельствует против «Слова»; Кирилло-Белозерский список «Задонщины» не может считаться отражающим древнейшую редакцию, что лежало в основе гипотез Мазона и Зимина. Зависимость от «Слова» ощутима во всех версиях «Задонщины», ее вторичность не подлежит сомнению.

Немалый вклад в исследование «Слова», в раскрытие его «темных мест» внесли исследования в области древнеславянской культуры и мифологии. Здесь следует отметить работы В.В. Иванова и В.Н. Топорова – виднейших специалистов в этой области. Они использовали «Слово» как источник для реконструкции славянских мировоззренческих представлений и мифов, демонстрируя его согласие с другими данными, в том числе лингвистическими (см.: Иванов, Топоров, 1975).

За рубежом выступление А.А. Зимина также способствовало оживлению дискуссии и изучения «Слова». В поддержку Зимина выступили английский филолог Дж. Феннел и итальянец А. Данти. Первый, в частности, попытался доказать, что название реки «Каяла» в «Задонщине» – ошибка вместо «Калки», однако не сумел убедительно объяснить странного совпадения этой описки с Ипатьевской летописью. С другой стороны, за подлинность «Слова», помимо Якобсона и Ворта, выступали и другие западные историки и филологи – в том числе итальянский лингвист Р. Пиккио (Пиккио, 1997).

В целом к концу XX века в мировой науке более или менее установился консенсус в пользу признания «Слова» памятником средневековым. Попытки выдвинуть новые теории подлога время от времени повторялись. Так, в 1970-х гг. австрийские исследователи К. Трост и М. Хендлер попытались обосновать принадлежность «Слова» перу Н.М. Карамзина. Однако эта позиция не нашла широкой поддержки даже в среде скептиков. Она и правда противоречила всему, что известно о Карамзине и его тщательном, временами гиперкритичном отношении к историческим источникам.

В 2003 г. в дискуссию включился американский историк Э. Кинан, прославившийся попыткой оспорить авторство и датировку переписки Ивана Грозного с князем Курбским. Теперь в сфере его интересов оказалось «Слово». Ранее Г.Н. Моисеевой был установлен факт знакомства с рукописью «Слова» видного деятеля чешского романтизма и национально-возрождения Й. Добровского. Добровский был учителем В. Ганки и одним из первых апологетов «Краледворской рукописи». Всё это позволило Кинану выдвинуть гипотезу об авторстве Добровского, тем более что уже Сенковский и Мазон заподозрили в языке «Слова» западнославянские черты. Гипотеза Кинана – самое последнее достижение скептиков – жёстко ставит «Слово» в контекст национально-романтических движений в славянском мире (Keenan, 2003). Работа практически сразу собрала критические рецензии.

Выход книги Кинана и посмертная публикация после долгих ожиданий итоговой версии работы о «Слове» А.А. Зимина подвигли сторонников подлинности поэмы подтвердить и обновить свою аргументацию. В этом смысле этапной и итоговой, отвечающей современному уровню науки, является фундаментальная монография крупнейшего отечественного языко-

веда А.А. Зализняка (Зализняк, 2008). В этой книге показана полная органичность «Слова» средневековому языку, – в объеме, недоступном для любой реконструкции XVII или XVIII века. Показано наложение на первоначальную основу диалектных черт, связанных с северо-западной Русью (вспомним Псковский «Апостол»). Был показан языковой и сюжетный параллелизм «Слова» с летописными источниками, а не с «Историей» В.Н. Татищева, как полагают многие скептики. Наконец, убедительно опровергнута концепция Кинана об авторстве Добровского – грамматика и орфография «Слова» противоречат лингвистическим теориям чешского ученого.

Подводя итог спору о подлинности «Слова», можно суммировать аргументы в его защиту:

1. Язык «Слова» – язык средневековой Руси. Среди специалистов, занимающихся изучением древнерусского языка на основе всех имеющихся источников (литературы, надписей, берестяных грамот), противников подлинности «Слова» нет. За подробной лингвистической аргументацией можно адресовать читателя к работе А.А. Зализняка.
2. «Слово» являлось частью богатой в домонгольское время письменной и устной традиции. Оно пересекается не только с памятниками фольклора и литературы позднейших веков. Известно «Слово о князьях» XII в., содержащее идейно пересекающуюся с укорами «Слова» осуждение княжеских распрей. Известно «Слово о погибели земли Русской» XIII в., которое, помимо стилистических и сюжетных пересечений со «Словом о полку Игореве», выполнено в том же жанре поэтической элегии. После публикации этих памятников стало неуместно говорить об идейном и жанровом одиночестве «Слова о полку Игореве» в литературе XII-XIII столетий. Типологически, в том числе по богатству метафорами, языческой символической, эти памятники схожи с германской и кельтской дружинной поэзией IX-XII вв., в XVIII в. в России еще почти неисследованной.
3. «Слово» содержит ряд данных о древнерусской культуре и верованиях, неизвестных еще в момент его издания. Так, на момент публикации «Слова» отнюдь не были ещё изданы другие источники, называющие среди славянских языческих богов Дива и Трояна. Если Див ещё мог быть домыслен на основе невнятных, явно вторичных по отношению к «Слову» пассажей «Задонщины», то Трояна мы там не встречаем. По поводу статуса этих персонажей славянской мифологии до сих пор идут споры, однако в любом случае сам факт наличия параллельных свидетельств не позволяет считать их пустым вымыслом какого-либо мистифика-

тора. Тем более, что исследования ученых уже XX в. существенно расширили знания об обоих мифологических именах. Див встал в целый ряд обозначений мифологических существ в поверьях разных славянских народов, а мотив его падения на землю истолковывается в контексте индоевропейских мифов о богах луны. Последнее хорошо прояснило бы метафору «Слова», непонятую и потерянную в «Задонщине»: Див «наверху древа» – луна в небе, на вершине Мирового Древа; «свергся на землю» – заход луны... Троян, причем именно в таком произношении, оказался персонажем не только восточнославянской, но и южнославянской мифологической традиции. Восходит он, очевидно, действительно к римскому императору Траяну, но переосмысленному в славянских мифах как враждебный и грозный бог потустороннего мира. Он троелик – как западнославянский Триглав или подземный бог на восточнославянском Збручском идоле, держащий землю. Могли какой-нибудь автор XVII-XVIII вв. провидеть все эти аллюзии и параллели? Едва ли.

4. Множество мелких генеалогических и исторических деталей «Слова» проясняются исследованиями никак не времени его публикации. Только один, но разительный пример. Поражение Игоря рассматривается в «Слове» как месть за хана Шарукана: «Готские красные девы... лелеют месть Шаруканову». Но в XVIII в. ни одному самому эрудированному в русских источниках ученому мужу не было известно, что победитель Игоря хан Кончак – внук Шарукана. Потому что в русских источниках сведений об этом нет, и Ипатьевская летопись ограничивает родословную Кончака его отцом Отроком. О том, что Отрок (Атрак) был сыном Шарукана, сообщают лишь грузинские летописи, чьи сведения об этом стали известны в России только в XIX столетии.
5. «Задонщина» – памятник вторичный по отношению к «Слову», и скептикам не удалось доказать обратного. Для иллюстрации приведем только два примера. Если в «Слове» Див «кличет вверху древа», а затем «свергается на землю», – ясный образ, – то в «Задонщине» «диво кличет под саблями татарскими», а затем опять же «свергается». Явно непонимаемая позднейшим поэтом метафора предшественника. Вспомним и упоминание в «Задонщине» реки Каялы, которую поэт XIV в. отождествил с Калкой, местом поражения русских князей от татар в 1223 г. Без «Слова» помимо «Задонщины» Каяла упоминалась единственный раз в Ипатьевской летописи как место поражения Игоря. Никаких свидетельств знакомства автора «Задонщины» именно с Ипатьевской летописью нет, как нет и других упоминаний Каялы в древнерусской ли-

тературе. Трудно представить и причины, которые побудили бы его упомянуть безвестную Каялу вместо хорошо известной Калки, – если только он не имел дело с уже сложившимся метафорическим употреблением этого названия, которое мы и находим в «Слове».

6. Эрудиция предполагаемого мистификатора потрясает. Он не только провел детальное исследование, к примеру, генеалогии русских княжеских домов по неопубликованным пока летописям (Ипатьевской, например). Он еще и был знаком с немалым числом также неопубликованных до XIX, а то и до XX в. памятников древнерусской литературы. Причем некоторые брал за основу всего построения своего небольшого произведения (как «Задонщину»), а из некоторых заимствовал одно-два слова (как «бебряный (рукав)» – из перевода «Иудейской войны» Иосифа Флавия). Не иначе, как располагал он «библиотекой Ивана Грозного»! Кроме того, он неплохо знал фольклор (прежде всего, ритмику и метафоры народной поэзии). И вместо того, чтобы предать эту сокровищницу огласке и навеки прославиться, он использовал ее для написания небольшой поэмы-стилизации... Фантастическая картина. Не проще ли признать, что никакого мистификатора не было?
7. Давно отмечено, что судя по выпискам Н.М. Карамзина из «Девгениева деяния», этот текст в сборнике переписывался тем же писцом, что и «Слово». Или «Слово» представляло собой стилизацию под «Деяние», выполненную на уровне современной филологии, или «Слово» и «Деяние» действительно творение одного писца. Если этот писец – фальсификатор XVIII в., то следовало бы ожидать, что и «Деяние», тогда неизвестное, является его подделкой. Однако это не так – новые, хотя и очень немногочисленные списки «Деяния» были обнаружены в XIX столетии.
8. Одним из решающих аргументов против критиков «Слова» является их неспособность согласиться с аргументами друг друга. Единой точки зрения не только об авторстве «Слова», но даже о доказательствах его подложности скептики за двести лет так и не сформулировали. Что все-таки «не так» с языком «Слова»? «Галлицизмы» в нем, «германизмы», «полонизмы»? Почему критики расходятся в показаниях? Почему, к примеру, авторство Быковского абсолютно принимается в одной теории и абсолютно же исключается остальными? Не потому ли, что мы имеем дело с индивидуальными «оригинальными теориями», а не со стройной, приемлемой для научного мира системой доказательств? Между тем, основания для подлинности «Слова» никогда не пересматрива-

лись, а только дополнялись новыми разысканиями. Такое обычно случается, когда одна сторона научной полемики стоит на прочных основаниях, а другая развивает альтернативу «из принципа», порождая всё новые аргументы и концепты взамен разгромленных старых. При этом новые старым прямо противоречат, – не логичнее ли просто признать свою неправоту? Не в пользу сторонников теории подлога, кстати, свидетельствует и стремление некоторых из них записывать в свои сторонники приверженцев средневековой, но поздней даты «Слова». Так, среди единомышленников Сенковского или Мазона оказывались Каченовский или Леже, – что действительности не соответствовало.

9. «Слово» содержательно резко отличается от наиболее известных мистификаций XVIII-XIX вв. И для «Песен Оссиана», и для «Краледворской рукописи», и для российских подделок А.И. Сулакдзева характерно переплетение воспринятых из первоисточников сюжетов с авторскими, далекий уход от оригиналов и по стилистике, и по сюжетике. Что существенно, они имеют дело с «непроверяемым» легендарно-мифологическим прошлым. «Слово» повествует о реальных исторических событиях и добросовестно воспроизводит их течение, отраженное и в летописи. В этом смысле оно действительно ближе к «Битве при Мэлдоне», чем к «Оссиану». В литературный контекст XVIII в., вопреки всем противоположным утверждениям, «Слово» поставить невозможно. В литературный контекст XVII в. – крайне маловероятно.

Итак, принадлежность «Слова» к средневековой русской литературе и к подлинной древней традиции можно на сегодняшний день считать доказанной. Однако это, конечно, не значит, что все загадки памятника разрешены. Одной из много дискутирующихся в науке, а еще более в исторической публицистике проблем является вопрос об авторе «Слова». Заинтересованные энтузиасты, – чаще всего непрофессионалы, – примеряли «Слово» на самых разных исторических персонажей эпохи. Была перебрана едва ли не вся семья князя Игоря, включая его самого; искали автора в дочери другого героя «Слова», Святослава Всеволодовича, Болеславе. Все эти остроумные догадки могут пробуждать любознательность – но вывести их за пределы вольной игры ума не получается. Сторонникам единого авторства «Слова», как правило, требуется весьма тщательно выявлять даже цель и смысл написания поэмы. Из нее, в первую очередь, почти невозможно понять, – одобряет или осуждает певец предприятие князя?

Потому академическая наука с крайней осторожностью относится к отождествлениям автора с каким-то историческим лицом. В свое время академик Б.А. Рыбаков предложил считать автором киевского боярина Петра Бориславича, с личным творчеством которого связывал и значи-

тельную часть Киевской летописи (Рыбаков, 1991). Эта концепция, однако, имела вес лишь в связи с авторитетом её автора, – и поддержки в научных кругах не получила. Б.И. Зотов увидел автора «Слова» в крупнейшем церковном писателе XII в. Кирилле Туровском (Зотов, 1989). Оснований для этого специалисты в подавляющем большинстве не увидели.

Все попытки определить конкретного автора «Слова» заходят в тупик по простой причине – нет никаких поводов думать, что его имя вообще должно быть нам известно. У нас мало имен русских людей XII-XIII вв., и ещё менее таких, о внутреннем мире и взглядах коих ведомо. Автор «Слова», вероятно, был образованным дружинником или клириком, а может, и вправду князем из Рюриковичей – только конкретизировать его нет ни малейшей вероятности. Какие основания полагать, что его имя вообще встречается в летописях? – никаких. Чем больше мы уверяемся, что «Слово» было подлинной частью обширной традиции, тем меньше оснований полагать, что его автор был человеком для своей эпохи исключительным, неизбежно прославленным. «Песнотворцы» не все попадали на страницы источников. Бояна мы знаем только из «Слова» и «Задонщины», Ходыну только из «Слова», Софония Рязанца, с которым часто связывается создание «Задонщины» – только из неё. Большая часть произведений древнерусской литературы безнадежно анонимна. Желание, чтобы со «Словом» было иначе, понятно. Только для обоснованных выводов желания мало.

Другой проблемой исследования «Слова» остаётся его датировка. Большинство сторонников подлинности поэмы относят её создание к концу XII – началу XIII столетия. Но точно ли это так? Уже вскоре после открытия «Слова» видный представитель «скептической школы» тогдашней исторической науки М.Т. Каченовский, и домонгольские летописи считавший сомнительными компиляциями московской эпохи, публично усомнился в древности памятника. Каченовский полагал «Слово», как и многие другие древнерусские источники, сознательным подлогом – правда, средневековым, возможно, XIV столетия. Этот взгляд поддержал церковный историк Евгений (Болховитинов), который утверждал, что «Слово» почти синхронно сохранившему его сборнику, и относится к XV веку. Именно это воззрение, гораздо больше, чем теория подлога, преобладало среди российских скептиков первой половины XIX в.

Открытие «Задонщины» привело к пересмотру взглядов на «Слово» в пользу большего доверия в российской науке, – но оно же вызвало к жизни концепцию французского ученого Л. Леже. Леже не соглашался ни со сторонниками подлога XVIII в., ни, гораздо тверже, со сторонниками ранней даты памятника. В своих работах он отстаивал идею, что «Слово» создано неким эрудированным ученым мужем на основе «Задонщины» в XIV или XV столетии и могло быть доработано перед публикацией (Leger, 1890: 89-94). Идеи Леже о вторичности «Слова» по отношению к «Задон-

щине» были подхвачены А. Мазоном, А.А. Зиминим и другими сторонниками теории подлога – вопреки крайне осторожной и не проработанной до конца точке зрения самого Леже.

В российской науке рубежа XIX/XX вв. близкие к «промежуточной» датировке взгляды разделял А.А. Шахматов. Он признавал первичность «Слова» по отношению к «Задонщине», и, следовательно, раннее его происхождение – однако полагал, что существующий список подвергся сильной переработке и искажению. Следовательно, в дошедшем до нас виде «Слово» может принадлежать скорее XV-XVI, чем XII-XIV вв. (Шахматов, 1910; Шахматов, 1915). Ни Леже, ни Шахматов специальных работ, посвященных «Слову», не писали, и специально изучением памятника не занимались.

С появлением книги А. Мазона исследователи «Слова» жёстко разделились на сторонников древнего, домонгольского происхождения и позднего подлога, так что дискуссии о «промежуточной» дате, и без того негромкие, прервались окончательно. Только Л.Н. Гумилев, недалеко отходя от традиционной датировки, высказал оригинальную идею – «Слово» являлось политическим памфлетом XIII века, связанным с установлением монгольского владычества. В персонажах и событиях «Слова» зашифрованы реалии именно этого периода. При этом источником поэмы могла быть и более ранняя традиция, отраженная в летописных повестях, но она была препарирована «западником»-автором в своих целях (Гумилев, 1970: 305-345).

Только в последнее время, по мере ослабления позиций крайних скептиков под воздействием языковедческих аргументов, стали чаще появляться новые «промежуточные» варианты. А.Г. Бобров предложил считать «Слово» компиляцией древнего «дружинного фольклора» и авторских идей, относящейся к XV в. Авторство памятника он связал с Ефросином Белозерским, с именем которого связан Кирилло-Белозерский сборник – древнейший список «Задонщины». Его, в свою очередь, исследователь отождествляет с князем Иваном Шемячичем – принявшим монашество отпрыском мятежной ветви московского княжеского дома (Бобров, 2007).

Д.М. Володихин считает возможным признавать «Слово» литературной стилизацией, созданной в тех же кругах, что и «Задонщина», в последних десятилетиях XIV в. Содержание «Слова», по мнению ученого, могло откликаться на политические запросы и того времени. Как вариант авторства указывается при этом на Софония Рязанца. Однако при всем том традиционную датировку Володихин предлагает и далее считать «базовой» (Володихин, 2013: 77-84).

Стоит отметить, что если изначально сторонники поздней даты видели в «Слове» обычно подлог-стилизацию, то в последнее время, даже говоря о «стилизации», они имеют в виду запись некой подлинной песен-

ной традиции. Однако это не отменяет нескольких ключевых возражений на позднюю дату создания/записи «Слова».

1. Слово совершенно явно находится вне культурного контекста XIV-XVI вв. Это памятник живой еще дружинной культуры, создававшийся в условиях живого же «двоеверия». Уже в эпоху «Задонщины» первое умирало, а второе – умерло. «Задонщина», судя и по своему содержанию, и по чертам своей поэтики (например, по сохранности размера), – памятник иной, более поздней эпохи, чем «Слово». «Сказание о Мамаевом побоище» фиксирует уже деградацию той традиции, к которой «Слово» и «Задонщина» принадлежали – утрату поэтической формы и покорность летописно-житийным канонам. Нельзя не связать это с исчезновением прежней дружинной среды.
2. Всё, что можно сказать об авторе «мистификации», требовалось бы и от автора «стилизации». Он точно так же должен был бы располагать громадным объёмом исторической и филологической информации о домонгольском времени. Если речь идёт о точной записи или компиляции точных записей домонгольских устных текстов, то это возражение снимается лишь отчасти. Поскольку примеры таких записей абсолютно неизвестны.
3. Уже автору «Задонщины», как мы видели, была совершенно непонятна языческая образность «Слова», расшифровываемая лишь новейшими исследованиями. Во время «Задонщины» богов «Слова» уже не помнили. Имя Дажьбога, помимо «Слова», употребляется без искажений только в летописи и в русском переводе хроники Малалы. Имя Хорса – в летописи, «Беседе трех святителей» и поучениях против язычества. Имя Стрибога – только в летописи. Имя Трояна – в «Хождении Богородицы по мукам» и одном из поучений. Даже при зыбкости дат некоторых антиязыческих текстов, все остальные перечисленные памятники надёжно относятся к XI-XII вв. Единственные исключения – Див («Диво» в «Задонщине») и популярный в народных поверьях Севера Велес.
4. «Слову» совершенно отсутствуют параллели в литературе XIV-XVI вв. Мы не знаем ни других «записей» такого рода, ни других «стилизаций». Так что заявления о соответствующих литературных увлечениях московской эпохи остаются голословными. Одна известна нам «запись» дружинного домонгольского сказания в XV в. Это сохранившееся в двух сильно расходящихся списках XV и XVII в. «Описание об Александре Поповиче». Судя по использованию его в летописании уже начала XV в., создано оно было не позже XIV столетия. Это прозаический текст, совершен-

но лишенный метафор и бедный образностью – сухое изложение умирающей традиции.

5. Сторонникам поздней даты не удалось убедительно опровергнуть внешней датировки «Слова». «Слово» было создано не только до «Задонщины», но и до выходной записи псковского «Апостола» 1307 года. Считать, что писец Домид цитировал некий «расхожий оборот», нельзя, поскольку нигде, кроме его записи и «Слова», этот оборот не «ходит». Версия же о том, что сам Домид был создателем «Слова», поддержки среди сторонников поздней даты обоснованно не получила.
6. Сторонникам поздней даты не удалось убедительно опровергнуть и внутренней датировки «Слова». В начале «Слова» Игорь называется «нынешним», в конце «Слова» провозглашается здравица ему, его сыну Владимиру и брату Всеволоду. В древнерусской литературе неизвестны примеры такого отношения к давно умершим князьям. Неизвестны и примеры настолько рабской «записи» устного источника, сохраняющей все его элементы. Или речь идет о составной части сознательной подделки под старину – что некоторые авторы допускают? Тогда можно сказать, что и иные примеры столь тщательных подделок от XIV-XVI вв. нам равным образом неизвестны.

Однако один исходный посыл новейших сторонников поздней датировки заслуживает самого пристального внимания. Обычно, даже признавая принадлежность «Слова» к дружинной поэзии, сторонники ранней даты, тем не менее, исходят из его абсолютной цельности и говорят о едином «авторстве» – отсюда и периодически возникающее желание «автора» определить. Между тем, то, что «Слово» родилось в устном бытовании и было записано не сразу, явно следует из его текста, обращенного скорее к слушателям-дружинникам, а не к читателю. Отсюда естественны попытки оценить временную дистанцию между записью и созданием поэмы. Отсюда же и логичный вывод – «Слово» является сводом нескольких эпических песен, посвященных одной теме. Такой вывод объяснил бы наличие явных вставных эпизодов – публицистического «Златого слова» Святослава Всеволодовича и лирического «Плача Ярославны». Объяснил бы он и нечеткость политических симпатий «Слова», то ли осуждающего, то ли одобряющего действия Игоря.

Первым четко сформулировал идею о составном характере «Слова» украинский поэт и литературовед И.Я. Франко. Он полагал, что «Слово» соединило в себе несколько первоначально независимо бытовавших эпических песен, и включает явные прозаические фрагменты (Франко, 1983: 183-198). Сходную концепцию развил русский историк-эмигрант Е.А. Ляцкий, один из самых жестких критиков теории А. Мазона. Ляцкий при-

держивался очень ранней датировки «Слова». Но при этом он считал его созданным хотя и по горячим следам событий, но составным памятником, включающим, помимо минимум двух песен о походе, фрагменты и более ранних эпических произведений (Ляцкий, 1934). Стоит отметить, что с присутствием в «Слове» фрагментов древней поэзии не спорили и советские ученые: Д.С. Лихачев, В.П. Адрианова-Перетц. К таким фрагментам явно относятся отрывки, посвященные Всеславу Полоцкому и Олегу «Гориславичу».

Наиболее четко теорию устного происхождения «Слова» сформулировал уже на рубеже веков американский исследователь славянского фольклора и древнерусской литературы Р. Манн. По его мнению, «Слово» – памятник чисто устного происхождения, записанный спустя продолжительное время и вобравший в себя предшествующую эпическую традицию. В свете этого любые постановки вопроса об «авторстве» и «датировке» памятника будут отдавать условностью. Итоговая запись, по мысли Манна, не содержит явных литературных влияний, и точно отражает устный прообраз (или прообразы). Последний же литературные влияния мог испытывать (Манн, 2005; Манн, 2008). Эта концепция получила определенное распространение и признание в зарубежной науке; российские ученые ее встретили со скепсисом.

В то же время сама идея, что между сложением «Слова» (либо эпических песен, вошедших в его состав), и его записью могло пройти некоторое заметное время, иногда признается. Так, А.А. Инков, рассматривающий поэму как ценный первоисточник, пишет: «Среди распространенных дат создания “Слова” называются также 30-40-е гг. XIII века. По нашему мнению, в это время поэма была лишь записана, устная же версия “Слова” вполне могла быть создана при дворе черниговского князя уже в 1185 г. или несколько позже» (Инков, 2007: 126).

Отметим, что аргументы за вторую-третью трети XIII века как время первичной записи «Слова» есть. Это, прежде всего, языковое лицо памятника, несущего, как отмечалось, не только в орфографии, но и в лексике черты северо-западного диалекта. Не было ли «Слово» записано на Псковщине каким-то беженцем с юга России либо от него после монгольского нашествия? Это объяснило бы сам редкий для Древней Руси факт записи героической поэмы – стремлением сохранить ее после гибели породившей ее среды. Однако все-таки вселяют сомнения показания самого памятника – финальная здравица в честь князей. Сохранилась бы она при позднейшей записи? Вопрос остается открытым. Во всяком случае, запись «Слова» следует датировать не позднее 1307 г., когда его уже знал псковский писец Домид.

Б.А. Рыбаков в своё время произвёл любопытный эксперимент, частично «вмонтировав» «Слово о гибели земли Русской» в «Слово о пол-

ку Игореве». Опыт демонстрирует на самом деле нечто иное, чем пытался показать учёный, допустивший, что «Слово о погибели» – отчасти выпавший из поэмы отрывок. «Отрывок» довольно органично встал «на место» как раз по той причине, что принадлежал к той же поэтической, в значительной степени устной традиции. И потому, что «Слово», по крайней мере, отчасти, и создавалось (как писанный текст) именно таким способом творческой компиляции. «Слово о погибели», имея оно отношение к событиям конца XII в., вполне могло бы войти в состав «Слова о полку Игореве» – как вошли в его состав «Златое слово» от лица Святослава или «Плач Ярославны».

Список литературы

- Баскаков, Н.А. (1985) Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М.: Наука.
- Бобров, А. (2005) Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский // *Acta Slavica Iaponica*. №22. P. 238-297.
- Володихин, Д.М. (2013) Рюриковичи. М.: Молодая Гвардия.
- Гумилев, Л.Н. (1970) Поиски вымышленного царства. М.: Наука.
- Дмитриева, Р.П., Дмитриев, Л.А., Творогов, О.В. (1967) По поводу статьи А. А. Зимина «Спорные вопросы текстологии «Задонщины» // *Русская литература*. № 1. С. 105–121.
- Зализняк, А.А. (2008) «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М.: Рукописные памятники Древней Руси.
- Зимин, А.А. (2006) Слово о полку Игореве. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Зотов, Б.И. (1989) Кто он – автор «Слова о полку Игореве» // *Вопросы истории*. № 1. С. 118–124.
- Иванов, В.В., Топоров, В.Н. (1975) Исследования в области славянских древностей. М.:
- Инков, А.А. (2007) Древняя Русь и кочевники южнорусских степей в X–XIII вв. М.: Московский гуманитарный университет.
- Лотман, Ю.М. (1962) «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX в. // *Слово о полку Игореве – памятник XII века: Сб. статей*. М.: Изд-во АН СССР. С. 330–405.
- Ляцкий, Е.А. (1934) Слово о полку Игореве. Повесть о князьях Игоре, Святославе и исторических судьбах Русской земли: Очерк из истории древнерусской литературы. Praha:
- Манн, Р. (2008) «Песнь о полку Игореве»: новые открытия. М.: Языки славянской культуры.
- Моисеева, Г.Н. (1983) Новые материалы по истории Апостола 1307 г. с цитатой из «Слова о полку Игореве» // *Русская литература*. № 4. С. 128-132.

- Пиккио, Р. (1997) «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси // Труды отдела древнерусской литературы. Т.50. СПб.: ИРЛИ РАН.
- Рыбаков, Б.А. (1991) Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М.: Молодая Гвардия.
- Сказания и повести о Куликовской битве (1982) / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Л.: Наука.
- «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла (1966). М.: Наука.
- Столярова, Л.В. (2000) Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI-XIV веков. М.: Наука.
- Франко, І. Я. (1983) Історія української літератури // Зібрання творів. Київ: Наукова думка. Т. 40.
- Шахматов, А.А. (1910) Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище» (СПб., 1906) // Отчет о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария. СПб.:
- Шахматов, А.А. (1915) Ф. Е. Корш. Некролог // Известия Императорской АН. 6 сер. Т. 9, № 5. С. 385–387.
- Шлецер, А. (1809) Нестор. СПб.: Т. 1.
- Энциклопедия «Слова о полку Игореве» (1995) Т.1-5. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Jakobson, R.O. (1966) The Selected Writings. Vol. 4. Slavic Epic Studies. Paris: Gravenhage; Mouton.
- Jakobson, R., Wort, D. (1963) Sovonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field. Hague:
- Keenan, E.L. (2003) Josef Dobrovsky and the Origins of the «Igor' Tale». Cambridge: Harvard University Press.
- Leger, L. (1890) Russes et Slaves. Paris:
- Mann, R. (2005) The Igor Tales and Their Folkloric Background. СПб.: The Birchbark Press of Karacharovo.
- Mazon, A. (1940) Le Slovo d'Igor. Paris:
- Russian Epic Studies (1949) / Edited by R. Jakobson and E. J. Simmons. Philadelphia:

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета, главный редактор журнала «Научные труды Московского гуманитарного университета», председатель правления Историко-Просветительского общества.

Alekseev Sergey Viktorovich, Doctor of Science (history), Professor, Head of the History Department of the Moscow University for the Humanities, the chief edi-

*tor of the journal «Studies of the Moscow University for the Humanities»,
Chairman of the Board of Historic-Educational Society.*

**Массовые репрессии в русской политической культуре:
импорт из Европы?**

Володихин Д.М.

**The mass repression in Russian political culture:
imports from Europe?**

Volodikhin D.M.

Аннотация: Статья посвящена опричному террору Ивана Грозного как отражению процесса восприятия в России элементов западной политической культуры.

Ключевые слова: Иван Грозный, опричнина, массовые репрессии, вестернизация.

Abstract: The article considers Oprichnina's terror campaign of Ivan the Terrible as a reflection of the perception process in the Russian elements of Western political culture.

Keywords: Ivan the Terrible, Oprichnina, mass repression, Westernization.

Частью модернизации России стала постепенная вестернизация страны, происходившая на протяжении позднего Средневековья и начала Нового времени. Впитывание европейского опыта шло по целому ряду направлений: освоение научно-технических знаний, промышленное развитие, изменение устоев государственности, масштабная перестройка культуры. Часть этого «импорта» оказала благотворное воздействие на развитие страны, однако были и крайне вредные приобретения. Это касается в первую очередь политической культуры.

Сколько копий сломано за двести лет, со времен Николая Михайловича Карамзина, в спорах об опричнине и «грозе» царя Ивана Васильевича! И чем дальше, тем больше утверждается в российской публицистике, а за нею, к сожалению, и в академической науке, скверная тенденция: выстраивать факту русской истории XVI столетия, исходя из политических пристрастий людей Нового времени. Грубо говоря, само существование «большого террора» Ивана Грозного, истоки его и смысл трактуются с точки зрения устоявшихся стереотипов. Носитель подобного стереотипа чаще всего не пытается вникнуть в источники, самостоятельно проанализировать события, он просто приводит пример: вот, дескать, как ужасно (или как прекрасно), что Иван IV выкосил (очистил страну от) цвет лучших людей нации, гуманистов и демократов (подлых изменников, предателей и вероотступников). Такой способ мышления говорит об одном: человек намертво приварил себя к мировоззренческой баррикаде и уже не

мыслит себя вне баррикадной борьбы. Да-нет, черное-белое, друзья-враги – никаких полутонов, никакой глубины, никакой сложности!

Давайте всё же разберемся с этой болезненной и страшной темой, попробуем докопаться до того, происходили ли при Иване IV массовые репрессии, или нет. А если происходили, то насколько они оправданны и почему их сочли приемлемым способом решать политические проблемы. Особенно важно последнее: отчего этот инструмент мог оказаться востребованным в практике государственного строительства?

Прежде всего, ответ на первый вопрос, к сожалению, – положительный. Да, масштабный правительственный террор при Иване IV был, и пик его приходится на годы опричнины. Можно сказать и точнее: апогей массовых репрессий пришелся на период между первыми месяцами 1568 года и 1571 годом. Казнили и до того, и после, но столь значительной вспышки казней на всем пространстве длительного правления Ивана Васильевича не отыскать.

Чаще всего, говоря об этой череде казней, приводят данные иностранных источников: посланий и записок немцев Таубе и Крузе, Шлихтинга, Штадена, Гваньини, Стрыйковского, Одерборна и так далее. Источники эти очень отличаются друг от друга и по уровню достоверности, и по уровню информационной ценности. Те же Таубе и Крузе неоднократно были пойманы на лжи и просто слабой информированности, это источник до крайности ненадежный. А вот редкий мерзавец, насильник, грабитель и выдающийся корыстолюбец Генрих Штаден довольно точен в своем изложении. Стыда не имея, он со всей откровенностью повествует о своих и чужих мерзостях.

Нельзя огульно объявить: все иностранцы врут о России! Иностранцы XVI отзываются о нашей стране и нашем народе очень по-разному. Английский Ричард Ченслер, например, говорит о Московском государстве немало лестных слов, а те же поляки, главный наш враг среди европейских народов, порою сквозь зубы цедят: крепко дрался москвит... Да и среди немцев есть авторы, писавшие непредвзято.

Существуют заметки иностранцев – как тех, которые посетили Россию, так и тех, кто никогда в нашей стране не бывал, – где названы умопомрачительные цифры: десятки, сотни тысяч жертв грозненского террора! Критический анализ этих источников заставляет задуматься о том, откуда авторы заметок брали информацию. Чаще всего это слухи, сплетни, или, еще того хуже, «контрпропаганда» поляков, литовцев, немцев. Европа XVI века была наводнена «летучими листками» – микрогазетами, где свежие новости подавались в фельетонной форме. Достоверность – соответствующая. В тех случаях, когда иноземец начинает вещать самыми общими словами об эпическом деспотизме Ивана IV, об ужасах его правления, как

раз-то и появляются ни с чем не сообразные исчисления жертв. При описании массовых казней – например, в Новгороде Великом (1570) или Полоцке (1563), иностранным авторам изменяет чувство меры. Тут фантазированию нет предела, а реальной информированности не видно. В подобных случаях использовать иностранный источник – большая ошибка.

Но когда речь идет о том, сколько именно русских людей или царских пленников подверглось казни в какой-то конкретный день, при стечении строго определенных обстоятельств, уровень достоверности в записках иностранцев – заметно выше. В конце концов, те из них, кто присутствовал при расправе, могли очень хорошо и точно запомнить всё происходившее. Так, думается, показания Шлихтинга о казнях в Москве летом 1570 года весьма точны, это показания очевидца. И нельзя – грешно, неправильно! – ни отвернуться от них, ни проигнорировать.

Но, допустим, если бы сведения современного историка о массовых репрессиях грозненского времени извлекались бы исключительно из высказываний иностранцев, он мог бы усомниться: отчего ж русские источники молчат?

А русские документы отнюдь не молчат.

Во-первых, в начале 1580-х появились обширные синодики, рассылавшиеся в монастыри для поминовения тех, кто подвергся казни или просто бессудной расправе по воле государя. Именно они составляют наиболее серьезную документальную основу, по которой можно судить о размахе государственного террора. Они не полны, и по другим источникам – летописным, документальным, иным – исследователи нередко обнаруживали погибших, чьи имена не зафиксированы в синодиках. И тут нет никакого умысла к «фальсификации»: кого-то туда не внесли, поскольку его гибель не была следствием царского приказа, а кого-то позабыли за давностью лет – от казни до составления синодика могло пройти более полутора десятилетий, где тут упомнить каждого! Многие документы, связанные с карательной деятельностью, могли быть просто утеряны, могли, скажем, пострадать от большого московского пожара 1571 года.

Так, в январе 1563 года царь убил князя Ивана Шаховского, но в синодики этот аристократ не попал: его кончину успели забыть. Синодики охватывают период с конца 1564 – начала 1565-го по ноябрь 1575 года. Те, кто погиб от казней раньше 1564-го или позже 1575-го, туда заведомо не вошли. Правда, и массовый террор не выходит за эти хронологические рамки...

В декабре 1569 года опричник Малюта Скуратов убил инок Тверского Отроча монастыря Филиппа – бывшего митрополита Московского. Но имя Филиппа в синодики не попало: вероятно, гибель св. Филиппа не была следствием государева повеления, она стала результатом «самодеятельности» ретивого слуги.

Во-вторых, большое количество жертв подтверждается и летописными памятниками: Пискаревским летописцем, некоторыми новгородскими и псковскими летописями. Официальная царская летопись никаких сведений не сообщает, поскольку она обрывается на 1567 году. За предыдущий период она не скрывает казней, но их относительно немного, и от эпических масштабов более позднего террора они бесконечно далеки.

Массовый террор начался зимой 1567/1568 года, не ранее.

В синодиках собраны сведения о 369 жертвах террора на его начальном периоде – с зимних месяцев по лето 1568 года (Синодик, 2011: 214-215). В соответствии с рассказом одного позднего летописного памятника, «вотчины его (боярина И.П. Федорова, обвиненного в заговоре. – *Д.В.*) огнем и мечем пусты соделаны, а нарочитых, согнав в одно место, порохом подорвали, а простой народ, жен и девок, погнали в лес нагих, и по многих срамах замучены» (Шмидт, 1974: 351).

Иностранные источники эти данные подтверждают. «Послание» И. Таубе и Э. Крузе, записки А. Шлихтинга и Г. Штадена текстуально не зависят друг от друга, но одни и те же факты повторяются в них, полностью соответствуя сведениям русских источников.. Поэтому *нет никаких оснований отрицать массовые опричные репрессии 1568 года.*

Позднее репрессии шли «волнами», у них было несколько пиков. Один из них приходится на зиму 1569/1570 года, когда опричный корпус участвовал в карательном походе на Северную Русь. Другой – на лето 1570 года, когда проводились многочисленные публичные казни в Москве.

Нет резона давать подробные цитаты из источников по поводу каждой «волны» казней: все эти источники давно опубликованы и хорошо известны. Пожалуй, стоит лишь продемонстрировать, сколь велики совпадения в памятниках разного происхождения, т.е. текстуально не зависящих друг от друга.

Вот скупые строки «Пискаревского летописца»: «Положил царь и великий князь опалу на многих людей и повеле их казнити розными казнями на Поганой луже. Поставиша стол, а на нем всякое оружие: топоры и сабли, и копия, ножи да котел на огне. А сам царь выехал, вооружаясь в доспехе и в шоломе и с копием, и повеле казнити дияка Ивана Висковатого по суставам резати, а Никиту Фуникова, дияка же, варом обварити; а иных многих розными муками казниша. И всех 120 человек убиша грех ради наших» (Пискаревский летописец, 1978: 191). Действия царя воспринимались как мор, засуха или наводнение – «казни» Господни за грехи. К тому времени многие перестали видеть в монархе человека; в нем видели *живое орудие* мистической силы, которому Бог попустил совершение подобных действий.

Иностранные источники указывают разное количество казненных 25 июля 1570 года – в диапазоне от 109 до 130 человек. Синодик опальных, по разным подсчетам, свидетельствует о казни 125-130 человек.

Различие, как можно увидеть, невелико. Следовательно, факты, скорее всего, изложены точно: более ста человек было истреблено за один день и при большом стечении народа.

Москвичи не видели такого никогда, от основания города. Бывало, прилюдно казнили одного или нескольких человек. Порой, к изумлению горожан, лишалась головы весьма знатная персона. Например, при Дмитрии Донском казнили Ивана Вельяминова из рода московских тысяцких. Во времена Василия Темного несколько дворян-заговорщиков поплатились жизнями за преступные намерения. Иван Великий повелел спалить немногих еретиков. Но за все 400 лет своей биографии великий город не удостаивался столь страшной резни, какая случилась летом 1570-го!

Синодики дают документированный *минимум* жертв государственных репрессий. Если присоединить к их данным достоверные сведения из других источников, *итоговая цифра получится примерно 4000-5000 жертв*.

Реальное количество тех, кто пострадал от грозненских казней, больше. Но насколько больше – на 500 человек или на 5000 тысяч, определить невозможно. А потому нет никакого смысла строить фантастические гипотезы: их всё равно нет способа доказать.

Теперь стоит задуматься, сколь велика названная цифра – 4000-5000 строго документированных жертв – для средневековой России? Мало это или много?

Если применять мерки XXI века, то цифра эта впечатлить не может.

Во время Смуты начала XVII столетия казнили очень много. Особенно после того, как было подавлено восстание Болотникова. Нещадно казнили разинцев, чему не приходится удивляться: они и сами вдоволь напились чужой кровушки. Большими жертвами аукнулась Пугачевщина... и т.д.

А XX век внес новые коррективы. Всего за несколько месяцев после изгнания врангелевцев из Крыма большевики казнили там более 50.000 человек (Волков, 2002: 384-385). Стоит повторить: *за несколько месяцев – в десять раз большая сумма жертв государственного террора, чем за всё правление Ивана IV*. О дальнейших «успехах» карательной машины и вспоминать-то не хочется...

Но зверства советской власти – явление не уникальное, в XX веке массовые душегубки вошли в моду у «цивилизованнейших» народов Европы. Притом европеец мог сослаться на «добрые старые традиции»: у него за спиной – величественное здание якобинского террора, казни госуда-

рей английских и французских, усмирение непокорных в колониях. А на долю большевиков досталось грубоватое подражание, не более того. Россия тут, мягко говоря, не первооткрыватель.

Современный американец с восторгом поддерживает гуманитарные бомбежки Сербии. А когда-то с не меньшим восторгом он поддерживал чудовищные ковровые бомбардировки Германии и атомные «гостинцы» для Японии.

Куда там русскому XVI веку! Массовые казни грозненского времени – детская забава по сравнению с «человечным» XX столетием.

Но в эпоху Святой Руси к казням относились иначе.

Последние несколько столетий – время массового разращения человеческой природы. Время, когда всё более глубокая подлость оказывается разрешенной. Как минимум, не осуждаемой. Скверна разных сортов, позволительная для современного государства, и даже порой выдаваемая им за доблесть, была делом немыслимым для эпохи, погруженной в христианство.

В интеллигентской среде вот уже третий век циркулируют мифы об «извечном» деспотизме русского государственного строя и об его же «извечной» свирепости. Дескать, у «Большого медведя» лапы и морда вечно в крови.

И после блаженной памяти XX столетия подобное искажение нашей истории легко заякоривается в массовом сознании. Несколько поколений русских людей с удивительной неразборчивостью приняли его на веру.

Между тем, оно абсолютно неверно. Никакой «вечной», «постоянной», «изначально присущей» склонности к массовым репрессиям в русской политической культуре не существовало.

Конечно же, совершались казни по политическим мотивам. Конечно же, случалось так, что в распоряжении палача оказывалось сразу несколько человек. Такое бывало и в XV веке, и в начале XVI-го. У нас (по древней византийской традиции) ослепляли политических противников, держали их в заточении, терзали тяжкими кандалами, отправляли на плаху... Например, осенью 1537 года регентша Елена Глинская повесила три десятка новгородцев – за открытое участие в мятеже князя Андрея Старицкого.

Всё это так. Политическая борьба на Руси отнюдь не принимала благодетных розовых оттенков.

Но.

Если спускаться от времен Ивана Грозного век за веком в колодезь времен, то, чем дальше, тем яснее будет становиться: Русь на протяжении нескольких веков *не знала массовых репрессий*. Нельзя сказать, чтобы они находились на периферии политической культуры. Нет, неверно. Массовые репрессии пребывали за ее пределами. Они просто не допускались.

Никакая «азиатчина», «татарщина» и тому подобное не втащили на русские земли пристрастие к такого рода действиям. Русь знала Орду с середины XIII века. Но свирепости от Орды не научилась. На войне, в бою, в запале, в только что взятом городе, когда ратники еще разгорячены недавнею сечей, – случалось разное. Крови хватало. А вот по суду или даже в результате бессудной расправы, связанной с каким-нибудь «внутренним делом»... нет. Никаких признаков масштабного государственного террора.

Вот удивительный для наших современников и приятный для национального самосознания факт: террор был глубоко чужд русскому обществу и во времена Батыевы, и при святом Сергии Радонежском, и на заре существования единого Московского государства. Иван Великий и Василий III мысли не допускали, что можно решать политические проблемы подобным образом.

Можно твердо назвать дату, когда массовые репрессии вошли в политический быт России. Это первая половина – середина 1568 года. И ввел их никто иной, как государь Иван Васильевич.

Его современники, его подданные были смертно изумлены невиданным доселе зрелищем: слуги монаршие убивают несколько сотен виноватых и безвинных людей, в том числе детей и женщин! Несколько сотен. На тысячи счет пойдет зимой 1569/1570 года. А пока – сотни. Но и это выглядело как нечто невероятное, непредставимое. Царь устроил настоящую революцию в русской политике, повелев уничтожать людей в таких количествах...

Для XVI века не 4000, и даже не 400, а всего лишь 100 жертв репрессий и то было бы – *слишком много*. Далекое за рамками общественной нормы.

Но почему на Русь пришла такая «реформа»?

Неужели государь Иван Грозный боролся с такими заговорами и решал такие проблемы, перед которыми изощренный ум его деда, Ивана Великого спасовал бы? А ведь тому приходилось создавать Россию из крошева удельных владений, преодолевая враждебность воинственных соседей и нелады в собственном роду! Но дед обходился без массовых репрессий, и завещал преемникам колоссальное процветающее государство. А у внука почему-то не получилось. Даже если допустить, что все заговоры, коих коснулось каленое железо террора при Иване IV, действительно существовали, даже если убедить себя в более значительном их объеме, нежели во времена его великого деда, все равно останутся вопросы. Например, такой: заговорщической деятельностью могла заниматься высококородная аристократия, дворянство, может быть, богатое купечество. Но казнили-то еще и священников, монахов, крестьян в далеких северных де-

ревнях, женщин, детей – эти-то и слыхом не слыхивали о господских пакостных затеях, если таковые существовали! Так зачем их убили?

Может быть, всему виной какое-то душевное расстройство государя? Нашлось немало желающих, не видя «пациента», сквозь мглу веков прозревать высокоученым оком его умственные хвори. Одни ученые, например, П.И. Ковалевский, ставили первому русскому царю психиатрические диагнозы, другие – например, С.Ф. Платонов, едко проходились по поводу их беспочвенности. Вряд ли, вряд ли безумец мог водить армии, вести дипломатические переговоры, создавать литературные сочинения и каяться в грехах... Нет, нет, не видно сумасшествия в государе Иване Васильевиче.

Дело в другом. Он нарушил прежнюю общественную норму и воздвиг новую, доселе небывалую на Руси.

Словно кто-то или что-то дало ему разрешение: раньше было нельзя, а теперь – можно! Словно не он первый обретал роль державного старшины в палаческом цеху...

Но если не он, – кто же еще? Кто мог подать такой пример? В династии московских Даниловичей-Калитичей – никто. Ни один московский правитель до Ивана Грозного на подобное не решался. Все берегли душу от греха, даже в самых экстремальных ситуациях.

Однако... пример мог возникнуть не из прошлого, а из настоящего.

И теперь стоит перечитать первый абзац этой статьи.

Поневоле возникает почва для вопроса: а не стало ли это государево нововведение результатом западноевропейского «импорта»? Политическая культура Западной Европы XVI столетия отличалась гораздо большей жестокостью, нежели русская. Масштабное пролитие крови стало для европейцев приемлемым из-за грандиозных столкновений на религиозной почве.

Эрозия христианских ценностей, нравственное падение папства, бешеный напор гуситов, а потом и Реформация, начавшая свой разбег с Германии, резко снизили ценность человеческой жизни. Самые кровавые, самые безжалостные войны Европа вела сама с собой, внутри собственного цивилизационного организма, на почве ширящегося религиозного раскола. Как только пошатнулась добрая громада христианства, доселе оберегавшая европейский социум от падения в новое варварство, сейчас же кровь полилась гремящим потоком.

Торквемада появился на политических подмостках Европы задолго до Ивана Грозного. Аутодафе, начавшиеся в 1481 году, всего за несколько месяцев перевели из земного бытия в загробное сотни людей. В специальной литературе чаще всего фигурирует «стартовая» цифра в 298 казненных. Вполне сравнимо с 369 казненными в первые месяцы массовых ре-

прессий при Иване IV. Вот только случилось всё это на столетие раньше, чем в России...

За доброе десятилетие до опричнины королева Мария Тюдор принялась массажи жечь протестантов на землях «просвещенной» Англии. Историки чаще всего пишут приблизительно о 300 умеренных «за веру» в ее правление. Впрочем, подсчеты расходятся. Как на грех, именно в середине 1550-х между Московским государством и королевством Английским были установлены дипломатические отношения. Экспедиция Хью Уиллоуби и Ричарда Ченслора добралась до русских берегов. Торговая компания англичан быстро утвердилась в нашей столице. Москва с интересом ознакомилась со свежим политическим опытом недавно обретенных союзников...

Кровопролитные войны между католиками и гугенотами во Франции начались *до того*, как у нас появилась опричнина. Боевые действия шли на протяжении многих лет и сопровождались характерными инцидентами, например, знаменитым побоищем в Васси. Весной 1562 года герцог Франсуа Гиз, ревностный католик, подверг безжалостной резне протестантскую общину.

Расправы шведского короля Эрика XIV над собственными подданными, особенно же аристократией, относятся к 1560-м годам, т.е. они по времени фактически параллельны опричнине... но все же производились *чуть раньше* того самого грозненского «срыва» 1568 года. Впрочем, и у Эрика были чудесные «учителя»: в 1520 году датчане устроили в Стокгольме «кровавую баню», публично перебив сотню шведских дворян.

Вооруженные бесчинства нидерландских иконоборцев относятся к 1566 году. Накануне, так сказать... Ответные зверства герцога Альбы в тех же Нидерландах начались во второй половине 1567 года. Впритык! За годы карательной деятельности Альбы в Нидерландах список его жертв далеко превысил число казненных, известное по грозненским синодикам.

Хотелось бы подчеркнуть: ни о Варфоломеевской ночи, разом многократно превысившей сумму жертв грозненского террора, ни о «мишелядах» – массовом убиении католиков «бедными овечками» гугенотами за три года до Варфоломеевской ночи – здесь не говорится. И то, и другое произошло *после того*, как в Московском государстве начались массовые репрессии. Но как много иных примеров большой крови, пролитой в Европе *до опричнины*! И далеко не все они приводятся, список выглядел бы слишком громоздко. Варфоломеевская ночь не понадобилась России в качестве дурного примера. Другого просвещенного душегубства хватило с избытком.

О, у государя Ивана Васильевича были отличные «наставники». Российская дипломатия, связывавшая царский престол с множеством престо-

лов европейских, приносила Ивану IV ценные сведения о тамошних политических «новинках».

Похоже, Западная Европа вознамерилась преподнести Европе Восточной урок: убивайте! Убивайте больше! Зачищайте так, чтобы больше ничто не зашевелилось на этом месте! Не стесняйтесь количеством жертв! Забудьте о Заповеди «Не убий!» Преодолейте ее в себе! Не стесняйтесь! Бог потом разберется, были среди пострадавших невинные, или нет.

И у нас, в России, этот урок был, по всей видимости, воспринят как руководство к действию. Русская политическая культура оказалась инфицированной. Вирус массовых казней вошел в нее, и до сих пор непонятно, как от него избавиться.

Если Московское государство, с легкой руки первого русского царя, действительно заимствовало практику массовых политических репрессий у Европы, то это был опыт, требовавшийся Русской цивилизации меньше всего.

Видя губительный пример европейской политической традиции, видя его страшное влияние на русскую реальность, меньше всего следует предаваться успокоительным размышлениям.

Недостойно позволять себе мысли в духе: отлично! наша русская жестокость мягче европейского кровавого варварства эпохи религиозных войн. Вот пожалуйста – четыре сотни трупов по одному «делу» Федорова за полгода... и что? А Варфоломеевская ночь? Сколько там полегло народу! Куда нам до них! Куда благочестивому грозному царю до европейских тиранов того времени! Само время делало государственную жестокость нормой!

Аргумент этот плох, а лучше сказать – гнил по самой своей сути. Во-первых, если кто-то в Европе был еще большим зверем, чем наш государь, то это не повод оправдывать великую кровь, пролившуюся на русской земле. Хорошо ли сравнивать с худшими из тех, кто правил Европой? Ведь так и себя запишешь в худшие... Во-вторых, нормой в ту эпоху все-таки оставались Заповеди Господни, и любой христианин обязан соблюдать их. Всегда. В любой век. В любой стране. При любых обстоятельствах. XVI и XVII века принесли колоссальное количество преступлений против Заповедей. Их произошло немало в России, а еще того более в Европе. Ни в коем случае нельзя оправдывать их какой-то специфической атмосферой того периода. Верующему надо бы вглядываться в ту кровь, те страсти, ту жестокость и беспощадность, чтобы учиться, каким не следует быть христианином. А неверующему небесполезно будет увидеть, как лучшие из христиан противостояли разверзающейся пропасти.

Пример Европы, нравственно погибающей, для нас не образец и не оправдание. Оправдывая собственную скверну тем, что сосед погибает, и сам погибнешь вместе с ним.

При всем том надо помнить: средневековая Русь в смысле нравственности ее правителей, человечности ее общественных устоев, долгое время стояла выше Европы. Поддавшись европейскому соблазну, разрешив себе массовые репрессии как инструмент государственного строительства, мы... упали до уровня западных европейцев. И в итоге полной мерой получили от них же необоснованное презрение.

Это очень хороший урок, обретенный ценою большой крови, большой боли: европейский политический импорт частенько несет в себе глобальное растление, а в перспективе он еще и приводит к тому, что «добрые наставники» обвиняют «русского медведя» в пороках, от них же приобретенных. «Это у вас, драгоценные ученики, извечное. Цивилизованным людям не присущее. Посмотрите на себя в зеркало, разве вы на нас похожи?».

Вот уж и впрямь – поменьше бы сходства.

Список литературы

- Волков С.В. (2002) Трагедия русского офицерства. М.: Центрполиграф.
Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. М.: Наука.
Синодик опальных Ивана Грозного 1583 года (2011) // Памятники истории русского служилого сословия. М.: Древлехранилище.
Шмидт С.О. (1974) Поздний летописчик со сведениями по истории России XVI в. // Летописи и хроники. 1973. М.: Наука.

Володихин Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Volodikhin Dmitry Mikhailovich – Doctor of Science (history), Ass. Prof., associate professor of the Sources Department of Historical Faculty of the Moscow State Lomonosov University.

**Ломоносовская модернизация:
возрождение мозаичного искусства в России**

Васильев Ю.А.

**Lomonosov's Modernization:
the revival of mosaic art in Russia**

Vasiliev Y.A.

Аннотация: статья посвящена возрождению мозаичного искусства в России М.В. Ломоносовым

Ключевые слова: М.В. Ломоносов, модернизация, мозаичное искусство.

Abstract: The article is devoted to the revival of mosaic art in Russia by M.V. Lomonosov.

Keywords: M.V. Lomonosov, modernization, mosaic art.

М.В. Ломоносов возродил в России мозаичное искусство, известное в Киевской Руси, но утраченное в период татаро-монгольского нашествия. Более того, можно утверждать, что в данной области Ломоносов осуществил, используя современную терминологию, инновационный прорыв: инновация технологическая (создание новой технологии изготовления качественного цветного стекла множества цветов и оттенков) сопровождалось инновацией в художественном творчестве (создание русского мозаичного искусства, основанного на исторических сюжетах, основание отечественной школы мозаичного мастерства). Результаты деятельности российского подвижника в данной области олицетворяют собой одновременно передовые достижения века Просвещения (современником которого он был), с элементами русского Ренессанса (неслучайно, что сама мозаика – муссия, как называл ее Ломоносов, – появилась в античную эпоху).

Для создания мозаичных изделий Ломоносов организовал изготовление смальты и скрепляющего раствора на фабрике цветного стекла в Усть-Рудице. С древнерусскими мозаиками Софийского собора он ознакомился еще в 1734 г. во время пребывания в Киеве. Инициатором идеи создания мозаичного искусства считается Михаил Илларионович (Ларионович) Воронцов – канцлер в 1758-1763 гг. После его заграничного путешествия в Европу он привез в 1746 г. из Италии образцы работы мозаичных мастерских Ватикана, среди них была мозаика «Плачущий апостол Петр». В 1750 г. в Петербург был доставлен мозаичный портрет императрицы Елизаветы Петровны, заказанный Воронцовым мастеру мозаики А. Кокки с оригинала Л. Каравака. В то время мозаичное искусство процветало в Риме, где публичные строения украшались мозаикой (М.В. Ломоносов, 2010: 147-148).

По замыслу Ломоносова, мозаика, представленная в памятниках истории, посредством обобщенного и образного художественного воздействия была призвана прославить величие России и исторические деяния русского народа. Различие в материале и технологии создания произведений мозаики и живописи исключало возможность изготовления абсолютно точных копий, поэтому мозаичные произведения по своей технологии представляли собой перевод художественной формы оригинала на язык наборной техники. Ломоносов считал, что посредством кусочков разноцветной смальты можно создавать картины, не уступающие живописным по силе воздействия, однако, в отличие от масляных, краски мозаики не изменяются ни от воздуха, ни от солнца, ни от времени, так как изготовлены на сильном огне. Через столетия мозаичные картины сохраняются в первозданном виде, отличаются прочностью и качеством.

Навыки для восприятия и освоения высокого искусства, каким являлось мозаичное дело, в Ломоносове были заложены в период его обучения в Славяно-греко-латинской академии при Заиконоспасском монастыре (в Спасских школах). В средних классах в 1732-1733 гг. под руководством Федора (Феофилакта) Кветницкого Ломоносов обучался премудростям «пиитики» («стихотворного учения»), постигал основы стихосложения и поэзии. Риторикой (т.е. красноречием) он занимался у Порфирия Крайского, ученика Феофана Прокоповича, в 1733-1734 гг. Обстоятельно, в соответствии с традициями средневековых университетов, изучались (в значительной мере зубрились наизусть), труды античных авторов: ораторов (Демосфен, Цицерон), историков (Геродот, Фукидид, Ливий, Саллюстий, Тацит, Юлий Цезарь, Светоний, Корнелий Непот), поэтов (Гомер, Вергилий, Овидий, Гораций, богословов (Иоанн Златоуст, Григорий Богослов, Василий Великий, Климент Александрийский, Августин, Амвросий Медиоланский) и др. Обучение требовало «отмечать все украшения, фигуры, распространения, аффекты, подобия, сентенции, периоды, колоны, коммы и их сочетание». Из античных авторов подбирались в виде цитат на латинском языке примеры для «эрудиций», «сентенций», «апофегмат», «символов» и «образцов». Современный мир воспринимался в идеальных образах античного мира и Священного Писания, рекомендовались сравнения современников с Тезеем, Язоном, Самсоном, Девкалионом, Геркулесом, Гиппоменом, Моисеем. Идеализированные персонажи становились символами человеческих добродетелей или высших достижений героев: счастья, храбрости, милосердия, величия, мудрости, красноречия и пр. Ломоносов освоил приемы ораторского искусства, правила составления проповедей и торжественных речей. Учеба в Славяно-греко-латинской академии заложила интерес и навыки к изучению исторических памятников и исторических источников. Философско-риторическая подготовка развила в нем стремление к универсальному постижению мира. Ломоносов хорошо знал

лучшие образцы древнерусского проповеднического искусства, опиравшегося на многовековую национальную традицию (Свердлов, 2011: 327-328; Павлова, Федоров, 1988: 50, 52-53).

Изучение риторики в Славяно-греко-латинской академии позволило Ломоносову освоить метод наибольшего эмоционального воздействия на окружающих, чтобы поразить воображение. В преподавании риторики ставились три задачи: учить, вызывать восхищение, поражать (захватывать) воображение. Риторические приемы, олицетворяемые с живописью словом, Ломоносов перенес в область живописных полотен и мозаичных произведений. Во время обучения в Марбургском университете Ломоносов посещал лекции на философском факультете профессора Санторока по мифологии, занятия профессора истории и элоквенции И.А. Гартмана по римскому красноречию. Он законспектировал «Трактат о возвышенном» греческого философа Дионисия Лонгина во французском переводе Н. Буало (Свердлов, 2011: 346; Павлова, Федоров, 1988: 85).

Следует обратить внимание на становление Ломоносова как художника, столь необходимое в мозаичном искусстве. К сожалению, до сих высказывается мнение, отрицающее его подготовленность в данной области. Одним из первых подобное утверждение сделал советник Академической канцелярии Якоб Штелин, причем уже после смерти Ломоносова. Академик Штелин утверждал, что Ломоносов якобы сам не учился ни рисовать, ни писать красками, сам совсем не умел рисовать, а использовал учеников-живописцев (Матвея Васильева и др.) (Михаил Ломоносов, 2011: 206). Однако данное мнение является вымыслом.

Как художник Ломоносов сформировался в Марбурге. В период его обучения в университете он специально занимался рисованием. Основы рисования осваивались по пособию немецкого художника И.Д. Прейслера, директора Нюрнбергской академии художеств, под названием «Основательно изложенные правила, или Краткое руководство к рисовальному искусству». В России оно впервые было опубликовано Петербургской академией наук в 1734 г. с параллельными текстами на немецком и русском языках (в последующем вышло еще пять изданий, после создания самостоятельной Академии художеств в ней обучали, помимо других книг, по пособию Прейслера). В руководстве ставилась задача научить в последовательном порядке рисовать с натуры. Данное пособие было выдано студентам при отъезде из Петербурга в Марбург как пособие для уроков рисования, предусмотренных инструкцией академии наук от 18 августа 1736 г. (п. 5 содержал требование: «учиться прилежно рисованию»). Уроки рисования в Марбурге ориентировались на прикладные цели: для привития у студентов навыков изображения различных предметов при изучении наук. В течение двух лет Ломоносов систематически упражнялся в рисовании. Свидетельством успехов студента Ломоносова в рисовании является уче-

нический рисунок Каина, отправленный им из Марбурга в приложении (отдельный лист) к письму с отчетом («репортом») в адрес президента Петербургской академии наук И.А. Корфа 15 сентября 1737. Рисунок сделан с гравюры из 3-й части руководства Прейслера (М.В. Ломоносов, 2010: 14, 18-20, 26, 33). Прочные основы художественного мастерства, освоенные в период обучения в Марбургском университете, проявились позднее в развитии способностей и проявлении художественного дарования и художественного вкуса в изобразительном, живописном и мозаичном искусстве.

60-е годы XVIII в. являлись переломным периодом в изобразительном искусстве: господствующим художественным стилем становился классицизм, пришедший на смену стилю барокко. Специалисты в области искусства констатируют, что Ломоносов вырос и сформировался как художник в традициях искусства барокко и в своем художественном творчестве следовал принципам этого стиля, однако его «Идеи» пронизаны идеалами классицизма, и темы, предложенные им, нашли свое воплощение у художников этого направления. Классицизму как направлению и как художественному стилю присуще обращение к разуму человека, что было близко Ломоносову-ученому и просветителю. Присущие классицистической традиции патетика, велеречивость, риторика, трагическая поэтика, монументальность форм легли на благодатную почву знаний и навыков, усвоенных Ломоносовым в период его обучения в учебных заведениях России и Германии. Эстетика классицизма придавала огромное значение общественно-воспитательной функции искусства. Неслучайно, что ломоносовские темы, посвященные морально-этическим проблемам, свойственны искусству классицизма: столкновение личных и государственных интересов, добра и зла, умение жертвовать собой ради высших целей, становление личности, драматическое столкновение гуманности, справедливости, милосердия, великодушия с жестокостью и деспотизмом (Бренева, Ринкон-Поса, 1991: 63).

Эстетика классицизма устанавливала строгую иерархию жанров, которые делятся на «высокие» (в живописи – исторический, мифологический и религиозный жанры, сфера которых – государственная жизнь или религиозная история, их герои – монархи, полководцы, мифологические персонажи, религиозные подвижники) и «низкие» (в живописи – «малый жанр» – пейзаж, портрет, натюрморт). Каждый жанр имел строгие границы и четкие формальные признаки, не допускалось никакого смешения возвышенного и низменного, трагического и комического, героического и обыденного. Одной из важнейших черт классицизма было обращение к античному искусству как высшему образцу и опора на традиции высокого Возрождения. Интерес к прошлому проявился в появлении портретов исторических деятелей – ранее в портретной живописи преобладала салонная тематика:

модными типажамы являлись миловидные героини с одинаковым приветливо-отрешенным выражением лица (Гусева, 2011: 41).

Для изобретения мозаичных составов Ломоносов провел более четырех тысяч опытов. В результате им была создана богатейшая палитра смальт, состоявшая из 112 основных тонов и свыше тысячи разнообразных оттенков, намного превосходившая палитру знаменитой тогда Ватиканской мозаичной мастерской в Риме. Первая работа Ломоносова в мозаике – мозаичная картина Богоматери с оригинала римского живописца Ф. Солимона – была преподнесена императрице Елизавете Петровне 4 сентября 1752 г., причем она оказалась среди икон в ее покоях (Тарасова, 2011а: 423; Михаил Ломоносов, 2011: 206, 430; М.В. Ломоносов, 2010: 148). По указу Правительствующего Сената мозаичные работы мастерской Ломоносова были освидетельствованы экспертами. В отзыве Собрания Академии художеств от 1 ноября 1757 г. содержалась высокая оценка качества работ: отмечались прочность материала, стойкость цвета стекла и разнообразие оттенков, качество крепящего раствора. Главным заключением являлось следующее: «сие благородное художество изобретено и уже столь далеко произошло, как в самом Риме и других землях едва в несколько сот лет происходить могло» (Михаил Ломоносов, 2011: 203). В 1764 г. за заслуги в мозаичном искусстве Ломоносов был избран почетным членом Болонской академии наук. В статье в «Ученых Флорентийских ведомостях» 12 марта 1764 г. отмечался успех Ломоносова: «посредством множества опытов достиг искусства производить все цветы для составления мозаик, которые в сравнении с римскими ни в чем им не уступают» (Там же).

Ломоносов стал не только основателем мозаичного искусства в России, но и создателем собственной школы. В мастерской Ломоносова выполнены замечательные мозаичные шедевры: портреты Александра Невского, Петра I, императрицы Елизаветы Петровны, цесаревны Анны Петровны, великого князя Петра Федоровича, императрицы Екатерины II, канцлера графа М.И. Воронцова, графа П.И. Шувалова, графа Г.Г. Орлова, а также библейские образы апостолов Петра и Павла, св. Екатерины и др. Сохранившиеся мозаичные портреты украшают сегодня Государственный Эрмитаж, Русский музей в Санкт-Петербурге, Исторический музей в Москве, музей Ломоносова и др.

Сам Ломоносов изготовил мозаичный портрет Петра I с оригинала Луи Каравака (лицо) и И.-Г. Таннауэра (доспехи). В типичной для ломоносовской мастерской яркой монументальной манере запечатлен образ деятельного, полного неукротимой творческой энергии, устремленного в будущее преобразователя России. Необычайно выразительны рисунок и палитра смальт разнообразной цветовой гаммы. Чередование глухих и прозрачных смальт создают игру светотени и способствуют смене впечатлений от портрета в зависимости от освещения. Блестяще передана фактура

лица, блеск металлических лат, переливы муара. Петр изображен в доспехе и горностаевой мантии, с голубой муаровой лентой ордена св. Андрея Первозванного (М.В. Ломоносов, 2011: 437).

Замечательные мозаичные произведения оставили ученики Ломоносова: мозаичисты Матвей Васильев, Ефим Мельников, Яков Шалауров, Михаил Мешков, Филипп Нестеров, Максим Щоткин, Семен Романов, Фома Рогожин и др. Изображение Рубенса с оригинальной картины современниками признавалось как «столь превосходная мозаика, что на расстоянии нескольких шагов ее принимали за оригинал» (Михаил Ломоносов, 2011: 210). Матвей Васильев и Ефим Мельников являются авторами мозаичного портрета графа П.И. Шувалова. Граф изображен в темно-зеленом мундире с широким золотым галуном. Под мундиром – красного цвета коллет и белое кружевное жабо. Поверх мундира – голубая муаровая орденская лента и звезда ордена св. Андрея Первозванного, на шее – темно-синяя орденская лента и орден Белого орла (М.В. Ломоносов, 2011: 437-438). Мозаичисты Матвей Васильев и Ефим Мельников также создали мозаичный образ «Св. апостол Петр плачущий» по аналогии работы мастерской Ватикана, привезенной канцлером М.И. Воронцовым из Италии. М.В. Васильев стал автором портрета канцлера Воронцова (с оригинала Л. Токке). Мозаичный образ «Св. апостол Павел» Васильева восхищает знатоков искусства тонко продуманной гармоничной цветовой гаммой и техникой исполнения, подражающей живописи. Это одна из последних и лучших из дошедших до нас станковых работ мозаичной мастерской Ломоносова.

Однако остался нереализованным самый грандиозный мозаичный проект Ломоносова. После пожара, произошедшего 30 апреля 1756 г. от удара молнии в шпиль Петропавловского собора, требовалось его восстановление. В Правительствующий Сенат 30 января 1758 г. П.И. Шуваловым было подано предложение – поручить Ломоносову сделать внутри крепости мозаичные украшения в соборной церкви Святых апостолов Петра и Павла и монумент в честь достойной памяти и славы Петра I. Прецеденты подобных сооружений, правда, в значительно меньшем объеме, уже были. Гробница Александра Невского была сооружена в пышных формах барокко по проекту саркофага художника Г.К. Гроота, автором эскизов барельефов со сценами из жизни князя на стенках саркофага являлся Я. Штелин. В 1746 г. были подготовлены сведения о наиболее важных событиях из жизни Александра Невского. Архитекторы Д. Трезини и Ф.Б. Растрелли определили место для установки гробницы в Благовещенской церкви Александро-Невского монастыря, на втором этаже для нее оформили нишу. В августе 1751 г., когда гробницу уже установили, было решено дополнить большую пирамиду фигурами двух ангелов, держащих картуши с надписями (М.В. Ломоносов, 2011: 213). Сенат поручил разработать несколько проектов. Всего было подано пять проектов: академика Я. Штелина, живо-

писца Д. Валериани, скульптора И.-Х. Дункера, архитектора И.Д. Шумахера, М.В. Ломоносова.

Ломоносов разработал проект мозаичного монумента в честь Петра I для Петропавловского собора. В памятнике Петру Великому над его могилой предполагалось изображение наиболее значимых эпизодов деятельности Петра с фразами из Священного Писания, а также украсить стены собора мозаичными картинами. В семнадцати монументальных мозаичных панно на сюжеты из жизни Петра Великого предлагалось отразить великие исторические события, связанные с жизнью и деятельностью Петра. 7 апреля 1758 г. Ломоносов подал свой проект «о мозаичных украшениях для монумента Петра I» в Сенат, он был утвержден, но дело затянулось. В 1761 г. Ломоносов разработал второй вариант проекта, в котором осталось 12 картин. Сенат одобрил проект лишь в июне 1761 г. (Михаил Ломоносов, 2011: 428; М.В. Ломоносов, 2010: 340-341).

В художественном проекте Ломоносова представлялась следующая композиция. На трех фронтисписах, в позолоченных гротесковых рамках мозаикой представляются: 1) Слава, трубящая и попирающая ногой поверженную смерть в знак, что хвала Петра бессмертна; 2) Вечность, пишущая дела его в нетленную книгу; 3) Правда, изображенная солнцем, возвышает рукой своей окруженное сиянием солнечных лучей государево наименование Великий. На карнизе между фронтисписами помещались четыре пары серебряных статуй: 1) Премудрость и Мужество; 2) Трудолюбие и Постоянство; 3) Правосудие и Милосердие; 4) Любовь и Верность. Наверху располагалась императорская корона. Главные мозаичные панно «Полтавская баталия» и «Азовское взятие» планировались для северной и южной стен собора, остальные десять – в простенках. Масштабный проект Ломоносова задуман в стиле барокко.

Изображение исторических сюжетов, выполненное мозаикой, сопровождалось надписями, под каждым имелись описание события и дата. В проекте перечислены сюжеты и описание всех изображений. Над каждой картиной должны были присутствовать библейский сюжет со словами Христа или апостола Петра. Начало правления Петра I демонстрировалось в верхней части панно историей, как Христос учит смирению Петра и других апостолов. Сюжет о подавлении бунта стрельцов наверху сопровождался картиной, в которой ангел ведет апостола Петра из темницы. Над историей о создании флота показана картина, как Христос ходит по морю. Наверху картины о взятии Азова демонстрировалось низвержение волхва. История пребывания Петра за границей наверху сопровождалась видением с неба апостолом Петром плащаницы. Основание и строительство Санкт-Петербурга, Кронштадта и Петергофа содержало сюжет беседы Петра с Христом после преображения. Над изображением Левенгауптской битвы (т.е. сражения при Лесной в 1708 г.) располагался апостол Павел, воздев-

ший к небу руки. Картина Гангутского сражения включала над собой изображение Петра, забросившего сети в море, на берегу располагался повелевающий Христос. Управление флотом сопровождалось сюжетом о том, как Христос повелевает с Петром и другими апостолами. Мозаичные картины изображали также учреждение Правительствующего Сената, Прутский поход, заключение мира со шведами, учреждение Святейшего Синода, взятие Дербента, наконец, погребение государя (Ломоносов, 1980: 303-307). Описание предполагаемых изображений проекта, сопровождаемого библейскими образами и фразами из Священного Писания, опровергает утверждения о мнимой атеистичности его автора. Об этом же свидетельствует и сам замысел создания монументального проекта в христианском соборе.

Ломоносов намечал также другие картины для монумента, делал эскизы, продумывал темы и составлял их предварительное описание. Так, например, картина «Начало государственной службы» должна была представить регулярное учение потешных войск под Москвой: «фрунт, бльверки, новые крепостцы, где молодой Петр стоит с ружьем на правом флигеле (фланге) рядовым солдатом» (цит. по: Морозов, 1955: 545).

Центральное место среди мозаичных картин занимало мозаичное панно «Полтавская баталия». Ломоносов исторически достоверно изобразил полтавское сражение, оказавшее огромное влияние на судьбу России. Сюжет мозаики – окончание исторической битвы русских войск со шведами под Полтавой. Основной замысел картины заключался в следующем: сражение еще не закончено, но стойкость шведских войск уже поколеблена. На первом плане изображен Петр I на скачущей лошади с поднятой шпагой в руке, в окружении генералов и охраняющих его свиту солдат. Обстановка еще опасна для Петра и его окружения, сражение продолжается и враг еще не сломлен. Позади трупы солдат, лошадей, стрелковое оружие. За Петром следуют его соратники: Меншиков, Шереметев, Голицын и др. Изображен также раненый Карл XII, сидящий в простой коляске и пытающийся сдержать наступление русских войск. Но приближенные Карла, осознав бессмысленность сопротивления, поворачивают его коляску, предлагая ему спастись бегством.

Мозаичная картина «Полтавская баталия» к монументу Петра Великого явилась завершением всех трудов Ломоносова в области мозаики. Сохранилось подробное описание этой картины, сделанное самим Ломоносовым: «1. Напереди изображен Петр Великий, на скачущей лошади верхом, лицом в половину профиля; облик нарисован с гипсовой головы, отлитой с формы, снятой с самого лица..., а красками писан с лучших портретов, каковы нашлись в Санкт-Петербурге, по выбору, величиною сидячий в сажень, а прочее по препорции. 2. За государем бывшие тогда знатнейшие генералы: Шереметев, Меншиков, Голицын, коих портреты взяты с имею-

шихся оригиналов. 3. Представлен Петр Великий в немалой опасности, когда он в последний раз выехал к сражению при наклонении в бегство Карла Второгонадесять [Карла XII – Ю.В.]; наперед и назади генералы и солдаты, охраняя государя, колют и стреляют неприятелей. 4. Близко впереди гренадер со штыком, направленным в неприятеля, оглянулся на монарха, якобы негодуя, что так далече отваживается. 5. Позади лежит куча разных опровержений [*пораженные объекты* – Ю.В.]: шведская пушка с разломанным лафетом, лошадь и мертвый швед; изображаются тем следы побежденного неприятеля. 6. Далее в картине, за следующими генералами видны штандарты, трампеты, литаврщики, также и знамена полков российских. 7. Далее от переду, в середине картины изображены поверженные неприятельские трупы; обороняющиеся еще от наступающих россиян шведы, где сильная и густая стрельба производит великий дым; причем видны взятые в начале сражения шведами редуты с российскими и шведскими телами. 8. Еще подалее от переду представлен пленный шведский генерал, которого поднимают, дряхлого и унылого, окружившие российские солдаты. 9. В некотором отдалении изображен Карл Второйнадесять, в простой коляске; кругом его трабанты, из коих некоторые, поворачивая коляску назад, уговаривают спастись бегством, но он, протягивая пистолет рукою вперед, еще к бою порывается; перед ним жестокое сражение россиян со шведскими трабантами. 10. На горизонте представляется город Полтава с дымом от пушечной пальбы. 11. По правую руку бегущие шведские полки и гонящие россияне, а по левую ретраншамент российской и выступившие из него полки, не бывшие еще в сражении. 12. Над картиною св. апостол Павел у писчего стола, в одной руке с пером, а другою рукою и лицом оказывает знак благоговения и благодарения; под ним на металлическом убресе написаны слова его из послания, читающегося на Полтавскую победу: «Бог по нас, кто на ны?» (Ломоносов, 1980: 307-309). В «Полтавской битве» демонстрировалось портретное сходство Петра с оригиналом, а также изображенных в мозаичной картине Шереметева, Меншикова, Голицына (Михаил Ломоносов, 2011: 204).

Вслед за «Полтавской баталией» Ломоносовым была начата другая «парная ей по размеру» мозаичная картина – «Азовское взятие». Картина «Азовское взятие» имела описание в приложении к доношению Ломоносова Правительствующему Сенату в декабре 1764 г.: «Представляется город Азов, окруженный российским войском. В передней части изображен Петр Великий в старинном платье, равно как с ним и боярин Шеин, прочие знатные: Головин, Лефорт, Гордон в новом платье. Государь повелевает Шеину нападающих сзади на лагерь неприятелей отогнать. Против города сделана земляная гора выше онога, с которой россияне палят и бомбардируют, также и чинят приступ; новое войско апрошами к приступу приближается; иные отгоняют вспять турецкую вылазку. На горизонте видна по-

беда российского флота над турецким. Между тем в городе пороховую казну взорвало и выставлен белый флаг к сдаче. Наверху имеет быть Петр-Апостол, низвергающий Симона-волхва, и в разделении написаны слова сего Апостола: «Именем Христовым да рассыплются от тебе вся темные силы!» (Михаил Ломоносов, 2011: 429). Данный замысел остался неосуществленным.

Утвержденный Сенатом ломоносовский проект остался нереализованным. В декабре 1761 г. умерла императрица Елизавета Петровна. Власть переменялась, прежние покровители (И.И. и П.И. Шуваловы, М.И. Воронцов) сошли с политической сцены. После смерти Ломоносова президент Академии художеств И.И.Бецкой и др., являясь сторонниками имитации живописных произведений, разрушили проект украшения Петропавловского собора мозаиками («в том соборе быть неприлично»). К тому же в реалиях того времени происходила смена сложных и пышных форм барокко более простыми формами классицизма (Тарасова, 2011а: 429). «Полтавская баталия» осталась единственным произведением из намеченного комплекса. После прекращения работ над монументом Петру I «Полтавская баталия» (размером 644x481 см) была передана Академии художеств. С 1925 г. картина находится на верхней площадке парадной лестницы главного здания Академии наук СССР на Университетской набережной (совр. Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук).

В числе оппонентов Ломоносова, скептически относившихся к его мозаичным работам, оказался Якоб Штелин (советник Академической канцелярии в 1757-1763 гг., в 1757-1766 гг. директор Собрания Академии художеств при Петербургской академии наук). Можно предположить, что разногласия и соперничество между двумя академиками имели место как в художественной области, так и в профессиональной. Через несколько лет после смерти Ломоносова, в статье Штелина «О мозаике» 1769 г. особой критике был подвергнут ломоносовский проект мозаичного монумента над могилой Петра Великого в Петропавловской крепости. По утверждению Штелина, «все художники и знатоки очень смеялись над этой выдумкой и жалели церковь, если она будет выложена стеклом», а ознакомление с проектом Штелина, Валериани, Градици вызвали у них «общий хохот и вздохи» (Михаил Ломоносов, 2011: 208). В данном случае следует отметить, что все они были авторами собственных проектов, которые были поданы на рассмотрение в Сенат, но не были приняты, а Штелин ранее был автором эскизов барельефов со сценами на стенках саркофага Александра Невского (впоследствии по заказу М.И. Воронцова именно Штелин стал автором эскиза надгробного памятника Ломоносову с надписью на латинском и русском языках). Победителем же оказался как раз проект Ломоносова. Более аргументированной представляется критическая позиция архитекторов (Чевакинский, Квасов, Вист и Кнобель), которые высказались

против выполнения монумента Петру в Петропавловском соборе по проекту Ломоносова, поскольку это потребовало бы разборки церкви и в дальнейшем препятствовало бы проведению в ней богослужения (Михаил Ломоносов, 2011: 430).

Мотивация профессиональных разногласий может объясняться следующим. В течение девяти лет в Петербурге одновременно существовали две Академии художеств: одна вновь учрежденная в 1757 г. по инициативе И.И. Шувалова «Академия трех знатнейших художеств – живописи, скульптуры и архитектуры», главным директором которой после ее создания являлся сам Шувалов, другая – Академия художеств при Академии наук, директором Собрании последней в 1757 г. был назначен Я. Штелин. Иван Иванович Шувалов предлагал их объединить, но Штелин возражал, обосновывая необходимость существования своей Академии художеств потребностью для обслуживания нужд Академии наук. Примечательно, что позднее, когда Шувалов оказался не у дел при дворе новой императрицы и надолго уехал за границу, Штелин стал активно критиковать шуваловский проект Академии художеств как настоящего «храма искусств»: по его утверждению, в данном проекте «с расточительной пышностью сташено и набито в комнаты и залы все, что только могло быть найдено во всех прочих академиях художеств, картинных галереях, кунсткамерах, нумизматических кабинетах и кабинетах редкостей во всей Европе» (цит. по: Тарасова, 2011b: 391).

Ломоносов не раз выступал против существования Академии художеств в системе Академии наук, предлагая изъять искусства из ведения Академии наук, объединить их. Это объяснялось не только поддержкой своего покровителя, каким был для Ломоносова И.И. Шувалов. Позиция Ломоносова была вполне обоснованна: при Академии, получившей впоследствии (в 1764 г.) собственный устав и самостоятельный юридический статус Академии трех знатнейших художеств – живописи, скульптуры и архитектуры, было учреждено училище, которое готовило кадры художников, скульпторов, архитекторов, создавая основу для формирования национальных школ. В новую Академию художеств из Академии наук перешли на работу многие известные специалисты (Тарасова, 2011b: 389, 395).

Возможности Академии художеств в структуре Академии наук ограничивались в основном деятельностью Гравировальной палаты, уже не соответствовавшей потребностям времени: в ней изготавливались гравюры панорамных видов невских берегов с нарядными дворцовыми постройками, изображения загородных домов и особняков, усадебных строений и т.п. К тому же президент Академии художеств Я. Штелин ориентировался на размещение заказов за границей: так, он сам свидетельствовал в поддержку действий президента Академии наук К.Г. Разумовского, который приказал отослать в Италию, возможно, с его же подачи, 12 рисунков М.И.

Махаева с изображениями Санкт-Петербурга. В Венеции и Падуе с них были исполнены живописные копии в духе итальянской манеры живописи. Разумовский поместил их в своей загородной усадьбе (Гусева, 2011: 38-40).

В 2011 году в России отмечалось 300-летие со дня рождения М.В. Ломоносова. Это событие сопровождалось изданием множества объемных фолиантов и прекрасных изданий, посвященных российскому подвижнику. К сожалению, сюжеты, связанные с возрождением мозаичного искусства в России, основателем которого стал Ломоносов, оказались в тени. А для историков эта страница прошлого особенно интересна. Как и исторические картины, созданные в мозаичной мастерской Ломоносова.

Список литературы

- Бренева, И.В., Ринкон-Поса, Э. (1991) «Идеи для живописных картин из Российской истории» Ломоносова и их отражение в русской исторической живописи // Ломоносов: Сб. статей и материалов. Т. 9. СПб.: Наука.
- Гусева, Н.Ю. (2011) Эпоха Елизаветы I. Расцвет наук и художеств // М.В. Ломоносов и елизаветинское время: каталог выставки. СПб.: Государственный Эрмитаж.
- Ломоносов, М.В. (1980) Доношение в Сенат о мозаичных украшениях для монумента Петру I 7 апреля 1758 г. // Ломоносов М.В. Избранная проза. М.: Советская Россия.
- Михаил Васильевич Ломоносов (2010). Переписка. 1737-1765. М.: Ломоносовъ.
- М.В. Ломоносов и елизаветинское время: каталог выставки (2011). СПб: Государственный Эрмитаж.
- Михаил Ломоносов глазами современников (2011) / Документы. Письма. Записки. Статьи. Эпитафии и панегирики. Надписи. М.: Ломоносовъ.
- Морозов, А.А. (1955) Михаил Васильевич Ломоносов. М.: Молодая Гвардия.
- Павлова, Г.Е., Федоров, А.С. (1988) Михаил Васильевич Ломоносов (1711-1765). М.: Наука.
- Свердлов, М.Б., (2011) М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб.: Нестор-история.
- Тарасова, Л.А. (2011а) Мозаичная мастерская и Усть-Рудицкая фабрика М.В. Ломоносова // М.В. Ломоносов и елизаветинское время: каталог выставки. СПб.: Государственный Эрмитаж.
- Тарасова, Л.А. (2011б) Шуваловская Академия художеств. 1757-1764 // М.В. Ломоносов и елизаветинское время: каталог выставки. СПб.: Государственный Эрмитаж.

*Васильев Юрий Альбертович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Московского гуманитарного университета.
Vasiliev Yuri Albertovich – Doctor of Science (history), Professor, Professor of the History Department of the Moscow University for the Humanities.*

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Телесное «Я» человека, как субъекта иллюзорных реальностей

Байков А.А.

Corporal «Self» of human being as a subject of illusory realities

Baykov A.A.

Аннотация: В статье исследуются пути влияния иллюзии на физическую составляющую человека. Телесное «Я» человека, как создателя и участника иллюзорных реальностей, рассматривается, в качестве взаимосвязанного с реальностью и произведенного способностью человека к иллюзии.

Ключевые слова: тело, телесность, иллюзия, способность к иллюзии, «Я», реальность, тело без органов, гротескное тело.

Abstract: This article examines ways of illusion's influence on the physical component of human being. Corporal "Self" of man as the creator and participant in illusory realities is seen as interconnected with reality and produced by human capability for illusion.

Keywords: body, corporeality, illusion, capability for illusion, "Self", reality, body without organs, grotesque body.

Человек представляет собой существо, способное к построению иллюзорных реальностей, взаимодействию с ними и существованию в них. Он не способен выйти за пределы этих иллюзий, так как все, что существует в человеке или для человека, описывается этими реальностями. Однако иллюзия имеет очевидную власть только над восприятием и мышлением, физический мир кажется независимым от нее. Цель данной статьи – показать возможность и необходимость влияния иллюзорного восприятия и представления на физическую составляющую человека и оспорить способность тела выступать залогом объективности воспринимаемого и мыслимого мира.

Реальность всегда является данностью, обусловленной познавательными способностями, а значит, и иллюзией скрывающей мир вещей-в-себе. Эмпирическое «Я» человека (трансцендентальное «Я» неизвестно и недоступно, а значит, не дано в реальности) также подвержено данному искажению, так как существует только в реальности. Говоря о «Я», прежде всего, имеем ввиду сознание, память, чувства, разум – элементы психической деятельности человека. Но человек проявлен, как существо, обладающее двойственной природой; сам опыт человека дает ему знание о себе как о сочетании внешней телесной составляющей, в которой он сопоставляет себя с окружающим миром, и психики, о существовании которой вне

себя он может судить только по косвенным проявлениям. В истории философии эта двойственность возникла в виде заимствованного из религии соотношения тела и души (например, у Платона, Аристотеля, неоплатоников, затем в средневековой философии). Декарт провозгласил существование двух субстанций: мыслящей и протяженной. Материалистическая и идеалистическая позиции разрешают психофизическую проблему, сводя одну составляющую к другой. Немногие философы и мистики пытаются отказаться от этого различия (например, неразличение и непротиворечие друг другу существования тела и существования разума у Г. Райла (Райл, 1999: 32); или тождественность сознания и тела у К. Кастанеды (Кин: Электр. ресурс)). Иллюзии человека проявляются, прежде всего, в его идеальной составляющей, кажется, что субъект виртуальной реальности – психика человека: восприятие и мышление – явления сознания, а значит, их искажения не должны влиять на тело. В таком случае, тело могло бы стать прибежищем объективности и опровержением основополагающей роли иллюзии. Однако это не так, состояние виртуала включает в себя и изменение статуса телесности (Носов, 2000: 58), поэтому следует рассмотреть возможность воздействия иллюзии на протяженную составляющую человека.

В качестве обладающего телом, человек включен в мир материи. Он выступает как биологическое существо, своим устройством напомиающее животных. Разделяя две субстанции, Декарт не делал различий между человеческой и животной протяженностью: человек – это дух, который пребывает в машиноподобном животном теле. Материализм рассматривает телесную составляющую как первичную, психика оказывается производной от нее. Если тело таково, оно полностью объективно и не оставляет места для влияния иллюзии. Однако иллюзорные представления человека способны влиять на его телесное «Я». В данном случае требуется путь противоположный тому, которым идет антропология тела, определяющая роль телесного в общественных и культурных явлениях, рассматривая проявления человеческого, в том числе и результаты символической деятельности с точки зрения телесности. В данном случае следует рассмотреть само тело с точки зрения подчиненности условиям идеального мира, который неизбежно формирует человек, обращаясь к своей способности построения иллюзий.

Обнаруживаются несколько путей влияния сознания, а через него и иллюзии, на физическую составляющую человека: психосоматический, психосоциальный, патопсихологический, идеалистический, инструментальный и технологический.

Психосоматический путь заключается в прямом объективном влиянии психических состояний на физические. Он подразумевает психическую регуляцию телесных процессов (как бессознательную, так и созна-

тельную), связь душевного и физического здоровья, наличие телесных проявлений характеристик личности. Так как иллюзия подменяет истинное восприятие и мышление, ставя себя на их место, везде, где действуют данные психические процессы и их результаты, действует и иллюзия. Соматическое воздействие иллюзии ярко выражается в крайних проявлениях сенсублизации, при которых иллюзорный стимул вызывает объективную телесную реакцию (например, возникновение ожога от ярко представленного огня). Психосоматический путь воздействия иллюзии на тело, как правило, ведет к незначительным изменениям, но является доказательством возможности такого воздействия.

Психосоциальный путь. Проистекает из переосмысления физической составляющей человека и перехода от тела к телесности. Понятие телесности отрицает независимость тела от сознания: телесность – не биологическое, а психосоциальное явление. У человека нет определенного тела, так как оно во многом зависит от тех коннотаций, которые возникают в зависимости от точки зрения. Так Ж. Бодрийяр выделял четыре модели тела в современности: труп, зверь, робот и манекен (Бодрийяр, 2000: 216). Ни одно из них не представляет собой объективное физическое тело, которое можно было бы предписать животному, хотя модели «труп» и «робот» наиболее близки протяженной составляющей человека у Декарта. Несмотря на присутствие некоторого объективного основания (тела, как физического объекта), образ тела оказывается более значим, чем физическое тело. Тело-машина обладает совсем иными свойствами, чем тело, как сосредоточие страсти и греха, тело, как предмет заботы, отличается от темницы души. В.А. Подорога также указывает ряд образов тела (тело-объект, тело-орудие, тело Другого и др.), среди которых здесь стоит особенно отметить тело-канон, «сверхтело» (Подорога, Электр. ресурс): многочисленные представления об идеальном теле, к которому должно стремиться тело реальное. На наш взгляд, тело-канон оказывает огромное влияние на другие образы тела, так как стремиться признать их соответствующими канону.

Все указанные образы осознанно или бессознательно конструируются самим человеком, на что указывает представление о человеке, как существе, создающем себя, свой образ и свою сущность, проистекающее из апофатических определений человека. Это является очевидным проявлением иллюзорности тела: его образ является результатом искаженного мышления о нем и искаженного его восприятия. В.А. Подорога, описывая представление о теле в разные эпохи развития человечества, указывает, что в древних и примитивных культурах представление о теле, как целом отсутствует, а части тела имеют символическое значение: выступая, как «собственный магический знак» (Подорога, Электр. ресурс), тело выдает свою идеальную природу. Кажется, что в объективном физическом теле можно найти опору реальности, но физическое тело может оказаться ил-

люзией, охватившей умы человека Нового Времени, достаточно сильной, чтобы сохраниться до наших дней. Противники такого взгляда исходят, прежде всего, из целостности тела, несводимости его к механистическим отношениям, невозможности разделения его на отдельные составляющие. Здесь можно обратиться к философии тела П. Флоренского, где тело выступает в качестве живой реальности, превосходящей свое понимание как материи и как формы (Бонецкая, 2010: 93). Такой подход лишает тело характеристик естественных и объективных вещей, приближая его к идеальным сущностям, которым и свойственна упомянутая целостность. Потому и у П. Флоренского тело выходит за границы физической формы, захватывая все, с чем имеет дело человек, постоянно меняется, актуализируя свою неограниченную возможность.

Тело – продукт социальных и индивидуальных представлений, но на наш взгляд, эти представления, не соответствующие неизвестному действительному телу – иллюзии. Телесность оказывается иллюзорной.

Патопсихологический путь показывает не настолько значимые и устойчивые в культуре иллюзорные изменения образа тела, как психосоциальный, но более интенсивные и радикальные. Можно сказать, что он сочетает в себе черты психосоматического и психосоциального путей, так как, подобно второму, не изменяет объективную реальность, но, подобно первому, изменению подвергается само тело, а не коннотации понятия тела. Различие здесь лучше может быть выражено в терминах иллюзий восприятия и иллюзий мышления: психосоциальный путь имеет дело в основном с иллюзиями мышления, а патопсихологический подключает и иллюзии восприятия. Возможность конструирования образа и схемы тела ярко проявляется при патологических отклонениях его восприятия и представления: не только связанных с органическими повреждениями, но и протекающими исключительно из особенностей психики. Тело человека может казаться ему других размеров, чем оно есть (деперсонализация), может не ощущаться некоторая часть тела или ощущаться такая, которой нет (фантомная конечность), человек может не считать себя человеком и выстраивать образ своего тела в соответствии с этим. Иллюзии восприятия и иллюзии мышления действуют вместе, утверждая истинность друг друга. Эти случаи являются отклонениями от нормы, однако человек не может быть уверенным, что его образ и схема тела соответствуют объективной реальности. Если все люди обладают одной общей иллюзией своих тел, общечеловеческое ложное мнение воспринималось бы как объективность.

Следует отметить пугающее сходство между психосоциальным и патопсихологическим путями. Несмотря на указанные различия в интенсивности и в отношении к восприятию или мышлению, основное разграничение проходит именно в области нормы и отклонения. Оба эти пути настолько изменяют образ тела, что способны вывести его в состояния,

противостоящие самой идее плотскости. Здесь речь идет как об идеальных телах: тонкое тело, эфирное тело, космическая плоть; так и о материальной противоположности: отождествление с неживым, неорганическим объектом. Различие заключается в том, что психосоциальные образы тела не связаны с индивидуальными расстройствами и охватывают целые культуры, а психопатологические – следствие нарушения процессов восприятия и мышления. Не сложно представить массовое (например, генетическое) нарушение психических процессов, формирующее для целой культуры новый образ тела. Равно как и образ, созданный культурой может стать навязчивым представлением для не принадлежащего к ней субъекта.

Также говоря об этих двух путях, необходимо упомянуть две модели тела ярко демонстрирующую необусловленность телесности физическим миром, но осуществляющие это с противоположных позиций: тело без органов (А.Арто, Ж. Делез) и гротескное тело (М.М. Бахтин). Обе, на наш взгляд, могут быть воплощены как в психосоциальной, так и в патопсихологической телесности. В контексте модели *тела без органов*, тело рассматривается не как организм, но как целостность, на которой паразитируют органы, которая ограничена ими и должна это ограничение преодолеть (Подорога, Электр. ресурс). На наш взгляд, указываемые в отношении тела без органов его подвижность, происхождение от чувств и страсти, возникшие в связи с происхождением этой идеи в сфере искусства, не столь существенны, как представление о теле обычного человека до появления у него знания о структуре организма. Сама необходимость человека получать знание об органах, которыми он обладает, свидетельствует о неочевидности этого знания: о первичности целостного представления. Тело без органов организовано по образцу идеальных сущностей: оно едино и независимо от естественного хода вещей. Противоположный способ выхода телесного за пределы законов материи находим в анализе М.М. Бахтиным творчества Ф. Рабле. Образ *гротескного тела* не является исключительным достоянием средневековой народной культуры: он оказывает серьезное влияние на современную культуру, в тех или иных формах был проявлен в античности; гротескное тело оказывается еще одной универсальной моделью телесной организации. Бахтин описывает гротескное тело, как становящееся, творящее себя и другое тело (Бахтин, 1990: 351). Можно сказать, что, как и модель тела без органов, данное тело также свободно от ограничений материи, но при этом, напротив, сохраняет организмическую структуру, в которой обладание теми или иными органами умышленно подчеркивается. Гротескное тело, как и тело без органов, не имеет границ, это бессмертное родовое тело, что не мешает ему сохранять главенствующую роль органов. Отдельные части, органы – здесь не паразиты тела, но его выражение, его сущность: экспансивное разрастание гротескного тела происходит через распространение органов, через кото-

рые происходит взаимопоглощение тела и мира. Таким образом, и в качестве гротескного тела и в качестве тела без органов, человеческое телесное «Я» является самотворящим и неотделимым от реальности, которой оно присуще, подвержено постмодернистским процессам деконструкции. На психосоциальном уровне такие представления выражены в небιологических концепциях телесности, присущих как древним взглядам на человека, так и начинающих смещать материалистический подход в настоящем, в наделении частей тела метафорическим смыслом; на патопсихологическом – в уверенности в независимости от телесной организации или, напротив, в переоценке аспектов телесности. Обоим уровням свойственно отрицание привычного физического тела и выход к телу иному, повторяющему структуру идеального, что переводит к следующему пути влияния иллюзорного на телесное.

Идеалистический путь влияния иллюзии на физическую реальность тела подразумевает возможную (не доказанную, но и не опровергнутую) зависимость физического бытия от сознания. Если сознание первично, то тело формируется им, а значит, все иллюзии, которыми это сознание обладало, влияют на формирующееся тело. Разумеется, речь здесь идет о субъективном идеализме, а не об объективном, так как объективная абсолютная реальность не способна заблуждаться. Однако если физическая реальность – производное от индивидуального сознания (одной из монад, либо единственным Я солипсизма), реальность формируется в соответствии с этими иллюзиями. Разумеется, в таком случае сам статус иллюзии меняется, так как теряется принцип объективности.

Сюда же могут быть отнесены те учения о неразрывности телесного и духовного, которые организуют психофизическое единство не по образцу материи, а по образцу сознания. Примером этого является мистико-философское учение К. Кастанеды, объявляющее тождественность тела и сознания, но этим не укрепляющее сознание в косности тела, а возводящее тела к изменчивости сознания. Разные точки зрения, фактически представляющие конструктивную иллюзию, создают разные образы тела: наиболее близким к истине Кастанеда считал образ гораздо большего, чем физическое тело, светящегося шара, разделенного на две, три или четыре части, с подвижной точкой повышенной светимости.

Инструментальный путь. Под инструментальным мы понимаем путь воздействия иллюзии на тело, при котором человек иллюзорно включает в свое тело физически не связанные с ним предметы. Предметы окружающего мира, приобретая инструментальные функции, заменяют человеку недостающие свойства и органы, а, значит, должны быть включены в структуру тела. Человек, держащий в руке молоток и использующий его по назначению, включает его в свое физическое тело, расширяя его границы. Выше была упомянута идея П. Флоренского о включении человеком в тело

очеловеченных предметов; в данном же случае она сужается до частного проявления: человек и его инструмент становятся единым телесным целым. М.М. Бахтин, описывая народную географию, как расчлененное тело великана, не проводит различий между «пальцем» и «зубом» с одной стороны и «котлом» и «креслом», с другой (Бахтин, 1990: 379), чем включает последние в телесную структуру. М. Элиаде опровергает роль инструмента в качестве продолжения человеческого тела (Элиаде, 2002: 10), так как ряд инструментов не имеет аналога в природе; однако, на наш взгляд, инструмент, в качестве недостающего органа и не должен обязательно подражать существующему. Человек, как творческое существо, способен выработать идею органа, которого нет, человек, как существо, создающее иллюзорные реальности, способен выработать реальность, в которой он будет обладать таким органом, сделав проводником между производной и производящей реальностью материальный предмет – инструмент, выступающий в производящей реальности как независимый от человеческого тела объект, но в производной – как его часть.

Технологическим путем мы называем влияние сознания на физическое тело, при котором тело подвергается физическому изменению в соответствии с сознательным желанием, что достигается применением определенных практик и технологий. Сюда входят телесно-ориентированные практики, направленные на изменение его структуры (изменение мышечной массы, веса, пропорций тела), хирургические методы, включающие как изменение форм в пределах имеющегося вещества, так и включение в состав тела инородных предметов (от протезирования до потенциального включения в тело устройств, придающих ему новые функции). Разумеется, здесь нет прямого пути для влияния иллюзии, но ее практикоориентированность указывает на изменение действия человека при наполнении его сознания иллюзорными установками. В том числе иллюзия может и изменить практики преобразования тела (например, в качестве такой иллюзии может выступить убежденность в рождении в «неправильном», «не своем» теле). В отличие от инструментального, технологический путь не подразумевает расхождений в реальностях: производная реальность заставляет произвести изменения в самой производящей.

Таким образом, психосоматический, идеалистический и технологический пути демонстрируют возможность непосредственного влияния сознания (а через него иллюзии) на физическое тело, а психосоциальный, патопсихологический и инструментальный указывают на иллюзорное создание сущности тела и переосмысление его границ. Это показывает, что физическое тело не является островком реальности, закрепляющим человека в объективности. Оно зависимо от сознания (хотя нельзя отрицать и зависимость сознания от него), что позволяет иллюзии действовать не только независимо от ограничений тела, но и воздействовать на само тело. По су-

ти, телесное «Я» человека – предмет иллюзорного восприятия и мышления, существующий среди таких же предметов.

Психосоциальный, идеалистический и патопсихологический пути являются ведущими в формировании особого телесного «Я» иллюзорной реальности. В контексте реальностей мы видим, что эмпирическому «Я», виртуальному «Я» реальности, соответствует свой образ тела. Мы выделяем три уровня иллюзорных реальностей: реальность феноменального мира, скрывающая вещи-в-себе; дополнительные реальности – картины мира, заимствующие часть содержания реальности явлений, но претендующие на ее объяснение и замещение; обособленные – не связанные с феноменальным миром, обладающие собственными пространственно-временными системами. Привычное восприятие физического тела сформировано в соответствии с реальностью явлений; дополнительным реальностям соответствуют отдельные образы телесного «Я»: тело как природный организм, как темница духа, как объект будущего воскрешения; обособленным реальностям соответствует отдельная телесная организация: например, «тело сновидения», телесная организация персонажа произведения искусства. Тело необходимо субъекту в той или иной реальности, как указание на его положение в пространстве этой реальности. Тело выступает в качестве «точки зрения на мир» (Мерло-Понти, 1999: 105) – центром восприятия реальности, в которой субъект обретает свое «Я».

Таким образом, телесное «Я» человека является одним из аспектов той или иной иллюзорной реальности, которую он конструирует. Как и в отношении психического «Я», тело, как вещь-в-себе может существовать, но не обладает значимостью для человека, знающего только то тело, которое он сам создает. Разумеется, вынужденный пребывать в конкретных реальностях и разделять их с другими субъектами, человек не может быть в повседневной жизни полновластным хозяином своего тела и действие его способности к иллюзии ограничено верой в превосходство одних реальностей над другими. Тем не менее, такой властью над телесностью обладает человечество, как целое, задающее для каждой эпохи и культуры особые реальности и соответствующие им образы телесного и психического «Я».

Список литературы

- Бахтин, М.М. (1990) Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература.
- Бодрийяр, Ж. (2000) Символический обмен и смерть. М.: Добросвет.
- Бонецкая, Н.К. (2010) "Homo faber" и "homo liturgus" (философская антропология П. Флоренского) // Вопросы философии. №3. С. 90-109.
- Кин, С. Интервью с К. Кастанедой [Электр. ресурс] // Сайт расширенного сознания. http://www.soznanie.info/int_kastan1.html (дата обращения 03.07.2013)

Мерло-Понти, М. (1999) Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука.

Носов, Н.А. (2000) Виртуальная психология. М.: Аграф.

Подорога, В.А. Словарь аналитической антропологии [Электр. ресурс] // Библиотека Максима Машкова. http://lib.ru/FILOSOF/PODOROGA_W/s_antropo.txt (дата обращения 03.07.2013)

Райл, Г. (1999) Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги.

Элиаде, М. (2002) История веры и религиозных идей. Т. 1. От каменного века до элевсинских мистерий. М.: Критерион.

Байков Александр Алексеевич – аспирант кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета.

Baykov Alexandr Alexeevich – postgraduate student of the Philosophy, Cultural Studies and Political Science Department at Moscow University for the Humanities.

Значение массовых коммуникаций для современной России

Попов А.А.

The value of mass communication in modern Russia

Popov A.A.

Аннотация: В статье дается определение массовых коммуникаций, описывается их роль и значение в жизни государства и общества, а так же для отдельного человека. Утверждается, что массовые коммуникации оказывают сильнейшее воздействие на общество. Так же утверждается о необходимости реформирования системы массовых коммуникаций, для эффективного функционирования и формирования гражданского общества.

Ключевые слова: массовая коммуникация, гражданское общество, средства массовой коммуникации, общественное сознание

Abstract: The paper provides a definition of mass communications, describes their role and importance in the life of the state and society, as well as for the individual. Argues that mass communication have a tremendous impact on society. It is also stated the need for reform of the system of mass communication, the effective functioning and development of civil society.

Keywords: communication media, civil society, mass communication, social awareness

В настоящее время массовые коммуникации занимают важное место в жизни современного человека и общества. Массовая коммуникация – это процесс передачи информации (духовных ценностей, знаний, моральных и правовых норм), который осуществляется с помощью прессы, радио и телевидения, а так же с помощью других способов, которые, в свою очередь, направлены на различные аудитории. И в первую очередь, массовые коммуникации тесно связаны с развитием современного общества и, конечно же, с его политикой, экономикой, культурной и духовной частью, а так же всеми видами отношений (межличностных, межгрупповых и в том числе международных), которые существуют в этих сферах. Так же, массовые коммуникации являются неотъемлемой частью экономики, так как с их помощью Россия контактирует с другими странами и выстраивает свою экономическую политику на основе информации, полученной из различных источников. Массовая коммуникация является большой частью политики и культуры, так как с ее помощью освящаются все важные события в этих областях, и от того, как данные события будут освещены, и зависит дальнейшая культурная и политическая жизнь общества. Из этого следует, что с помощью массовых коммуникаций правительство контактирует с обществом.

В настоящее время современная государственная политика основана на принципах демократии. Это означает, что связь между регионами и центром должна усиливаться, предполагает расширение межрегионального воздействия, выстраивание диалога государства с обществом по вопросам образовательной и культурной политики, способствует стимулированию культурного разнообразия в регионах, что позволит российским гражданам более активно участвовать в культурной жизни страны. Сферы культуры и экономики, в настоящее время, стали автономными и самоорганизующимися составляющими сложной системы в информационно-коммуникативном пространстве российского государства. Коммуникация объединяет и создает единое целое пространство. Государство во многих случаях заинтересовано иметь сплоченное общество, а не хаотичный набор индивидов. «Это касается также бизнеса, политики и военного дела. Чтобы Российское государство эффективно функционировало, все вышеперечисленные группы должны успешно взаимодействовать как между собой, так и внутри себя.» (Лисова, 2008)

При этом следует отметить, что межгрупповое общение по многим факторам отличается от межличностного, не смотря на то, что тесно с ним связано. Так как межгрупповое общение реализуется в основном через межличностное общение индивидуумов отдельных групп, в массовой коммуникации оно происходит через индивидуализированную презентацию сообщений и межличностную форму их восприятия. Описание массовой коммуникации, как особой формы социального взаимодействия, реализующегося в контакте индивидуального и общественного сознания, можно отнести и к другим формам межгруппового общения. В настоящее время индивид испытывает потребность в получении новой информации, поэтому массовым коммуникациям необходимо удовлетворять его потребности, чтобы продолжать эффективно воздействовать на него.

С давних пор получение и систематизация информации об окружающем мире помогали человеку развиваться и выживать. Из поколения в поколения накопленный опыт передавался потомкам. Полученная информация постоянно дополнялась, каждое новое знание помогало перейти к новому уровню развития, открыть что-то новое и более сложное. В настоящее время информация по праву стала важнейшим управленческим и стратегическим ресурсом, наряду с материальным, финансовым и человеческим ресурсами. Для того, чтобы общество продолжало эффективно функционировать, совершать новые открытия и развиваться, необходимо производство и потребление общественными массами новой информации. Из чего следует, что как появившаяся новая информация и ее источники становятся доступными в каждом уголке мира, так и генерируемая человеком новая информация становится доступной для всего человечества. Это своеобразная замкнутая система, которая и позволяет важному для всех

развитию и совершенствованию не останавливаться. В современном мире право обладать информацией имеет жизненно важную роль для всех членов нашего общества. К человеческим потребностям так же добавилась потребность в получении новой информации, а с развитием массовых коммуникаций ему куда удобней стало удовлетворять данную потребность.

В первую очередь, технические средства являются отличным передатчиком новой информации для общества. Среди технических средств, обеспечивающих коммуникацию, принято различать средства массовой информации (СМИ), средства массового воздействия и собственно технические средства. К СМИ относятся периодическая печать (пресса), радио и телевидение. К средствам массового воздействия относятся кино, театр, цирк, все зрелищные представления и художественная литература. Средства массового воздействия не отличаются регулярностью обращения к массовой аудитории. «Технические средства коммуникации (телефон, телетайп и т.п.) не имеют массового охвата аудитории, и передаваемая информация может носить сугубо личный характер, не связанный с социально значимыми реалиями.» (Конецкая, 2004)

Телевидение далеко ушло от своего прототипа – кинофильма и приобрело специфические характеристики: в отличие от фильма, телепередачи не имеют целостности и законченности, рассказчик (коммуникатор) идентифицирован и легко узнаваем, имеет постоянную аудиторию, которая вместе с тем имеет возможность выбора. Наибольшее различие по ряду признаков отмечается между прессой, как каналом письменной коммуникации, и радио, а также телевидением, как каналами устной коммуникации. В частности, ситуативное представление информации в телепередаче исключает двусмысленность. Динамика передачи информации, эффект участия, степень полноты обратной связи также различны.

В настоящее время телевидение и интернет вытеснили из культурных потребностей человека посещение театров, музеев, а так же библиотек. Интернет же, в свою очередь, становится все более массовым, и все большее количество людей им пользуется. Это связано с тем, что интернет содержит в себе большое количество информации: множество книг, фотографии с различных выставок, а так же множество фильмов и многое другое. В связи с этим человек начинает лениться посещать в музеи, театры, или смотреть ту или иную развивающую передачу – ему проще открыть сайт и посмотреть на то, что его интересует, он не стремится прочувствовать и получить новые ощущения от похода в музей или театр.

Если рассматривать сущность массовой коммуникации, то можно сказать, что она контролирует динамические процессы социальной психики, и интегрирует массовые настроения. В связи с этим массовая коммуникация выступает в роли очень мощного средства по воздействию, как на

отдельную личность, так и на социальную группу. В таком случае массовую коммуникацию характеризуют несколько определенных черт, а именно: многоканальность и возможность выбора средств передачи информации, социальная значимость, регулярное обновление информации и ее тиражированность, массовость и разноплановость интересующейся аудитории, способность мотивировать общество в целом и каждого человека по отдельности и тщательно продуманная ценностная ориентация. Сами процессы массовой коммуникации характерны своей сложностью и неоднородностью.

Роль массовой коммуникации в обществе заключается в предоставлении субъектам информационной деятельности возможности оказывать управляющее воздействие на массовое сознание. Как справедливо указывает видный российский ученый, доктор социологических наук Е.П. Тавокин, "все законы, указы, приказы, постановления, распоряжения, а также все те сведения, которые распространяются в обществе, представляют собой информационное воздействие на массовое сознание... Основной структурой, которая реализует это воздействие, является массовая коммуникация. ... Массовая коммуникация – система распространения информации ... с целью ... активного воздействия на представления, оценки, мнения и поведение людей, на общественное сознание людей» (Тавокин, 2003: 25).

Все это, в первую, очередь, влияет на гражданское общество, формирует стереотипы поведения и идеалы, которых стоит придерживаться и к которым стремиться в целях укрепления взаимопонимания между народами и единства России. Массовая коммуникация в России на данный момент имеет важнейшее значение, которое обуславливается тем, что единое информационное пространство – это одно из самых необходимых условий для согласованности общественных интересов, ответственным отношением к формированию информационного пространства в государстве. От функционирования общества зависит устойчивость политических взглядов и настроений, безопасность государства.

Я хотел бы остановиться на нескольких аспектах общественно значимой коммуникации:

- Коммуникативные стратегии это часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения определенной коммуникативной цели;

- коммуникативные механизмы, с помощью которых формируются позитивные установки в общественном мнении;

- успешная публичная коммуникация значимых для общества деятелей (общественных деятелей или политиков);

- этика массовой коммуникации;

- связь с общественностью, которые, в свою очередь, формируют гражданскую ответственность;

- роль средств массовой информации.

«Так же нельзя забывать об общественном мнении, которое довольно сильно влияет на развитие гражданского общества. С помощью массовых коммуникаций возможно воздействовать на общественное мнение, представляя ему те или иные идеалы, либо внедряя определенные модели поведения в обществе. Однако, предоставление таких стереотипов и идеалов ограничено культурными стереотипами. Современное российское общество характеризуется своей динамичностью, а так же политичностью и множеством культур, которые вобрало в себя государство. В связи с этим, особо значимую роль приобрели вопросы этики, культурные и языковые аспекты публичной коммуникации». (Современная сравнительная политология, 1997: 56-60)

Однако общество постоянно меняется, и в современных условиях изменения общества происходит переосмысление роли культуры, развитие ее функций и форм. С одной стороны, культура все так же задает тон образцов поведения и традиционных отношений, которые во многом определяют мышление людей и их поведение. С другой стороны, свободно расширяются современные медийные формы (интернет, кино, печать, телевидение), реклама. «Это все усиливает формирование моральных и идеологических стереотипов массовой культуры, “модного” стиля жизни. С помощью средств массовой информации субъекту предлагаются различные смыслы и новые идентичности, в следствии чего мышление людей меняется. В результате большое значение приобретает взаимодействие массовых коммуникаций и культуры как процесса, что формирует «человеческий капитал» и нравственный ресурс социально-экономического развития государства». (Соколов, 2005: 3-6)

Для современного Российского государства самоопределение и поиск себя особенно важен. Сохранение культурной самобытности и сплоченности на основе многообразия культур – это важная предпосылка для успешного прогресса Российского государства в эпоху становления общества, которые основываются на знаниях и умении эффективного использования данных знаний. «В данном контексте определяющую роль культуры в процессе совершенствования России играет формирование личности как активного субъекта гражданского общества. В проекты социально-экономического развития необходимо включить в себя и гуманитарную составляющую, которая будет способствовать развитию здоровья человека и духовных сил, осознанию человеком смысла своего существования». (Назаров, 2002: 24;36)

Однако, в настоящее время, человек не стремится что-либо узнать, проанализировать, осмыслить. Потребностью для человека является обыч-

ный сбор информации, при этом в абсолютно кратком, насыщенном виде. Другими словами, происходит слияние категорий «знание», «информированность» и «осведомленность». Чтобы этого не происходило обществу необходима модернизация контроля в сфере массовых коммуникаций, формирование благоприятного фона для получения информации. Так же обществу необходимо предоставить больше возможностей в открытом выражении и распространении своих мыслей и суждений, которые смогут удовлетворить потребности всех прослоек общества.

Следует отметить, что не только средства массовой коммуникации способны оказывать воздействие на общество, но и общество способно серьезно влиять на характер информации, которая попадет в средства массовой коммуникации. Зачастую, публичный спрос оказывается невысоким в культурном отношении, это понижает уровень интеллектуальности представителей эстрады, газетных изданий и телевизионных программ. Что влечет за собой понижение уровня интеллектуальности и самого общества. В связи с этим, стоит пересмотреть роль культуры в жизни общества и провести ряд реформ в сфере культуры и массовых коммуникаций.

В телевизионном вещании существует потребность в создании национального общественного телевидения, что позволило бы реализовать потребность общества в изменении содержимого информационных потоков. Их изменение усилило бы культурно-просветительскую функцию информационного поля, если бы было увеличено число детских и молодежных программ. Появление такого телевидения является необходимым условием становления гражданского общества. Так же необходимо создание не только телевидения, но и радиостанций, а так же интернет порталов и печатных изданий, финансируемых из независимых общественных источников, в то же время контролируемых институтами гражданского общества, которые будут отвечать интересам всех социальных и возрастных групп общества. Все это позволило бы удовлетворить спрос на объективное освещение событий, происходящих в мире. Однако не стоит останавливаться только на телевидении, создание таких же независимых интернет порталов, радиостанций и газетных изданий, заметно улучшили и ускорили бы данный процесс.

Современная массовая культура выступает в роли комплексной формы, которая занимается структурированием культурной жизни общества и ее организацией, вылепливая тем самым потребителя и культурный продукт, на который в последствии у потребителя возникнет спрос, что во многом осуществляется благодаря СМИ, которые в свою очередь создают представления о мире, о человеческих ценностях и понятиях.

«Социальная сущность массовой коммуникации заключается в том, что оно является мощным средством воздействия на общество с целью оптимизации его деятельности, социализации индивида и интеграции обще-

ства. Однако, данное влияние не всегда носит положительный характер.» (Акопян, Захаров, Кагарлицкая, 2004:64)

«Массовые коммуникации, на сегодняшний день, стали мощным средством воздействия на общественное мнение, что часто влияет на принятие политических решений, способствует обмену информацией между различными культурами, а так же созданию глобального культурного пространства» (Почепцов, 2001:656)

Оглядываясь назад, можно увидеть, что на ранних этапах процесс построения Российского демократического общества был направлен, в основном, на установление механизмов рыночной экономики, на формирование социально- политических культур, которые прежде всего характерны для стран запада. Зачастую это сопровождалось ухудшением качества жизни основной части населения и обострением социальных проблем. В настоящее же время данный процесс подошел к проблеме формирования структур гражданского общества, которые призваны создавать в обществе благоприятные условия для конструктивной коммуникации, социального консенсуса, гражданского понимания и мира, а так же должны разрешить множество социальных проблем, которые ни рыночная экономика, ни государство решить не могут.

Средства массовой коммуникации играют огромную роль в укреплении единства России и формировании гражданского общества, а так же в укреплении взаимопонимания Российских народов. В новой России массовая коммуникация начинает приобретать первостепенное значение, которое определено следующими факторами:

- пониманием того, что единое информационное пространство – это необходимое условие гармонизации интересов общества;
- ответственным отношением к формированию информационного пространства от функционирования, которого зависит политическая устойчивость общества, безопасность России;
- необходимостью научного осмысления процесса формирования информационного пространства страны и региона, выработанной государственной информационной политики;
- задачей выявления сложных и неоднозначных этнополитических процессов, которые не всегда адекватно отражаются в средствах массовой коммуникации.

Значение массовых коммуникаций в новой России непосредственно заключается в том, что коммуникация сама по себе – это мощный инструмент, с помощью которого государство воздействует на общество. Это то, с помощью чего различные общества и государства контактируют друг с другом. Мощный инструмент, с помощью которого можно решать, как межгосударственные, так и внутригосударственные конфликты. Это инструмент, с помощью которого формируется сознание гражданина, тот ин-

струмент, с помощью которого возможно закладывать в создание человека именно те нормы, которых человек обязан придерживаться. Это то, с помощью чего формируется общественное мнение, которое играет огромную роль в построении гражданского общества в России.

Однако, не смотря на все это, массовым коммуникациям в России необходимо реформирование. Необходимо наладить контакт между обществом и государством. Дать обществу больше возможностей удовлетворять свои потребности в получении и производстве информации. Обществу необходимо дать возможность создания независимых каналов массовой коммуникации, будь то сайты или радиостанции, а так же печатные издания. Это необходимо для того, чтобы у общества имелись независимые и финансируемые проекты, на которые не могло бы повлиять государство, те проекты, которым государство не могло бы навязывать свое мнение. Такие проекты существуют и в настоящее время в небольшом количестве, в основном это сайты и интернет телевидение. Данными сайтами пользуется не очень большой круг людей – остальным людям это не интересно. Все это обеспечит обратную связь между обществом и государством, что позволит государству укрепить гражданское общество.

Так же необходимо реформирование в сфере культуры. Необходимо вернуть интерес молодого поколения к искусству. Необходимо заново начать прививать молодому поколению любовь к искусству (к театрам, музеям и т.д.). Для этого в телевизионном эфире должно увеличиваться число развивающих передач, с этой целью необходимо открыть несколько новых развивающих телевизионных каналов. Необходимо увеличить, так же число развивающих радиопередач. Не смотря на то, что в интернете находится большое количество информации об искусстве и не только, там человек может найти именно то, что ему необходимо, однако интернет не способен заставить человека мыслить, а главное чувствовать. В настоящее время люди начинают меньше мыслить, и это становится проблемой. Люди начинают хуже выражать свои мысли, это происходит из-за того, что уровень общения в интернете ниже, чем был раньше, когда люди писали письма. Уровень грамотности людей понижается, однако скорость передачи информации возрастает. Необходимо оптимизировать скорость передачи информации с грамотностью. Необходимо заставить людей мыслить и анализировать полученную ими информацию, а не просто принимать к сведению.

Добившись всего этого, Россия получит эффективно функционирующее гражданское общество, которое будет на самом деле единым целым. А имея сплоченное гражданское общество, государство будет и само функционировать эффективней.

Список литературы

- Акопян, К.З. Захаров, А.В. Кагарлицкая, С.Я.. (2004) Массовая культура: Учебное пособие. М. : Альфа-М; ИНФРА-М.
- Конечкая, В.П. (2004) Социология коммуникации. М. : Международный университет бизнеса и управления.
- Лисова, С.Ю. (2008) Средства массовой коммуникации в становлении гражданского общества. Информационный журнал Вестник ИГЭ. Вып. № 1.
- Назаров, А. П. (2002) Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М.
- Почепцов, Г.Г. (2001) Теория коммуникаций. М. : Рефл-бук : Ваклер.
- Современная сравнительная политология. (1997) Хрестоматия. М. : МОНФ
- Соколов А.А. (2005) Актуализация сферы культуры и массовых коммуникаций как важнейшего элемента стратегии социально-экономического развития. М. : Журнал Государственная Служба.
- Тавокин Е.П. (2002) Системные основы государственной информационной политики. Массовые информационные процессы в современной России: Очерки // Отв. ред. А.В. Шевченко. М.: РАГС.

Попов Антон Александрович – аспирант кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета.
Popov Anton Aleksandrovich – postgraduate student of the Philosophy, Cultural Studies and Political Science Department at Moscow University for the Humanities.

Концепции управления в западной социологии

Алиев В. В.

The concepts of management in the Western sociology

Aliyev V. V.

Аннотация: В статье рассматриваются социологические аспекты западных концепций управления.

Ключевые слова: Управление, социология управления.

Abstract: The article considers the sociological aspects of Western management concepts.

Keywords: Management, sociology of management.

Все большую важность сегодня приобретают научные знания, связанные с эффективностью управления. Социология управления – это сравнительно молодая отрасль, но ввиду масштабных и кардинальных перемен, до сих пор происходящих в нашей стране, актуальность этой науки стремительно возрастает. Управленцы различных уровней и сфер деятельности постоянно сталкиваются с вопросами, ответы на которые были даны в трудах известных социологов. В данной статье мы рассмотрим зарубежные социологические концепции управления.

Но прежде чем говорить о социологических концепциях управления, в первую очередь, необходимо определить, в чем состоит их отличие от концепций управления как таковых. Для этого необходимо проанализировать предмет исследования социологии в целом, а также предмет исследования социологии управления, поскольку именно в рамках социологии управления ставится вопрос о социологических концепциях управления. Социология в целом изучает общество, социальные системы и институты, составляющие его, закономерности его развития. Непосредственно же предметом социологии, т. е. тем, что интересует социологию в таком сложном объекте, как общество, является «совокупность социальных отношений, складывающихся на конкретном этапе общественного развития» (Ковалева, 2011: 24). Социология имеет ряд направлений исследования, каждое из которых имеет свой специфический предмет, но точкой отправления является именно предмет общей социологии. Поэтому, когда мы говорим о «социологии управления», ее предмет можно охарактеризовать как: «социальные отношения в процессе осуществления управленческой деятельности», и, в первую очередь – это отношения между управляющим и управляемым субъектом. Ж. Т. Тощенко, например, отмечает, что «социология управления занимается изучением людей, их взаимоотношений,

связей, их сознания и поведения в процессе осуществления управленческого алгоритма» (Тощенко, 2011: 42).

Таким образом, мы определились с «предметом науки», но существует еще один важный аспект. Безусловно, при изучении данной темы, мы будем использовать классические концепции, больше известные как концепции «менеджмента». Справедливо задать вопрос, который в одной из своих работ поднял А. И. Кравченко: «На основании чего и почему следует такие концепции, как концепция Тейлора называть социологическими, а самих исследователей – учеными-социологами?». Сам Кравченко оставляет данный вопрос открытым, но при этом приводит важный аргумент – «главный критерий, определяющий актуальность для конкретного направления науки – это истинность и достаточная обоснованность в рамках именно данного научного знания» (Кравченко, 1987: 5).

Определив направленность предмета социологии управления, а также критерий, в соответствии с которым следует анализировать работы авторитетных ученых, можно использовать это знание в качестве некоего научного «фильтра» и пропустить через него существующие основные теоретические концепции управления и менеджмента. При этом необходимо учитывать тот факт, что для социологии управления на первый план выходят именно социальные факторы управления. Иные аспекты управленческих концепций представляют вторичный интерес.

На основе такого подхода попытаемся проанализировать ведущие концепции управления. Для осуществления такого анализа представляется целесообразным учесть две важнейшие идеи, которыми руководствуются социологи в осмыслении феномена управления. Первая заключается в том, что «вся история народов и государств, ни дня не существовавших без управления, в определенном смысле является историей управления, следовательно, историей социологии управления» (см.: Добренькова, Агапов, 2006: 31). Другая заключается в том, что ряд концепций, которые принято считать философскими, существовавших задолго до появления социологии, можно рассматривать в качестве теоретической предпосылки будущих социологических концепций управления. Эти концепции, не затрагивая по существу проблем управления производством, оказались сконцентрированными на социальных аспектах управления обществом (см.: Зборовский, Костина, 2008: 45).

К первым идеям подобного рода относят работы великих древних философов и деятелей науки, таких как китайский мыслитель Конфуций, который наряду с другими своими многочисленными взглядами, «пытался построить идеальную модель управления, основанную на нравственных принципах» (Фененко, 2011: 150), китайский политик и стратег Сунь-цзы, чей трактат «Искусство войны» до сих пор используется современными менеджерами для решения многих проблем» (Добренькова, Агапов, 2006:

34), Платон, древнегреческий философ, в чьих трудах «Государство» и «Законы» разработана теория идеального государства и соответствующая модель управления, а также ученик Платона – Аристотель, создавший свою социально-политическую теорию в сочинении «Политика».

Следующим этапом развития социологических концепций управления можно считать начало эпохи возрождения. И главная фигура здесь – итальянский мыслитель, философ, писатель, политический деятель – Никколо Макиавелли. Его вклад в историю социальной мысли, а также в теорию и практику управления огромен. Вопросы, поставленные ученым, до сих пор будоражат умы менеджеров. Как отмечает А. И. Кравченко, Макиавелли вывел ряд основополагающих принципов, которые оказали большое влияние на развитие управления: «Авторитет, или власть лидера, корениться в поддержке сторонников»; «Подчиненные должны знать, чего они могут ожидать от своего лидера, и понимать, чего он ожидает от них»; «Лидер должен обладать волей к выживанию»; «Лидер – всегда образец мудрости и справедливости для своих сторонников» (см.: Кравченко, 2000: 50).

«Итальянский мыслитель назвал два главных мотива массового поведения людей – любовь и страх. Он доказывал, что тот, кого боятся, способен управлять также легко, как и тот, кто любим» (Фененко, 2011: 151). Макиавелли первым ввел принцип разграничения властей (политической и религиозной) и принцип относительности управления (т. е. управление и его средства должны соответствовать возникшей ситуации).

Философы XVII-XVIII вв., такие как Жан Жак Руссо и Шарль Луи Монтескье, занимались вопросами развития и функционирования государства и общества, в том числе через построение правильной и разумной системы управления. Значительный вклад в науку был сделан «утопическими социалистами» – Анри Сен-Симоном, Шарлем Фурье, а также Робертом Оуэном. Именно они впервые сформулировали идеи общественного самоуправления как наиболее рационального типа и способа социального управления, которое должно строиться на принципах справедливости, равенства, реализации разумных потребностей всех слоев населения и т. д. (см.: Зборовский, Костина, 2008: 47).

Понимание управления как неотъемлемого элемента общества, было впервые сформировано в рамках классической социологии». О. Конт, основатель социологии, полагал, что социальное управление должно базироваться на социальном устройстве, которое предполагает гармонию всех классов на основе сохранения частной собственности и достижения социального согласия между ними. Цель управления, по Конту, состоит в согласовании порядка и прогресса, а в его основу необходимо поставить соблюдение моральных принципов. Государство же обязано взять на себя функции образования и воспитания каждого члена общества. О. Конт

утверждал: «Всякое прямое участие народа в политическом управлении (для решения важных социальных мероприятий в современном государстве) уместно только в период революции. В остальное время управление обществом должны осуществлять профессионально занимающиеся этим делом люди» (Конт, 1996: 125).

Отдельное место в данном вопросе занимают взгляды немецкого философа, социолога, экономиста, политического деятеля – Карла Маркса, обосновавшего представление об обществе как о целостной системе, которой органически присущи процессы управления. Маркс исходил из того, что «всякий непосредственно общественный или совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного организма в отличие от движения его самостоятельных органов. Отдельный скрипач сам управляет собой, оркестр нуждается в дирижере» (Маркс, Энгельс, 1960: 342). Управленцы должны существовать вследствие объективной необходимости выполнения соответствующего управленческого труда. Социальное управление, по мнению Маркса, есть воздействие на общество и его отдельные звенья в целях их упорядоченности, сохранения качественной специфики, совершенствования и развития. Маркс обосновал наличие двух взаимосвязанных возможных типов управленческих процессов в общественных системах – стихийных и сознательных (см.: Тощенко, 2011: 17), а также развивал идею перехода к регулируемому социалистическому хозяйству, при котором будет установлено общественное самоуправление, а государство как инструмент общественного управления станет вообще не нужным (см.: Добренькова, Агапов, 2006: 40-41).

Безусловно, стоит подчеркнуть выдающийся вклад в развитие теории социального управления немецкого социолога, историка и экономиста Макса Вебера. Вебер внес большой вклад в разработку социологических концепций управления. В своем учении «О содержании и типах господства», он выделил три вида господства: «Легальный», «Традиционный» и «Харизматический» (Вебер, 1997: 12-13). Ученый создал теорию о формальной организации капиталистического общества и бюрократическом управлении как типе господства посредством знания. Оптимальный характер управления по Веберу, определялся бюрократией, которую он считал идеальным типом. Вебер впервые обратил особое внимание на управление как элемент экономической системы и на его необходимость для организаций и предприятий, тем самым подготовив почву для перехода к новому этапу развития социологических идей в области управления.

В 1911 г. американский инженер Фредерик Уинслоу Тейлор опубликовал свою монографию «Принципы научного менеджмента», традицион-

но считающуюся началом признания управления наукой и самостоятельной областью исследования. Согласно позиции ученого, существовавшая в то время система управления имела ряд серьезных изъянов, среди которых т.н. «работа с прохладцей», неэффективная система поощрения и непродуманные методы производства, мешающих национальным экономикам стран адекватно развиваться. Тейлор разработал систему научной организации управления, философия которой включает в себя четыре основных черты: «управляющие должны производить на основе научно установленных признаков тщательный отбор рабочих, а затем тренировать, обучать и развивать каждого отдельного рабочего»; «должно быть установлено равномерное распределение труда и ответственности между администрацией предприятия и рабочими»; «управление должно осуществлять сердечное сотрудничество с рабочими в направлении достижения соответствия всех отдельных отраслей производства научным принципам, которые были ею ранее выработаны»; «управляющие должны взять на себя выработку научного фундамента, заменяющего собой старые традиционные и грубо-практические методы производства» (см.: Тейлор, 1992: 224-271). Фредерик Уинслоу Тейлор считается основателем научной школы управления, к составу которой также причисляют Френка и Лилию Гилбретт, Генри Гантта, Гаррингтона Эмерсона и др., становление которой относят к 1895-1920 гг.

В 1920-х годах появилась так называемая «Классическая», или «Административная» школа управленческой мысли. Ее целью было создание универсальных принципов управления (см.: Мескон, Альберт, Хедоури, 1992: 67). Основателем классической школы управления по праву считается Анри Файоль, автор первой законченной концепции менеджмента, отраженной в работе «Общее и промышленное в управлении». В своей работе, Файоль выделил, ставшие уже классическими, понятия «функции управления» и «принципы менеджмента». Принципы, разработанные классической школой, затрагивали два основных аспекта: разработка рациональной системы управления организацией и построение структуры организации и управления работниками.

Анри Файоль рассматривал управление как универсальный процесс, состоящий из ряда взаимосвязанных функций или элементов управления: предвидение, организация, распорядительство, координирование и контроль. Он отказался от взгляда на управление как «исключительную привилегию» высшего руководства. Файоль создал специальные правила управления персоналом в виде должностных требований к руководителю.

По Файолю, управление должно строиться на строгих принципах: «разделение труда»; «полномочия и ответственность»; «дисциплина»; «единство распорядительства»; «единство руководства»; «подчинение частных, личных интересов общим»; «вознаграждение персонала»; «цен-

трализация»; «иерархия или скалярная цепь»; «порядок»; «справедливость»; «постоянство персонала»; «инициатива»; «единение персонала, или корпоративный дух» (см.: Файоль, 1992: 9-84). К Административной школе, актуальность которой приходится в основном на период 1920-1950 гг., относятся также Генри Форд, Эндрю Карнеги, Джеймс Муни, и др.

В 1930 гг. появилась так называемая «Школа человеческих отношений». Наиболее выдающиеся представители этого направления – Элтон Мэйо и Мери Паркер Фоллет. Важнейшую роль в зарождении социологии управления сыграла концепция и практика человеческих отношений, которая была связана с проведением известных Хоторнских экспериментов на производстве в компании «Вестерн Электрик Компани» с 1927 по 1932 гг., под руководством американского социолога Э. Мэйо». Главный теоретический вывод Мэйо гласил: «предприятие представляет собой социальную систему, состоящую из неформальных групп, регулирующих человеческое поведение» (Кравченко, 2000: 260). На смену модели «экономического человека», пришла концепция «человеческих отношений». Во главу угла были поставлены интересы, потребности и ожидания индивида, а также групповые нормы и ценности (Кравченко, 2000: 260). Л. А. Бурганова отмечает: «Хоторнские эксперименты продемонстрировали большие практические возможности социологии влиять на эффективность многих управленческих решений. Тем самым был дан толчок к активному внедрению социологии в деятельность организаций. Возникла индустриальная социология, ставшая начальной формой социологии управления» (Бурганова, 2007: 25).

Спустя 15-20 лет после экспериментов, проведенных Элтоном Мэйо, появляется т. н. «поведенческий (бихевиористский) подход». Данное направление сосредотачивалось на методах налаживания межличностных отношений. Одним из тех, чьи труды внесли серьезный вклад в «поведенческий подход», был американский психолог Абрахам Маслоу. Маслоу предложил иерархию основных человеческих потребностей и выделил определенные законы их существования и функционирования. Иерархия потребностей по Маслоу от низших (базовых или врожденных) к высшим (социально приобретенным) выглядит следующим образом: «Физиологические потребности – потребности в безопасности – социальные потребности – престижные потребности – духовные потребности». Важнейшей чертой теории является то, что не сама по себе потребность движет человеком, а степень ее неудовлетворения, а главным критерием, благодаря которому потребности выстраиваются в иерархию, является доминирование неудовлетворенных потребностей над удовлетворенными (см.: Маслоу, 1999: 77-96). Теория Маслоу внесла важнейший вклад в понимание того, что лежит в основе стремления людей к работе, и каким образом руководитель должен мотивировать своих подчиненных.

Основные идеи Маслоу получили дальнейшую разработку у американского психолога и социолога Фредерика Герцберга, который вывел т. н. «двухфакторную теорию», согласно которой существует две группы факторов трудовой деятельности: «содержание работы» и «условия работы». «Условия работы» – связаны с окружающей средой, в которой осуществляется трудовая деятельность, а «содержание работы» – с самим характером и сущностью работы (см.: Фененко, 2011: 175). Основным тезисом Герцберга состоит в том, что только «содержание работы» выступает фактором мотивации и удовлетворенности, в то время как «условия работы» могут выступать только источником неудовлетворенности и не влияют на мотивацию. Таким образом, удовлетворенность и неудовлетворенность выступают разнонаправленными плоскостями поведения человека в труде (см.: Кравченко, 2000: 268-271).

Признан вклад в данное направление и американского социолога и психолога Дугласа Макгрегора. Он известен благодаря разработанным им теориям «Х» и «Y», каждая из которых соответствует модели поведения руководителя. Модель «Х» отражает традиционный подход к управлению, который заключается в том, что обычный человек пассивен, ленив, не любит работу, и старается ее избегать, что обуславливает существование «авторитарного» стиля управления. Модель «Y» предполагает новый, демократический, подход к управлению, в рамках которого работник рассматривается не как пассивный объект воздействия, а как активный субъект деятельности, обладающий значительными интеллектуальными способностями (см.: Зборовский, Костина, 2008: 65). По Макгрегору, менеджмент оказывается неэффективным вследствие ошибочных представлений руководителей о мотивах поведения и природе человека в труде, и именно сама организация ответственна за то, насколько пассивным или активным будет ее работник. Макгрегор говорит о том, что управлению необходима решительная переориентация от модели управления «Х» к модели «Y».

Сегодня зарубежная управленческая мысль базируется на нескольких основных подходах: Процессный, системный и ситуационный. Стоит правда отметить, что данные подходы – это не руководства и не алгоритмы к действию, а скорее способы мышления об организационных проблемах и их решениях.

Процессный подход – это подход, в рамках которого управление рассматривается как некий непрерывный процесс, или как совокупность постоянно повторяющихся действий или иначе – функций. Основоположником данного подхода является Анри Файоль.

Системный подход – это подход, согласно которому, организация должна рассматриваться как система, как совокупность многочисленных взаимозависимых элементов и подсистем. Одним из наиболее известных представителей системного подхода является американский социолог Тол-

котт Парсонс, который разработал теорию «Системного и структурно-функционального анализа».

«Ситуационный подход – это подход, который пытается увязать конкретные приемы и концепции с определенными конкретными ситуациями для того, чтобы достичь целей организации наиболее эффективно» (Мескон, Альберт, Хедоури, 1992: 83). Центральный элемент данного подхода – это ситуация. Первые идеи, связанные с данным подходом, высказывались задолго до его претворения в жизнь, о «законе ситуации» говорила еще в 20-е годы выдающаяся представительница «школы человеческих отношений», Мери Паркер Фоллет.

Ученые сегодня называют социологию управления наукой будущего, наукой, которая играет все большую роль в современном обществе с все возрастающей потребностью в управлении в различных его сферах. Вместе с тем, нельзя забывать, что «социология управления» по своему охвату гораздо шире производственных и организационных отношений, она гораздо шире «менеджмента». И, несмотря на то, что с приходом рыночных отношений актуальность именно этого направления науки возрастает (что вполне понятно и объективно), социология управления – это наука, в первую очередь, об особенностях взаимодействия управляющего и управляемого. Вне зависимости от того, каким является тип отношений – рыночным или нерыночным, тип собственности – государственным или частным, и вообще, вне зависимости от того, легальны ли эти отношения или нет.

Список литературы

- Бурганова, Л.А. (2007) Социология управления: учебник. Казань: КГТУ.
- Добренкова, Е.В., Агапов, П.В. (2006) Социология управления: Учебное пособие. М.: Альфа-М
- Зборовский, Г.Е. Костина, Н.Б. (2008) Социология управления. М.: Гардарики.
- Зинченко, А.А. (2004) Социология управления. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Ковалева, А.И. (2011) Общество и личность. М.: МосГУ.
- Кравченко, А.И. (1987) Социология труда в XX в. историко-критический очерк. М.: Наука.
- Кравченко, А.И. (2000) История менеджмента: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Академический проект.
- Кравченко, А.И., Тюрина, И.О. (2008) Социология управления: фундаментальный курс: учебное пособие для ВУЗов. М.: Академический Проект.
- Макиавелли, Н. (1982) Избранные сочинения М.: Художественная литература.
- Маркс, К., Энгельс, Ф. (1960) Сочинения. Издание второе. М.: Государственное издательство политической литературы.

- Маслоу, А.Г. (1999) Мотивация и личность. СПб.: Евразия.
- Мескон, М. Х., Альберт, М., Хедоури, Ф. (1992) Основы менеджмента: Пер. с англ. М.: Дело.
- Тощенко, Ж.Т. (2011) Социология управления. Учебник. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.
- Фененко, Ю. В. (2011) Социология управления. М.: Юнити.
- Конт, О. (1996) Общий обзор позитивизма // Западно-европейская социология XIX в.: Тексты / Под редакцией В. И. Добренькова. М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления.
- Файоль, А., Эмерсон, Г., Тейлор, Ф., Форд, Г. (1992) Управление – это наука и искусство / сост. Г. Л. Подвойский. М.: Республика.

Алиев Вадим Видадиевич – аспирант кафедры социологии Московского гуманитарного университета

Aliyev Vadim Vidadievich – postgraduate student of Sociology Department of the Moscow University for the Humanities

Кластерная форма лизинга
Варфаловский А.В.
Cluster form of leasing
Varfalovsky A.V.

Аннотация. Недостатки российской экономики вызваны падением квалификации рабочей силы, отсутствием стимулов у предпринимателей к внедрению нововведений, слабой ориентацией научной организацией на коммерциализацию результатов своей деятельности.

Ключевые слова: лизинговый кластер, инновации, высокотехнологичная индустрия, конкурентная борьба.

Abstract: Disadvantages of the Russian economy is caused by the fall of the workforce, a lack of incentives for entrepreneurs to innovate, poor orientation of scientific organization to commercialize the results of their activities.

Keywords: leasing cluster, innovation, high-tech industry, competition.

Важным фактором повышения инновационности в региональной экономике современная наука считает формирование кластеров и лизинговых операций. Переход к инновационной политике к 2020г. будет осуществляться в два этапа. На первом этапе в 2008-2012 гг. планируется наращивать глобальные конкурентные преимущества, которыми обладает российская экономика в традиционных сферах. Здесь должны создаваться условия для формирования ряда инновационных высокотехнологичных кластеров и в европейских и азиатских частях России. С из помощью должна быть реализована цель второго этапа (2013-2020гг.) – резко повысить глобальную конкурентоспособность экономики на основе её перехода на новую технологическую базу (см. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020г., утверждена распоряжением правительства РФ № 1662–р. от 17 ноября 2008г.) Кластерная политика является средством формирования инновационной экономики в субъектах РФ.

Лизинговый кластер предоставляет своим участникам ряд преимуществ, которые обеспечивают притягивающий (центростремительный) эффект, определяющий целесообразность существования кластера и привлекающий новых участников. Данные преимущества можно разделить на три группы: повышение эффективности производственной деятельности; экономия на транзакционных издержках; получение инновационных преимуществ. Существуют две фундаментальные причины, по которым лизинговые компании, заинтересованные в инновационном развитии, концентрируются в кластерах. Первое: новые знания, как правило, имеют зна-

чительную персонифицированную часть и эффективно распространяются путем личного контакта. Наиболее важное знание в любой высокотехнологичной индустрии – это не стандартизированная информация, не информация о шаблонных действиях и не научные публикации. Это даже не та информация, которую можно получить посредством количественного маркетингового анализа (анализ вторичной информации и статистических данных), и не информация, полученная в ходе интервьюирования и фокус-групп, а самые новые знания, информация о последних изменениях, опыт конкретных людей, которые получили его через практику, путем проб и ошибок. Для кластера характерно неравномерное распределение инновационной активности в пространстве.

Второе: инновационная деятельность подразумевает согласованную работу множества организаций: поставщиков комплектующих, производителей, продавцов, потребителей, финансовых организаций и пр. Для осуществления любой кластерной, лизинговой инновации необходимы партнеры-потребители и партнеры-поставщики. И чем радикальнее (и зачастую ценнее) инновация, тем больше, глубже и шире должны быть задействованы другие партнеры, особенно потребители. Венчурные капиталисты, как правило, инвестируют средства в компании, располагающиеся в непосредственной близости от них, в одной цепочке. Необходимость географической локализации множества связанных организаций в целях осуществления инновационного процесса подтверждается на практике, особенно в лизинговом кластере. Для поддержания полноценной инновационной активности лизинговые предприятия должны размещаться и функционировать в рамках кластера, под которым и понимаются постоянно совершенствующие свои конкурентные преимущества взаимосвязанные организации, сконцентрированные географически и объединенные общей сферой деятельности. Фундаментальные причины кластеризации инновационно активных лизинговых предприятий содействуют:

- снижению издержек доступа к новым знаниям и созданию нововведений;
- сокращению инновационного цикла;
- активизации инновационной деятельности фирм за счет «входящих»; инноваций других компаний;
- повышение требовательности покупателей и усилению конкурентной борьбы.

Наличие в лизинговом кластере множества компаний в одном или близких видах деятельности, а также их потребителей повышает требовательность спроса и усиливает конкурентную борьбу. М. Портер отмечает особое значение именно внутренней конкуренции (по сравнению с внешней) как фактора, стимулирующего инновационную активность фирм.

Лизинговые фирмы, заинтересованные в инновационном развитии, имеют все основания концентрироваться в профильных кластерах. Размещение в кластере положительно влияет на инновационную активность лизингового предприятия, что доказано в ряде зарубежных эмпирических исследований. В современной экономике для компаний жизненно важно постоянно совершенствовать свои конкурентные преимущества путем инноваций, пребывание вне профильных кластеров подрывает конкурентоспособность таких фирм и, в конечном счете, всего региона. Выдвинута гипотеза о положительном влиянии переменной «Кластеризация» на переменную «Экономическое благополучие». Под кластеризацией понимают количество и силу значимых кластерных групп в регионе в анализируемой сфере. Это является показателем количества и уровня развития кластеров. Переменная «Урбанизация» оценивается как отношение количества домохозяйств в регионе с плотностью домохозяйств в регионе при плотности населения не менее 500 жителей на 1 кв. км к общему количеству домохозяйств во всех изучаемых регионах. Для исследования в России используется близкий показатель – коэффициент урбанизации по субъектам РФ, рассчитанный как доля городского населения в общей его численности. Переменные «Урбанизация» и «Кластеризация» влияют на следующие три переменные, отражающие инновационную активность предприятий. Переменная «Патентные и сервисные заявки» рассчитывается как количество заявок на занятых. В переменной «Частные расходы на НИОКР в области логистики и лизинга» расчет такой: доля частных расходов на НИОКР в валовом региональном продукте (ВРП) или отношение частных расходов на НИОКР к общей численности занятых в регионе. Частные и государственные расходы на НИОКР положительно влияют на патентную активность. При этом они по-разному воздействуют на инновации. Затраты фирмы на НИОКР больше влияют на количество новых патентов, чем затраты университетов. Переменная «Урбанизация» и «Кластеризация» прямо и косвенно через воздействие на инновационную активность предприятий влияют на переменную «экономическое благосостояние». Для расчета этой латентной переменной применяют три наблюдаемые переменные: ВВП на душу населения, валовую добавленную стоимость и уровни заработной платы (Арнольд, 2007: 14)

Финансирование лизинга – один из главных моментов в разработке и проведение лизинговых операций. Лизинговые проекты в России финансировались за счет кредитов, займов и собственных средств лизингодателей. Их дефицит и высокая стоимость предопределили поиск принципиально новых, инновационно-финансовых механизмов, среди которых наиболее значимым выступает секьюритизация лизинговых активов. Для инновационного финансирования характерны повышенные риски, неопределенность, конкуренция. Оно позволяет добиться конкурентного пре-

имущества, снизить затраты, быстрее реализовать инвестиционный проект, что приводит к росту доходности. В лизинге новации могут осуществляться на основе известных элементов присущих традиционным формам финансирования (с помощью частичного видоизменения и определенной комбинаторики). Классическая секьюритизация предполагает непосредственную продажу активов, когда в качестве продавца выступает оригиналатор лизингодатель, а покупателя специальное юридическое лицо (Special Purpose Vehicle, SPV). Здесь осуществляются передачи прав на получение долга новому собственнику актива и последующей эмиссии ценных бумаг. При секьюритизации активы не всегда списывают с баланса оригинатора. При синтетической секьюритизации используют прямую или отложенную уступку оригинаторам прав на дебиторскую задолженность SPV без передачи прав собственности на актив (вместо продажи его передают в залог). Компании секьюритизируют активы с целью уменьшения стоимости финансирования; диверсифицирования его источников; увеличения доходов для отражения в финансовых отчетах; снижения требований к капиталу, если речь идет о компании, деятельность которой регулируется государством. В процессе секьюритизации арендодатель продает часть своей дебиторской задолженности по лизингу в основном через SPV (Amembal, 2006: 42). Это характеризует важность составляющей секьюритизации лизинговых активов, однако она включает еще ряд элементов, в том числе эмиссию ценных бумаг и привлечение с ее помощью инвесторов. В положении Комиссии по ценным бумагам и биржам США от 18 января 2005 года указывается что секьюритизация активов представляет собой ценные бумаги выпускаемые под определенный дискретный поток будущих денежных поступлений или иные финансовые активы (постоянные или оборотные), которые по своей природе конвертируются в денежные поступления в течении установленного периода времени, а также определенные права или иные финансовые активы, предназначенные для обеспечения выпуска или своевременного распределения денежных поступлений держателю этих ценных бумаг. В качестве лизингового актива следует рассматривать имущество, которое передается лизингополучателю во временное владение и пользование на условиях договора лизинга; платежи по договору лизинга. При финансовом лизинге секьюритизация может предполагать не только передачу третьему лицу прав на получение лизинговых платежей, но и непосредственно продажу ему имущества, которое в дальнейшем будет использоваться в качестве обеспечения при выпуске ценных бумаг. Рейтинговые агентства США считают, что продажа лизинговых контрактов при проведении секьюритизации имеет место, когда к третьему лицу переходит право собственности на получение лизинговых платежей и на имущество, переданное в лизинг. Независимо от вида секьюритизации (классической, синтетической, можно обеспечить определенное соответ-

стве привлекаемого лизингодателя к финансированию потока лизинговых платежей).

Лизинг ИС пока не нашёл широкого применения на отечественном рынке, хотя сами лизинговые услуги весьма востребованы. Доля лизинга во всех инвестициях в основные фонды в России составляет более 6% (Газман, 2010: 10). Лизинг прав ИС – это форма коммерциализации интеллектуальной собственности, которая предполагает приобретение лизингодателем прав на объекты ИС и передачу этих прав на основании договора лизинга лизингополучателю за определённую плату на определённый срок и на определённых условиях. Лизинг прав на объекты интеллектуальной собственности (ОИС) характеризуется следующими характеристиками:

- в качестве предмета лизинга лизингодатель передаёт лизингополучателем права на ОИС;
- срок лизингового договора равен сроку лицензионного договора;
- после окончания действия лизингового договора переход права собственности на ОИС к лизингополучателю не происходит.

В качестве лизингодателя может быть только собственник имущества. Проводя аналогию с лизингом основных средств, можно выделить следующие виды договоров, которые могут заключаться между продавцом и лизингодателем, в том числе в рамках кластера:

- авторский лицензионный договор;
- лицензионный договор;
- договор на передачу прав на товарный знак и знак обслуживания.

Лизинг прав на ИС представляет собой комплекс экономических отношений, возникающих между участниками лизингового договора в условиях кластера, поэтому такие отношения должны сопровождаться заключением как минимум трёх контактов, связывающих права и ответственность:

- 1) лизингополучателя – лизингодателя;
- 2) лицензиата – лизингодателя;
- 3) лизингодателя – банка.

Схему экономических отношений, возникающих при кластерном лизинге, можно представить следующим образом (схема 1):

- 1) потенциальный лизингополучатель направляет в лизинговую компанию заявку на приобретение прав на ИС по лизинговому договору;
- 2) при необходимости лизинговая компания представляет в банк необходимый пакет документов для получения кредита на приобретение прав на ИС;
- 3) лизинговая компания по указанию потенциального лизингополучателя договаривается с продавцом о приобретении прав на ИС, оформляя соответствующие документы;

- 4) права на ИС переходят к лизинговой компании на основании договора об отчуждении исключительного права;
- 5) осуществляется страхование прав на ИС;
- 6) производится выплата лизинговых платежей по графику в соответствии с лизинговым договором;
- 7) лизинговая компания осуществляет погашение банковского кредита;
- 8) предмет лизинга возвращается лизингодателю.

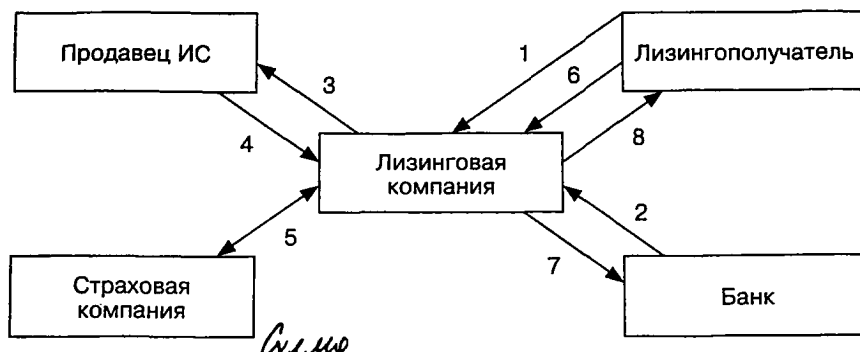

Схема 1. Возможный механизм кластерного лизинга

В соответствии с этим алгоритмом схема договорных отношений, возникающих между всеми участниками процесса кластерного лизинга, может быть представлена так, как это показано на схеме 2.

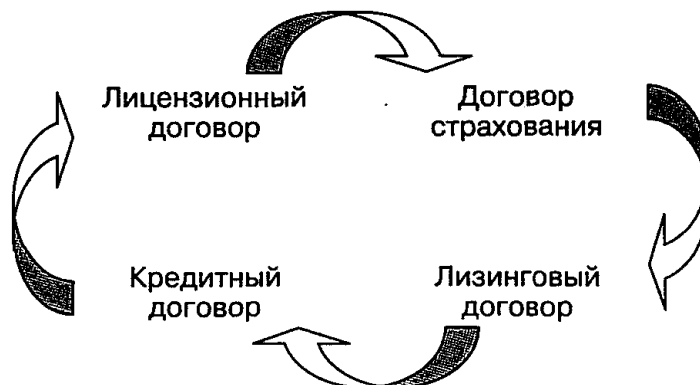

Схема 2. Схема договорных отношений лизинга ИС в рамках кластера

Исходя из необходимости вовлечения нескольких участников в лизинговый процесс, лизинговый платёж может быть рассчитан следующим образом:

$$ЛП = А + СЗ + ОЛ + М + РП + ДУ + С, (1)$$

где А – величина амортизационных отчислений (если оплата продавцу ИС осуществляется частями, то согласно п. 8 ст. 256 НК РФ объекты ИС не подлежат амортизации); СЗ – плата за финансовые ресурсы, привлекаемые лизингодателем для осуществления сделки; ОЛ – отчисления лицензиару за право пользования предметом договора; М – маржа лизингодателя (комиссионное вознаграждение, комиссионные выплаты); РП – рискованная премия; ДУ – плата за оказываемые лизингодателем лизингопо-

лучателю дополнительные услуги, предусмотренные в лизинговом договоре; С – плата за услуги страхования рисков, связанных с ИС.

Предмет лизинга может быть застрахован от рисков утраты, недостачи или повреждения с момента поставки имущества продавцом и до момента окончания срока действия договора лизинга. Страхование предпринимательских рисков также не является обязательным и может осуществляться по соглашению сторон договора лизинга. Кроме того, лизингополучатель вправе застраховать риск своей ответственности за нарушение договора лизинга в пользу лизингодателя. Лизингополучатель должен обязательно застраховать свою ответственность за выполнение обязательств, возникающих вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц в процессе пользования лизинговым имуществом. Это необходимо, когда лизингополучатель принимает в эксплуатацию опасный производственный объект. Таким образом, в процессе реализации лизинга могут страховаться не только риски, которые несёт лизингодатель, но и риски лизингополучателя.

Лизинговая кластерная сделка сопряжена с целым рядом рисков, которые могут страховаться. Страховые продукты, ориентированные на защиту от рисков, связанных с созданием и коммерциализацией ИС, начали появляться в промышленно развитых странах несколько десятилетий назад. Страховые компании Великобритании, США, Австралии и Японии предлагают комплексные программы страхования объектов интеллектуальной собственности. Российские страховщики начали работать на этом рынке в последнее десятилетие XX в., и с каждым годом специалистами отмечается развитие различных видов страхования рисков, связанных с объектами интеллектуальной собственности. Появляются страховые компании, специализирующиеся именно на этом виде страхования. Процесс заключения договора страхования представляет собой достаточно сложный процесс согласования перечня рисков, передаваемых на страхование, а также установления цены за передачу этих рисков страховой компании. В каждом отдельном случае эти риски могут быть уникальными и формирование страховой защиты будет индивидуальным для каждого страхователя.

Вовлечение страховой компании в лизинговый кластерный процесс характеризуется рядом достоинств:

- передачей рисков страховщику;
- получением страхового возмещения при наступлении страхового случая;
- профессиональной защитой репутации лизингодателя и лизингополучателя;
- возможностью привлечения профессионалов в случае возникновения кризисных ситуаций;

– предотвращением потери рынка своевременными мерами по защите ИС.

В российской практике существует опыт применения механизма лизинга:

1) расчет амортизационных отчислений. Организация самостоятельно устанавливает срок полезного использования нематериальных активов (НМА), к которым могут быть отнесены объекты ИС;

2) расчет платы за финансовые ресурсы, привлекаемые лизингодателем для осуществления сделки;

3) расчет маржи лизингодателя;

4) расчёт платы за оказываемые лизингодателем лизингополучателю сопутствующих дополнительных услуг, предусмотренных лизинговым договором. К таким услугам можно отнести:

а) пошлина за государственную регистрацию договора об отчуждении;

б) пошлина за поддержание патента в силе;

с) оплата услуг патентных поверенных;

д) оплата юридических консультаций.

Схема взаимодействия в процессе лизинга, используемая в настоящее время, существенно затрудняет эффективное развитие рынка прав на ИС в Российской Федерации. Представляется, что снятие обязательного условия о том, что лизингодателем может быть только собственник имущества, существенно расширит возможности применения механизма лизинга. В этом случае лизинговые кластерные компании смогут выступать промежуточным звеном при оплате прав на ИС и получать льготу по НДС, а схема взаимодействия в процессе лизинга следующая (схема 4):

1) потенциальный покупатель направляет потенциальному продавцу оферту купли-продажи прав на ИС, а затем производятся переговоры по проекту контракта;

2) покупатель направляет заявку в лизинговую компанию;

3) лизинговая компания представляет в банк необходимый пакет документов для получения кредита на приобретение прав на ИС (при необходимости);

4) осуществляется страхование прав на ИС;

5) лизинговая компания оплачивает стоимость прав на ИС;

6) осуществляется выплата лизинговых платежей по графику в соответствии с договором;

7) лизинговая компания погашает кредит.

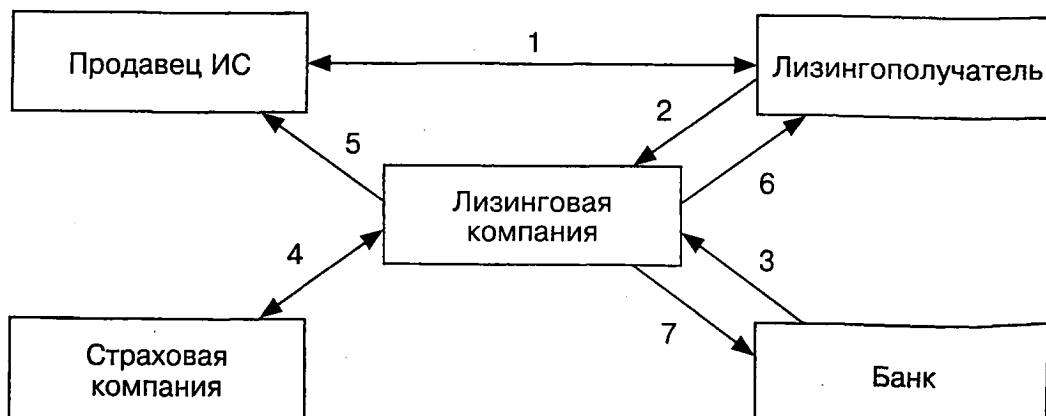

Схема 4 Механизм кластерного лизинга с учетом предлагаемых изменений

Срок действия лизингового кластерного договора будет определяться сроком действия договора купли-продажи прав на ИС, заключённого между продавцом и лизинговой компанией. График погашения кредита согласован с графиком поступления лизинговых платежей. Экономические аспекты осуществления лизинговой сделки, представленной на схеме 4 следующие:

- 1) расчет ежемесячной нормы амортизационных отчислений;
- 2) расчет платы за финансовые ресурсы, привлекаемые лизингодателем для осуществления сделки;
- 3) расчет маржи лизингодателя;
- 4) расчет отчислений лицензиару;
- 5) расчет платы за оказываемые лизингодателем лизингополучателю сопутствующие дополнительные услуги;
- 6) расчет затрат на страхование прав на объекты ИС.

Для этого примера проведённые расчёты могут быть скорректированы на величину амортизационных отчислений в случаях, когда объекты ИС не подлежат амортизации в соответствии с положениями п. 8 ст. 256 НК РФ. В таком случае расчёт лизинговых платежей будет осуществляться методом потока денежных средств на основании фактических затрат, понесённых в данном периоде. Внесение предложенных поправок приведёт к выигрышу всех участников лизинговой кластерной сделки. В борьбе с кризисными явлениями в российской экономике кластерный лизинг прав на ИС представляет собой востребованный рыночный механизм, позволяющий обеспечить повышение конкурентоспособности отечественных компаний. Для распространения этого механизма требуется развитое правовое и организационно-экономическое обеспечение, включающее законодательно-правовую базу, а также инструменты и методы организационно-экономического сопровождения лизинговых сделок в антикризисном управлении, в том числе в кластерах.

Список литературы

Арнольд, Г.(2007) Руководство по корпоративным финансам: пособие по финансовым рынкам, решениям, методам. Днепропетровск: Баланс Бизнес Букс.

Газман, В. (2010) Аритмия международного рынка // Вопросы экономики №3.

Amembal, C. (2006) *Winning with Leasing*. Amembal & Associates.

Варфаловский Александр Владимирович – соискатель кафедры мировой экономики и управления международной экономической деятельностью Государственного университета управления, руководитель лизинговой компании.

Varfalovsky Alexander Vladimirovich – applicant of World Economy and International Economic Management Department at the State Management University, chief in the leasing company.

Договор займа по российскому дореволюционному законодательству
Агафонов И.С.

Loan agreement under the Russian pre-revolutionary laws
Agafonov I.S.

Аннотация: В статье на основе работ дореволюционных ученых цивилистов и современных ученых правоведов сформулирована некоторая точка зрения о правовом регулировании заемных отношений в дореволюционной науке гражданского права.

Ключевые слова: Торговый оборот, дореволюционной России, свод Законов Российской Империи, договора займа, размера процентов, правовая оценка.

Annotation: The article presents a point of view on the legal regulation of the borrowing relationships in pre-revolutionary civil law, on the basis of pre-revolutionary civilians and contemporary legal academics

Key words: trade turnover, pre-revolutionary Russia, Russian empire code of laws, loan agreement, interest rate, legal treatment.

Россия вступила в эпоху преобразования национальной экономики. Как показал мировой опыт, во всех развитых странах для этого использовался заемный капитал. Эффективное использование заемного капитала требует развития новых подходов к построению системы регулирования заемных отношений. Новые подходы к фундаментальным проблемам правовой теории невозможно развивать без учета творческого наследия выдающихся русских юристов прошлого. Поэтому сначала, необходимо изучить взгляды ученых правоведов на проблемы регулирования заемных отношений в дореволюционном периоде, и определить, как формировалось правосознание в дореволюционной науке гражданского права. На этой основе необходимо сделать выводы и дать им новый импульс движения, с учетом задач, стоящих перед страной и обществом в настоящее время. Следует отметить, что на формирование взглядов ученых правоведов оказали воздействие социально-экономические факты того периода времени.

Сказанное выше позволило сформулировать цель данной работы и отразить ее в статье. Целью данной работы является изучение взглядов дореволюционных юристов: А.К. Гаугера, К.П. Победоносцева, И.М. Тютрюмова, Д.И. Мейера, Г.Ф. Шершеневича на сущность, структуру и место правосознания в системе правового регулирования заемных отношений.

«В основном кодифицированном акте дореволюционной России – Своде Законов Российской Империи система норм посвященных договору

займа, была достаточно обширна и подробно представлена законодателем. Данные нормы права были помещены в ч.1 т. X главе «О займе и ссуде». Отделение первое – «О займе» указанной главы включало в себя четыре подразделения:

- «о составлении займа»;
- «о порядке совершения заемных обязательств»;
- «об исполнении заемных обязательств»;
- «о передаче заемных писем» (Степанюк, 2002:23)».

Столь подробная регламентация займа в нормах Свода законов Российской империи, по мнению автора, свидетельствует о широком распространении заемных отношений в гражданском обществе дореволюционного периода и о стремлении законодателя придать заемным отношениям высокую степень управляемости путем построения развитой системы законодательства.

Современные ученые цивилисты М.И. Брагинский и А.В. Степанюк справедливо отмечали, что «дореволюционное Российское законодательство не содержало легального определения договора займа» (Брагинский, 2006:35; Степанюк, 2004:100-108). Это обстоятельство, способствовало возникновению, такого дискуссионного вопроса в юридической литературе того периода, как формулирование и толкование определения договора займа.

В российской науке гражданского права одним из первых определение договора займа сформулировал Д.И. Мейер. Он определил договор займа как «соглашение воль двух лиц, по которому одно, веритель или займодавец, обязывается безвозмездно или за известное вознаграждение предоставить другому в собственность какой-либо предмет, определяемый не индивидуально, а мерой, числом, весом; а другое лицо, должник или заемщик, в известный срок – возвратить ему такой же предмет, не тот же самый, а того же качества и в том же количестве» (Мейер, 1997:246).

Г.Ф. Шершеневич отмечал не совсем верный взгляд Д.И. Мейера на определение договора займа и его конструкцию в своих научных работах. Он утверждал: «Заем представляет собой односторонний договор: в нем лишь одна сторона обязывается к совершению действия – к возвращению взятого, тогда как другая сторона имеет только право, потому что она совершила действие одновременно с совершением договора, передала известную сумму денег или других заменимых вещей» (Шершеневич, 1993:330).

«Несмотря на различие взглядов российских правоведов на правовую природу договора займа, Редакционная комиссия при подготовке проекта Гражданского уложения предпочла остаться на классических позициях римского права: договор займа в проекте Гражданского уложения конструировался в качестве реального договора, порождающего односторон-

нее обязательство на стороне заемщика. Что касается соглашения об обязанности предоставить заем, то оно квалифицировалось как предварительный, устанавливающий обязательство сторон заключить договор займа, и подлежало отдельному (специальному) регулированию» (Брагинский, 2006:41).

Следовательно, реальный и односторонний характер договора займа признавался отличительным признаком договора займа.

По мнению автора, взгляды Редакционной комиссии при определении правовой природы договора займа способствовали развитию заемных отношений в Дореволюционной России и установлению в дальнейшем единообразной правоприменительной практики. М.И. Брагинский справедливо отметил: «Изложенные рассуждения, подготовившие проект Гражданского уложения, сохраняют свое значение и в настоящее время. Ведь современному кредитному договору (ст. 819-821 ГК РФ) присущи все основные черты дореволюционной модели предварительного соглашения об обещании займа: он носит консенсуальный характер и порождает обязательства банка (кредитора, займодавца) выдать заемщику кредит в установленный договором срок» (Брагинский, 2006: 322).

Далее рассмотрим вопрос о предмете договора займа в дореволюционном законодательстве. Здесь хотелось бы в преддверии рассмотрения выделенного вопроса отметить, что разногласия среди цивилистов возникали только по вопросу – допускало ли действовавшее тогда законодательство передачу в заем иных заменимых вещей (кроме денег) или ограничивалось лишь допуском займа денег.

А.К. Гаугер отмечал – «заем есть договор, по которому займодавец ссужает свой капитал безвозмездно или за известное вознаграждение, другому лицу-должнику, который обязывается возвратить занятые деньги с условленным, за пользование капиталом, ростом» (Гаугер, 1898: 647).

Г.Ф. Шершеневич писал: «Основанием обязательства, вытекающего из займа, заключается в передаче заменимых вещей. Наша практика и г. Победоносцева держатся того взгляда, что занимаемы могут быть только деньги... Однако совершаемые почти ежедневно в деревне заимствования муки, овса, меду и т.п. припасов, а в торговом быту бумаг на предъявителя подходят под понятие займа не только с теоретической точки зрения, но и по взгляду нашего законодательства» (Шершеневич, 1911: 482.).

Из приведенных точек зрения ученых видно: А.К. Гаугер ограничивает предмет договора займа денежными средствами, а Г.Ф. Шершеневич напротив считает, что предметом договора займа могут быть заменимые вещи. Из приведенных точек зрения видно, что ученые по-разному воспринимали результаты реализации норм права регулирующих заемные отношения.

М.И. Брагинский, анализируя материалы Редакционной комиссии (Гражданское уложение, 1990:453), справедливо отмечал, что «необходимость ограничения предмета займа только заменимыми вещами Редакционная комиссия объясняла тем, что хозяйственное значение займа состоит в потреблении заемщиком переданной ему займодавцем вещи, а поскольку потребление вещи составляет принадлежность права собственности на вещь, то для возникновения займа необходимо, чтобы заемщик получил ее в собственность». «Предметом займа кроме денег, подчеркивает Комиссия, могут быть весьма разнородные вещи ...но все они должны отличаться одним общим свойством- заменимостью, так как с актом передачи только такого рода вещей возможен переход права собственности на них, без чего не может быть достигнута и самая цель займа – потребление занятой вещи». Кстати, Комиссия была против включения в проект ГУ каких-либо положений о том, какие вещи считаются заменимыми, поскольку пришла к следующему выводу: «Заменимость, как исключительно юридическое свойство вещей, определяется в отношениях договорных волею сторон, которые, следовательно, могут признать всякую вещь заменимой, если только она не единственная в своем роде – одни лишь недвижимости, безусловно, незаменимы» (Брагинский, 2006:42- 43).

Сопоставление точек зрения ученых позволило автору прийти к выводу и сформулировать свою точку: предметом договора займа в дореволюционном гражданском законодательстве могли быть деньги, вещи, определенные родовыми признаками.

Договор займа мог быть возмездным и безвозмездным. По принципиальным вопросам относительно того, какой договор займа следует считать возмездным и при каких условиях подлежат взиманию проценты по договору займа, не предусматривающему обязанность заемщика по их уплате, мнения у российских правоведов расходились. Г.Ф. Шершеневич считал, что «если размер процентов указан в договоре, то кредитор имеет право требовать установленного роста. Если же в договоре упомянуты проценты, но не указан их размер, то кредитор имеет узаконенный рост. В случае же, когда в договоре не упомянуто о процентах, то кредитор не имеет права требовать даже узаконенного роста». Таким образом, по мнению Г.Ф. Шершеневича, «договор займа может быть возмездным, но таковым он не презумпруется» (Шершеневич, 1911: 334). С приведенным мнением не соглашался К.П. Победоносцев. Он считал, что «договор займа всегда является возмездным», и в связи с этим проводил следующие аргументы: «Заем может быть и безвозмездным, но если в нем есть условие о вознаграждении, он не перестает быть займом. В денежном займе такое условие, по свойству предмета, даже предполагается, так как пользование деньгами всегда имеет на денежном рынке известную ценность, выраженную процентом. Следовательно, когда нет прямого выражения дарствен-

ной воли, естественно предложить, что недаром уступлено одним лицом другому это пользование капиталом в течение определенного времени» (Победоносцев, 1890: 333-334).

«Определение размера процентов и порядка их уплаты являлось предметом соглашения сторон по договору займа. Вместе с тем, в России до 1879 года российское гражданское законодательство предусматривало максимальную ставку процента в размере 6 % в год, которая называлась указными процентами или указным ростом. Взимание процентов свыше узаконенного роста называлось лихвою и составляло преступление, за которое виновные подвергались по суду в первый раз тройному взысканию против лихвенных процентов в пользу общественного призрения, а во второй и третий раз, сверх того, аресту и заключению в тюрьму» (Брагинский, 2006:47-48).

«Это приводило к тому, что участники заемного правоотношения использовали различные приемы для того, чтобы обойти законоположения, ограничившие размер процентов» (Мейер, 1997:601). Поскольку в подобных операциях были заинтересованы, как правило, обе стороны, то и доказать факт нарушения было чрезвычайно трудно. В результате 1879 году законодатель отменил законоположения о предельном размере процентов по займам. Для субъектов заключавших договор займа стало возможно определять процентную ставку соглашением сторон, что соответствовало основным законам спроса и предложения, подчиненным общим законам ценообразования.

Признавая свободу в определении размера процентов по договору займа, законодательство предусматривало определенные положения, позволявшие рассматривать заем ростовщическим, в случаях, когда: а) установленный рост превышал 12 процентов годовых; б) заемщик был вынужден стесненными обстоятельствами, известными займодавцу, принять условия займа, крайне обременительные или тягостные по своим последствиям.

Если заем признавался ростовщическим, то заемное обязательство в этом случае признавалось не имеющим силы. Кредитор в этом случае не лишался права обратного получения капитала предоставленного должнику за вычетом полученных платежей. Следовательно, заемное обязательство оставалось в силе, а недействительным оказывалось лишь условие о процентах.

Можно отметить, что договор займа мог быть возмездным и безвозмездным. Размер процентов определялся соглашением сторон, но с учетом ограничений предусмотренных в законодательстве. Законодательные акты того временного периода активно затрагивали договор займа в части процентов то, повышая их максимальную ставку, то понижая защищая интересы тех или иных социальных общностей.

По мнению автора, одна из характерных особенностей дореволюционного гражданского законодательства, регулирующего заемные отношения, заключалась в том, что договор займа подлежал заключению в письменной форме (путем составления заемного письма). Письменная форма была необходима только для доказательства, но не для действительности договора займа, который мог быть заключен значительно ранее оформления его в установленном порядке. Договор займа считался заключенным только с момента передачи предмета договора в собственность заемщику.

Исполнение заемного обязательства состояло в платеже денег либо в возвращении того количества заменимых вещей, какое было передано займодавцем заемщику. Удостоверение исполнения заемного обязательства могло выражаться:

- на самом заемном письме;
- распиской (она выдана в удостоверение погашения обязательства);
- распиской кредитора в расписной или памятной книжке должника;
- почтовыми квитанциями об отсылке должником кредитору денег.

«Оценка таких документов принадлежала суду. Помимо уплаты долга по займу и причитающихся процентов займодавцу в соответствии с законодательством принадлежало право требовать взыскания с неисправного заемщика так называемых указных процентов (6% годовых) и законной неустойки в форме штрафа, взимаемого однократно в размере 3% от просроченной суммы займа» (Мейер, 1997:611).

Завершая рассмотрение вопросов о проблемах формирования правосознания в системе правового регулирования заемных отношений в дореволюционной науке гражданского права необходимо отметить следующее:

- система правовых норм, регулировавших заемные отношения, была достаточна подробно представлена законодателем того периода времени;
- в юридической литературе того периода времени имелись различные представления о правовой природе договора займа;
- правовая конструкция договора займа дореволюционного периода содержала отличительные признаки: реальный и односторонний характер, предмет – деньги или заменимые вещи, которые передавались в собственность заемщика с последующим возвратом;
- на сегодня в доктрине гражданского права сформировался устойчивый массив отличительных признаков договора займа (реальный и односторонний характер; предмет: деньги или заменимые вещи);
- проведенную правовую оценку заемных отношений дореволюционными учеными – правоведами, необходимо учитывать при разработке современных норм гражданского законодательства;

– взгляды дореволюционных русских юристов на проблемы формирования правосознания в системе правового регулирования заемных отношений имеют существенное значение для современной юридической

науки, так как многие положения мыслителей сохранили свою актуальность, новизну и в настоящее время.

Список литературы:

Степанюк, А.В. (2002) Договор займа в российском гражданском праве. :Дис. ... канд. юрид. наук. М..

Брагинский, М.И., Витрянский, В.В. (2006) Договорное право: книга 5 в двух томах. Том 1: Договоры о займе. банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований. М.: Статут.

Степанюк А.В. (2004) Регламентация договора займа в Своде законов Российской империи // Журнал российского права. № 3. март.

Мейер Д.И. (1997) Русское гражданское право: В 2 ч. Ч.2 (по исп. и доп. 8-му изд. 1902 г.). М.: Статут.

Шершеневич Г.Ф. (1993) Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) М.: Фирма Спарк .

Гаугер А.К.(1898) Законы гражданские: 4 изд . испр. СПб.

Шершеневич Г.Ф. (1911) Учебник русского гражданского права .9-изд. М.

Гражданское уложение (1990) Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. Т.2 / Под ред. И.М. Тютрюмова. СПб.

Победоносцев К.П. (1890) Курс гражданского права: Часть третья. Договора и обязательства. СПб.: Синодальная типография.

Агафонов Игорь Сергеевич – соискатель кафедры Гражданского права и процесса Московского университета МВД России.

Agafonov Igor Sergeevich – Applicant for the department of Civil Right and process of the Moscow University of Ministry of Interior of Russia

Проблемы кадрового обеспечения туристской отрасли

Дзюбчик Е.В.

The problem of professional community of tourist industry

Dzyubchik E.V.

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы подготовки и переподготовки кадров для сферы туризма и гостеприимства в РФ. Автор описывает мнения ученых по вопросам в сфере профессионального образования для туристской отрасли.

Ключевые слова: стандарты образования, подготовка и переподготовка кадров, среднее специальное образование, структура образования, туризм.

Abstract: The article deals the problems of training and retraining of professional community in the field of tourism and hospitality in the Russian Federation. The author describes scientist's opinions on the questions about the field of professional education for the tourist business.

Keywords: education standards, training and retraining of professional community, special secondary education, tourism.

За последние десять лет произошли значительные изменения в сфере туризма – усиление конкуренции, увеличение количества предлагаемых услуг, рост издержек, все более изысканные пожелания клиентов, развитие информационных технологий, требующие больших финансовых вложений – все это заставляет туристские компании искать новые способы увеличения конкурентного преимущества на рынке. Усиливающаяся конкуренция между туристскими компаниями привела к необходимости поиска новых методов работы, изменению структур компаний, внедрению новых технологий. В России туристский рынок насыщен различными предложениями отдыха, что приводит некоторые фирмы к процессу замедления роста продаж. Именно поэтому туристские компании стараются всеми способами привлечь новых клиентов и сохранять имеющихся, устанавливая с ними долгосрочные, стабильные взаимоотношения.

Если раньше значительная доля роста туристской компании была возможна только за счет обновления географических направлений со всеми выходящими отсюда составляющими туристского продукта, специальных предложений, а также за счет привлечения новых клиентов путем рекламы, ценовых стимулов, создания положительного имиджа марки и бренда, то сейчас эти инструменты не являются столь эффективными. Показатели откликов на рекламные сообщения продолжают снижаться.

Туристским компаниям для роста требуется новый подход к работе, поскольку только за счет новых клиентов невозможно увеличить свою до-

лю на рынке. Необходимо пересмотреть работу компании на пути активного привлечения новых клиентов к сохранению имеющихся и повышению их прибыльности и ценности для фирмы. А этого невозможно добиться, если не пересмотреть имеющуюся стратегию компании и не повысить лояльность клиентов к фирме. Кроме того, следует обратить внимание на отток клиентов конкурентов, поскольку это может быть существенным ресурсом в борьбе за рыночные позиции.

Другой главной тенденцией является то, что туристские услуги становятся все более персонифицированными. Туристские компании предлагают новые туристские продукты для все более узкого круга клиентов, а их потребности становятся все более уникальными. Не только цена и качество туристского продукта играют важную роль, но и многие другие факторы, в том числе надежность, оперативность, качество работы менеджера и многое другое. Учесть все эти факторы ранее было не возможно, но с развитием современных информационных систем, это становится реальным.

Развитие информационных технологий совпало с потребностью туристских компаний в учете множества информации о своих клиентах, ведения истории контактов, продаж, быстром документообороте. В связи с увеличением объемов информации о клиентах, которую необходимо учитывать при качественной работе с ними, возросли требования к менеджерам и как следствие объем их работы. Упростить и повысить эффективность работы менеджеров туристской организации помогают современные информационные системы, стоимость внедрения которых постоянно снижается, становясь доступными для предприятий малого и среднего бизнеса, в том числе и для туристских организаций.

Российская специфика состоит в том, что на фоне растущих туристских рынков, до недавнего времени, мало кто из руководства компаний задумывался о том, как строить долгосрочные взаимоотношения с клиентами. Задача выживания туристских предприятий в основном решалась по средствам привлечения большего числа потенциальных клиентов. Однако о потерянных клиентах мало, кто задумывался, а тем более о том, как их вернуть, или остановить уход. На фоне растущих темпов продаж за счет только новых клиентов, их потери считались незначительными. Но конкуренция усиливается все больше, рынок уплотняется, персонифицируется, и туристским фирмам уже невозможно расти только за счет привлечения новых клиентов. Нужно учиться сохранять имеющихся и повышать их прибыльность путем проработки причин отказов клиентов возвращаться в ту или иную туристскую фирму за новой услугой.

В складывающихся условиях все бизнес-процессы внутри туристской компании нужно выстраивать, исходя из главной цели – полное и качественное удовлетворение нужд и потребностей каждого из клиентов, что должно находить отражение, в первую очередь, в политике компании по

развитию взаимоотношений с клиентами и улучшению качества их обслуживания.

Качественное обслуживание клиентов, начиная от туристских фирм, принимающих сторон и сопровождение их на местах пребывания, заканчивая услугами гидов, гидов-переводчиков, инструкторов, медицинским персоналом, аниматорами, полностью зависит от образования данного персонала, их общей культуры и понимания туристской отрасли, как сферы услуг.

С одной стороны проблема подготовки кадров и качество обслуживания клиентов в сфере туризма – дело самого предприятия с учетом специфики его работы на рынке и развития перспективных направлений, а также конкурентоспособности.

С другой стороны, государство также обеспокоено проблемой подготовки кадров в сфере туризма, поскольку развитие въездного туризма напрямую связано с улучшением качества обслуживания иностранных туристов, это в свою очередь обуславливает необходимость улучшения подготовки кадров для общества. Так, в рамках Федеральной целевой программы развития образования на 2011-2015 гг. предусмотрены мероприятия по «модернизации систем начального профессионального и среднего профессионального образования для подготовки специалистов в области туризма и сервиса Северо-Кавказского федерального округа на базе отраслевого межрегионального ресурсного центра» (Министерство образования РФ: Электр. ресурс) или «разработке и апробации моделей центров сертификации профессиональных квалификаций и экспертно-методического центра в области туризма и сервиса» (Там же).

Государство готово финансировать подготовку и переподготовку туристских кадров. Так, в рамках Федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 гг.), утвержденной постановлением Правительства РФ от 2 августа 2011 г. № 644» (Постановление Правительства РФ: Электр. ресурс) рассматриваются следующие разделы:

- 1) «характеристика проблемы, на решение которой направлена программа;
- 2) основные цели и задачи Программы с указанием сроков и этапов ее реализации, а также целевые индикаторы и показатели, отражающие ход ее выполнения;
- 3) мероприятия Программы;
- 4) обоснование ресурсного обеспечения Программы;
- 5) механизм реализации Программы, включающий в себя механизм управления целевой программой, распределение сфер ответственности и механизм взаимодействия государственных заказчиков Программы;

б) оценка социально-экономической и экологической эффективности Программы» (Там же).

Целью данной Программы является «повышение конкурентоспособности российского туристского рынка, удовлетворяющего потребности российских и иностранных граждан в качественных туристских услугах» (Там же). Достижение цели Программы будет обеспечиваться решением следующих основных задач:

- 1) «развитие туристско-рекреационного комплекса Российской Федерации;
- 2) повышение качества туристских услуг;
- 3) продвижение туристского продукта Российской Федерации на мировом и внутреннем туристских рынках» (Там же).

«Решение первой задачи планируется осуществить посредством комплексного развития туристской и обеспечивающей инфраструктуры туристско-рекреационных кластеров и формирования сети автотуристских кластеров, которые станут точками роста развития регионов и межрегиональных связей, активизировав вокруг себя развитие малого и среднего бизнеса. Элементы указанной сети планируется располагать на наиболее популярных маршрутах и федеральных трассах, а также вблизи мест, представляющих значительный туристский интерес (например, исторических и культурных центров, заповедников и других туристско-ориентированных мест и объектов показа).

Решение второй задачи направлено на преодоление такого фактора, сдерживающего рост конкурентоспособности российского туристского рынка, как невысокое качество обслуживания во всех секторах туристской индустрии вследствие недостатка профессиональных кадров и отставания в технологическом обеспечении туристских услуг.

Для решения третьей задачи в течение всего срока реализации Программы планируется развертывание информационно-пропагандистских кампаний, создание сетей информационных центров и пунктов, организация и проведение межрегиональных, общероссийских и международных выставок, форумов и иных мероприятий, направленных на создание положительного имиджа Российской Федерации как привлекательного направления для туристов» (Там же).

Одно из мероприятий в течение всего срока реализации Программы, которое будет проводиться за счет привлечения средств всех источников финансирования, в том числе с участием бизнеса, направлено на повышение уровня профессиональной подготовки и переподготовки кадров индустрии туризма. На реализацию данного мероприятия выделено 740, 5 млн руб., из которых 590 млн руб. будут направлены на обеспечение развития системы повышения квалификации и переподготовки кадров в системе туризма, и 52 млн. руб. – на разработку и внедрение новых принципов, инно-

вационных подходов и инструментов управления качеством туристских услуг.

Многие ученые обеспокоены положением, которое сложилось в сфере подготовки туристских кадров. Об этом свидетельствуют публикации.

Еще в 2006 г. А. Д. Некипелов, академик, вице-президент РАН в своей статье «Опыт системного взгляда на государственную политику Российской Федерации в области туризма» в рамках доклада на «круглом столе» в Совете Федерации на тему «Совершенствование законодательного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области туризма» 28 февраля 2005 г. писал о необходимости «провести ревизию нынешней базы правовых документов и приступить к разработке пакета актов нового поколения, регулирующих взаимодействия» (Некипелов, Лаверов, Зорин: Электр. ресурс).

- «туризма и системы подготовки кадров для отрасли. Ныне в отрасли дефицит 2 миллионов рабочих рук различной квалификации и специальностей;

- туризма и науки. Отрасль развивается «вслепую», без необходимого научного обеспечения;

- туризма и культуры. Не отработаны четкие условия взаимодействия, зачастую строятся на основе конкуренции, а не партнерства;

- туризма и церкви. Не отработаны четкие условия взаимодействия, зачастую строятся на основе конкуренции при использовании исторических памятников, культовых объектов, имеющих общеисторическое значение;

- туризма и безопасности. Отсутствуют четкие нормативы и требования к обеспечению безопасности путешествий на различных видах транспорта, в местах проживания туристов» (Там же).

В связи с этим А.Д. Некипелов делает вывод, что «при разработке пакета законодательных актов, важно осознавать, что туризм – это, в первую очередь, сфера бизнеса, в которой нужно законодательно отрегулировать правовые механизмы достижения экономических и социальных целей» (Там же).

В своем докладе «Профессиональное образование в сфере туризма как условие повышения качества туристских услуг» Власова Т.И., президент Национальной академии туризма, ректор Балтийской академии туризма и предпринимательства, доктор педагогических наук, профессор говорит о том, что «интересы государства мы находим в массе нормативных и программных документов, выпущенных в последние годы Правительством РФ, Минобрнауки РФ и Рособрнадзором, в бурной деятельности, предпринимаемой в последнее время министерством по оптимизации сети вузов. Интересы работодателей всем хорошо известны. Это стремление получить квалифицированного специалиста, готового быстро адаптиро-

ваться к новым условиям труда, к новым технологиям, умеющего быстро обучаться и т.д.» (Власова: Электр. ресурс).

В своей статье «О подготовке кадров для сферы туризма» М.Н. Михайлов также говорит о необходимости профессиональных кадров в сфере туризма: «туризм – такой же бизнес, как и любой другой. И в этой сфере нужны профессиональные кадры разного уровня – от секретаря до управляющего. Поскольку туристическая деятельность тесно связана с работой с людьми, очень важно, чтобы все сотрудники составляли единое целое, одну команду, были дружелюбно настроены по отношению к клиенту, могли заменить друг друга» (Михайлов: Электр. ресурс). М.Н. Михайлов также затрагивает и вопрос «изучения запросов рынка труда» (Там же). Так он определил выбор специальностей и направлений, по которым осуществляется подготовка кадров сферы туризма и гостеприимства:

- ««Социально-культурный сервис и туризм». Обучаясь по этой специальности, студенты получают глубокие знания в области мировой культуры и искусства, русской и зарубежной литературы, страноведения, изучают различные гуманитарные и социально-экономические дисциплины.

- «Туризм». Изучаются туристское ресурсоведение, экономика туристского рынка, мотивация потребителя услуг и т.п.

- «Менеджмент организации». Основной акцент делается на изучении управленческих дисциплин, как общих, так и затрагивающих деятельность туристических фирм: управление персоналом, управление качеством, организационное поведение, международный туризм, гостиничный бизнес, экскурсионный менеджмент, страховое дело и пр. Предусматривается большой объем практики в туроператорских компаниях и турагентствах.

- «Экономика и управление на предприятии». Эта специальность близка предыдущей, но отличается более обширным изучением экономики в сфере туризма» (Там же).

Из приведенных данных следует, что сфера туризма обеспечена специалистами с высшим профессиональным образованием, но потребность в них составляет 20% спроса на рынке труда. Дефицит же составляют работники со средними специальными образованиями, на которых приходится основная сфера обслуживания клиентов в местах пребывания.

Таким образом, структура образования в туристской области не полностью соответствует потребностям отрасли. На одном из популярных российских онлайн-ресурсов для поиска работы и найма персонала HeadHunter размещено более 8400 вакансий в сфере туризма по России, 2700 из которых в Москве, 1150 в Санкт-Петербурге, 400 в Казани, 212 в Сочи (Интернет-рекрутмент: Электр. ресурс). Половина из представленных вакансий представляет собой потребность в работниках со средним профессиональным образованием: хостес, повар, официант, швейцар, бар-

мен, персонал кухни, аниматоры. Остальная доля вакансий приходится на менеджеров и управленческие позиции. При этом по словам ректора РГУ-ТиСа Александра Федулина выпускников по специальностям для сферы туризма и гостеприимства готовит 181 вуз. В прошлом году (2011 – прим. автора) туристические вузы выпустили 13 тыс. выпускников, в том числе, 70% – с высшим образованием. «Где все они будут работать? В Москве и Санкт-Петербурге еще можно найти работу. В остальных городах рынок маленький» (Федулин: Электр. ресурс).

Еще одной проблемой образования в сфере туризма является собственно система образования. Учебные планы туристских специальностей и направлений подготовки студентов в высших профессиональных учебных заведениях направлены в основном на теоретические знания будущих специалистов и бакалавров: география, мировая культура и искусство, маркетинг, менеджмент, реклама в профессиональной сфере и др. Из практикоориентированных дисциплин можно лишь назвать: «технология продаж», «экскурсоведение», «туроперейтинг» и дисциплины, связанные с Интернет и информационными технологиями в сфере туризма.

Таким образом, анализ выявил две проблемы. Первая проблема заключается в несоответствии предложений вузов и структуры образования в сфере туризма и гостеприимства потребностям рынка. Вторая – недостаточная практическая ориентация образовательных стандартов и содержания обучения.

Для решения первой задачи необходимо расширить среднеспециальное образование в сфере туризма и гостеприимства. Конечно, рынок должен сам отрегулировать формирование спроса и предложений на данное образование, однако государство в процессе аккредитации своих, государственных, вузов может попытаться устранить перекос в структуре. Оно должно воздействовать на государственные вузы путем регулирования состава специальностей и направлений подготовки для сферы туризма и гостеприимства. Государству необходимо задаться вопросом «сколько человек реально работает по специальности в сфере туризма и гостеприимства» и обеспечивать государственное финансирование тех специальностей и направлений подготовки, которые нужны рынку труда.

Одним из решений второй проблемы может стать общественная экспертиза образовательных стандартов в сфере подготовке кадров по туризму и гостеприимству, в которой должны участвовать профессионалы туристского бизнеса – основные работодатели выпускников. Им необходимо сформулировать четкие требования к тем или иным специальностям и направлениям подготовки в отрасли туризма, как высшего, так и среднего профессионального образования и добиться изменения образовательных стандартов с целью их ориентации на практические потребности отрасли.

Список литературы

Постановление правительства РФ. [Электр. ресурс] // Гарант. <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55071986/> (дата обращения 26.06.2013).

Федеральная целевая программа развития образования 2011-2015 гг. [Электр. ресурс] // ФЦПРО. <http://www.fcpro.ru/program-meropr/> (дата обращения 26.06.2013).

Власова, Т. И. Профессиональное образование в сфере туризма как условие повышения качества туристских услуг. [Электр. ресурс] // Балтийская академия туризма и предпринимательства. <http://www.batp.ru/Academy/documents/> (дата обращения 27.06.2013);

Интернет-рекрутмент. [Электр. ресурс] // HeadHunter. <http://hh.ru/> (дата обращения 26.06.2013);

Михайлов, М.Н. О подготовке кадров для сферы туризма. [Электр. ресурс] // Издательство ПСКОВГУ. http://izd.pskgu.ru/projects/pgu/storage/prj/prj_11/prj_11_14.pdf/ (дата обращения 27.06.2013);

Некипелов, А. Д., Лаверов, Н. П., Зорин, И.В. Опыт системного взгляда на государственную политику российской федерации в области туризма. [Электр. ресурс] // Туристско-спортивный союз России. <http://www.tssr.ru/main/docs/programs/505/> (дата обращения 27.06.2013);

Федулин, А.А. [Электр. ресурс] // Информационно-образовательный портал. <http://www.faito.ru/news/1347603315/> (дата обращения 27.06.2013).

Дзюбчик Елена Викторовна – магистрант Московского гуманитарного университета по направлению «Туризм»; преподаватель, заведующий учебным кабинетом кафедры социально-культурного сервиса и туризма
Dzyubchik Elena Victorovna – master student in the direction of «Tourism» of the Moscow University for the Humanities; reader, manager of the training classroom of Socio-cultural Service and Tourism Department.

К вопросу о подготовке кадров для сферы оздоровительного туризма

Медведь М.А.

To the question on personnel training for the sphere of health tourism

Medved M.A.

Аннотация: В статье рассматривается потребность в подготовке кадров в области оздоровительного туризма. Автор описывает проблемы, связанные с подготовкой кадров в этой области, при решении которых возможна эффективная реализация программы подготовки специалистов лечебно-оздоровительного туризма в РФ.

Ключевые слова: оздоровительный туризм, кадры, образование.

Abstract: This article discusses the need for training in the field of health tourism. The author describes the problems associated with training in the field, the solution of which can be an efficient implementation of the program of training of medical and health tourism in Russia.

Keywords: health tourism, human resources, education.

В своей книге «Специальные виды туризма. Лечебный туризм» автор Е.Л. Драчева пишет: «Лечебно-оздоровительный туризм является одним из активно развивающихся направлений развития туризма. Во всём мире происходит ускорение научно-технического прогресса, идут процессы урбанизации, что имеет как позитивные, так и негативные последствия для здоровья людей. Наблюдается снижение функциональных возможностей человеческого организма, что и проявляется в ухудшении деятельности его важнейших жизнеобеспечивающих систем. Отмечается как рост заболеваемости населения, так и возникновение новых, опасных заболеваний; значительно возрастают стрессовые нагрузки, а в организме человека накапливаются физическая и умственная усталость.

В то же время наблюдается тенденция к осознанию значимости для здорового образа жизни. Неотъемлемой частью современной системы ценностей стала забота о здоровье, повышении жизненной активности. Растет число людей, стремящихся поддерживать хорошую физическую форму наряду с духовным обогащением. Изменился и взгляд работодателей на своих работников. Так, возросла экономическая заинтересованность первых, поскольку сегодня им требуется физически здоровая рабочая сила.

Всё это создаёт предпосылки для ускоренного развития лечебного туризма.

В системе общемировых курортно-туристских отношений лечебный туризм занимает особое место. Но, несмотря на это, по показателю человеко-дней пребывания лечебный туризм занимает менее 1% в общемировом туристском обороте, а в структуре доходов – более 5%, т.е. это наиболее неденежноёмкая отрасль туризма. Тем не менее, в связи с современными

тенденциями жителей нашей страны к здоровому образу жизни, можно прогнозировать большую заинтересованность туристов к лечебно-оздоровительному туризму» (Драчева, 2008: 7).

В связи с этим и возрастает роль специалистов в этой области. Для более глубоко понимая важности специалистов сферы лечебно-оздоровительного туризма необходимо рассмотреть исторический опыт развития этого вида деятельности, поскольку, изучение исторического опыта лечебно-оздоровительного туризма необходимо для научного осмысления теоретических и практических вопросов этой отрасли.

Грицкевич В.П., белорусский историк, пишет: «Лечебно-оздоровительный туризм имел место еще с незапамятных времен. Путешествия с лечебными целями имеют давнюю историю, связанную с Древней Грецией и Римом, чьи граждане использовали целебные источники и места с благоприятным климатом для того, чтобы поправить своё здоровье» (Грицкевич, 2005:130- 137). Именно в это время в Древней Греции зарождается курортология, лечебный туризм. Мы можем проследить, что именно в этот период появляются специалисты в области лечения и оздоровления. Появляются первые научные труды, связанные с описанием лечебных процедур, целебных свойствах вод, грязей и других природных ресурсов. Древнегреческая медицина – одна из наиболее старинных медицинских, дошедших до наших дней. Многие греческие ученые-врачи внесли огромный вклад в развитие этой области, их трудами пользуются до сих пор. К «работникам» сферы лечения также можно отнести и жрецов-служителей храмов Асклепия и Эскулапа (бог медицины и врачевания), богини чистоты Гигиен. Имели место в то время и специальные проводники, которые помогали страждущим в поисках нужного храма.

В учебном пособии «Курортное дело» наряду с общей рассматривается история лечебно-оздоровительного туризма в Средние века: «Во времена Средневековья данный вид туризма потерял свою популярность, и даже преследовался инквизиторами. Святая инквизиция преследовала посещение бань как греховные деяния, религия призывала к самоуничтожению, аскетическим подвигам, отходу от мирских соблазнов. Грозное время эпохи Средневековья в Европе нанесло колоссальный ущерб всей мировой культуре. Медицина, как и все науки, подавляла религиозный фанатизм инквизиторов, шарлатанство и дикие суеверия. Занимавшихся врачеванием людей жестоко преследовали, предавали мучительным пыткам и сжигали на кострах как колдунов и ведьм. Излечение болезней приписывалось высшим силам, а действие минеральных вод истолковывалось вселением в тело больного злого «водяного духа». В связи с этим под угрозой сурового наказания инквизиция наложила запрет именовать минеральную воду «водой», относя ее к исчадиям ада» (Ветитнев, 2006:112). Однако подобного рода опасности не могли заставить ученых-медиков перестать изучать це-

лебные свойства природных ресурсов. Таким образом, нельзя однозначно сказать, что во времена Средневековья деятельность по формированию оздоровительной базы прекратилось, но и не развивалось активно.

Е.Л. Драчева также уделила внимание истории лечебно-оздоровительного туризма и пишет: «В Новое время путешествия с целью лечения и оздоровления получили новую жизнь. В конце XVIII века помимо традиционных европейских курортов с минеральными и термальными источниками, известными с античных времён, приобретаю популярность морские курорты» (Драчева., 2008: 14). В то время также формируются новые формы оздоровления, поскольку удалось научно доказать положительное влияние природных ресурсов на здоровье человека. В XVIII – XIX вв. набирает популярность такой вид времяпрепровождения как путешествия на воды. Не всегда основной целью таких путешествий была поправка здоровья, такой вид времяпрепровождения считался престижным и модным, естественно, что его могли себе позволить только обеспеченные слои населения. Таким образом, специалисты Нового времени дали мощнейший толчок к развитию лечебного туризма.

Если говорить о современном состоянии мирового рынка лечебно – оздоровительного туризма, то можно сделать вывод о том, что данное направление без преувеличения имеет динамичное развитие. Более пятидесяти стран зарабатывают на лечебно-оздоровительном туризме, еще десятки постепенно выходят на этот перспективный рынок.

Выбор стран для российских туристов пока довольно ограничен. В связи с все возрастающей медицинской экспансией Израиля, постоянный рост доли Германии, Франции, Чехии и появление новых направлений, клиники и санатории других стран пока еще не «получили» российского туриста. Однако стоит отметить, что российский турист считается одним из самых желаемым на зарубежных курортах. В мировом рейтинге расходов UNWTO (Всемирной туристской организации) россияне занимают седьмое место. Россияне также открыты к идее лечения в заграничных клиниках и санаториях, поскольку занимают второе место по готовности к лечебному туризму согласно опросу Reuters.

В связи с все возрастающей конкуренцией на рынке лечебно-оздоровительного туризма, рынку российского туризма необходимо как можно активнее и эффективнее внедрять новые технологии, в том числе и по подготовке кадров этой области.

На сегодняшний день одним из популярнейшим направлением лечебно-оздоровительного туризма для россиян является Чехия.

По сведениям Ассоциации туроператоров России (АТОР), «более 81% россиян, посещающих Чехию останавливаются в отелях Праги или Карловых Вар: 66% россиян посещающих Чехию, останавливаются в отелях Праги, 15,4% россиян – в Карловых Варах. Таким образом, на два чеш-

ских региона Прагу и Карловы Вары приходится более 81% прибытий россиян.

По количеству проведённых ночёвок в отелях Карловых Вар по итогам 9 месяцев 2012 года россияне занимают второе место (33,3%), уступая только немецкому рынку (40,1%). Таким образом, более 73% ночёвок, которые проводят иностранцы в отелях Карловых Вар принадлежат всего двум рынкам: немецкому и российскому» (Вести АТОР: Электр. ресурс).

Исторически сложилось так, что Карловы Вары (Карлсбад), как основное направление лечебного туризма для россиян был типично российским курортом. После посещения этого курорта Петром Великим в 1711-1712 годах вся российская буржуазия буквально ворвалась покорять этот курорт.

Однако такая популярность зарубежных курортов, в том числе Карловых Вар, среди россиян крайне негативно сказывается на развитии рынка лечебно-оздоровительного туризма в нашей стране. Не стоит забывать, что Россия крайне богата природными ресурсами в общем, но и при всем многообразии бальнеологических ресурсов, в частности, не имеет должной популярности среди жителей нашей страны.

Если рассмотреть исторический опыт развития Кавказских Минеральных Вод, как наиболее привлекательной группы лечебных курортов в Российской Федерации, можно сказать, что это невнимание россиян к лечебным возможностям данного рекреационного района крайне не объективно.

В России развитие курортного дела первоначально следовало западным традициям, однако позднее сформировались собственные курортологические школы, концептуально более обоснованные, чем зарубежные.

Г.С. Усыкин. в своем учебном пособии «Очерки истории российского туризма» отмечает, что «первые сведения о горячих источниках в «земле Пятигорских Черкасс» обнаружены еще в допетровскую эпоху в «Книге к Большому Чертежу», изданной в 1627 г, и считавшейся первым географическим справочником земель российских.

Начиная только с XVIII века можно говорить о лечебном туризме в нашем государстве. Различные целебные источники были давно известны на Руси, их называли в народе «святыми». Но только Пётр I, неоднократно поправлявший своё здоровье на заграничных курортах (в Бадене в 1698 и 1708 гг.; в Карлсбаде – в 1711 – 1712 гг.; в Бад-Пирмонте – в 1716г. и др.), решил отыскать в самой России целебные воды и организовать лечение на них. Он поручает «разыскать лечительные воды в землях его Царского величества». Известны были источники в Пятигорске и Брагунские тёплые воды на Тереке, куда в 1717 году для исследования «тамошних тёплых вод» и был послан московский штатд-физик Г. Шобер. Ему и принадлежит первое описание кислых вод на Кавказе.

Открытие кавказских минеральных вод состоялось примерно в это же время, хотя впервые эти минеральные источники описали И.А. Гильденштедт в 1773 г. и П.С. Даллас в 1773 г. По ходатайству В.А. Ермолова из Швейцарии в 1822 г. были приглашены известные архитекторы братья Бернардацци, которые приняли активное участие в благоустройстве курортов Кавказских Минеральных Вод: Кисловодск, Пятигорск, Ессентуки и Железноводск» (Усыскин., 2007: 59).

Таким образом, мотивация путешествий на курорты не меняется с течением времени. Как больных, так и здоровых привлекают в курортные местности лечебные свойства природных ресурсов.

В Доктрине развития региона Кавказских Минеральных Вод отмечается, что «в течение последних 15 лет сильно ухудшились показатели здоровья населения России, а значит, резко выросло количество потенциальных пациентов КМВ. Так, заболеваемость, особенно среди трудоспособного населения, сердечно-сосудистыми, желудочно-кишечными заболеваниями за эти годы выросла в 1,5 раза – с 24 до 37 млн. чел. Можно утверждать, что общее количество потенциальных пациентов во много раз превышает возможности санаторно-курортного комплекса КМВ, что в очередной раз подтверждает необходимость качественной подготовки специалистов для этой сферы услуг.

Как показывает статистика в 2011 году общее количество отдыхающих на Кавминводах приблизилось к 750 тыс., – прирост по сравнению с 2010 годом составил 6%. По итогам трех первых месяцев 2012 года в городах-курортах также зафиксировано увеличение числа отдыхающих» (Доктрина развития региона Кавказских Минеральных Вод: Электр. ресурс).

В докладе о ходе реализации «Стратегии социально-экономического развития Ставропольского края до 2020 года и на период до 2025 года» говорится, что «Ставропольский рынок туризма развивается очень динамично. За три года среднегодовой темп роста достиг 16 процентов.

Туристский поток в Ставропольский край в 2012 году составил 1 063 тысячи человек, в том числе доля иностранных туристов – 11 % (или 117 тысяч человек). В целом турпоток в 2012 году увеличился на 10,7 % в сравнении с показателями 2011 года (960 тыс. чел.), на 17,2 % в сравнении с показателями 2010 года (880 тыс. чел.), на 19,8% в сравнении с показателями 2009 года (852 тыс. чел.).

Ежегодно здравницы региона принимают на санаторно-курортное лечение и реабилитацию инвалидов, участников Великой Отечественной войны, иную льготную категорию граждан по социальным путевкам. Так в 2012 году получили лечение более 50 тыс. человек льготной категории граждан, в том числе 9,3 тыс. человек из них являются жителями Ставропольского края.

Большую роль в оздоровлении детей и подростков играет пребывание их в санаторных учреждениях. В 2012 году получили оздоравливающий отдых и лечение порядка 65 тыс. детей.

В Министерстве курортов и туризма Ставропольского края ожидают увеличение потока отдыхающих на курорты Кавказских Минеральных Вод. Как заявил на пресс-конференции руководитель этого органа Андрей Скрипник, число туристов к 2016г увеличится до 1,2 млн человек.

В 2012 году введена обязательная классификация средств размещения в регионе Кавказских Минеральных Вод с присуждением звезд за уровень качества предоставляемых услуг. К настоящему времени в Ставропольском крае вручены свидетельства о присвоении категории 4 звезды шести средствам размещения.

В течение 2012 года туристские предприятия Ставропольского края уделяли большое внимание внедрению инновационных технологий в своей деятельности. Впервые на юге России введено он-лайн бронирование экскурсий, которое позволило увеличить туристский поток и экономическую эффективность деятельности туристских компаний.

Всё больше проявляют интерес к Ставропольскому краю инвесторы, которые готовы вкладывать значительные средства в развитие туристско-рекреационного комплекса края. В 2011 году на развитие этой отрасли направлено 4,1 млрд рублей инвестиций, в 2012 году ориентировочно направлено 4,5 млрд рублей.

В 2012 году в крае введено в эксплуатацию 13 туристических объектов общей вместимостью 990 мест пребывания. Номерной фонд санаторно-курортного и туристского комплекса региона Кавказских Минеральных Вод в 2012 году увеличился на 861 место размещения.

За 2010-2012 годы ФГБУ Пятигорский ГНИИК ФМБА России разработаны и внедрены новые медицинские технологии в области кардиологии, гастроэнтерологии, ревматологии, гинекологии, эндокринологии, урологии, физиотерапии, педиатрии и хирургии. Разработано 8 новых медицинских технологий, запатентовано 6 изобретений. Данная научная продукция внедрена 103 лечебно-профилактическими учреждениями Ставропольского края.

В сфере Wellness-исследований подготовлена оздоровительная программа в области телассотерапии.

По направлению восстановительной медицины разработана новая медицинская технология «Метод реабилитации больных остеоартрозом».

В части инновационного направления представлена новая медицинская технология «Системы медицинского прогноза погоды и профилактики метеопатических реакций на курортах Кавказских Минеральных Вод.

Регион Кавказские Минеральные Воды обладает громадным потенциалом ресурсов минеральных вод различных типов, используемых для

питьевого и бальнеологического лечения на четырех курортах и для розлива на 46 заводах.

На территории Кавказских Минеральных Вод 20 месторождений минеральных вод различных типов с общими утвержденными запасами – 16,5 тыс. м³/сутки.

В связи с уникальными качественными характеристиками вод региона, практическим отсутствием их аналогов, с учетом потенциала рынков регионов России прогнозируется дальнейшее увеличение потребительского спроса и, соответственно, рост добычи вод соответствующих категорий, так как в настоящее время добывается и используется всего 20-25% от суммарного объема запасов минеральных вод.

Учитывая данные мониторинга, возможно уже сейчас с определенной долей вероятности предположить, что в 2013 году будут введены в эксплуатацию следующие объекты туристско-рекреационной направленности на 1305 мест размещения. Создание благоприятного инвестиционного климата в Ставропольском крае, использование механизмов региональных гарантий финансирования эффективных инвестиционных проектов курортной и туристической направленности повысит интерес инвесторов, позволит привлечь инвестиции в основной капитал к 2025 году свыше 150 млрд. рублей и создать более 23,0 тыс. новых рабочих мест» (Информация о ходе реализации стратегии: Электр. ресурс).

Такому динамичному развитию региона послужила "Стратегия социально экономического развития эколого-курортного региона Кавказских Минеральных Вод до 2020 года", реализованная по инициативе Правительства Ставропольского края и администрации Кавказских Минеральных Вод, в связи с выполнением поручения Президента Российской Федерации В. В. Путина Председателю Правительства Российской Федерации "разработать систему мер по государственной поддержке развития санаторно-курортного комплекса Кавказских Минеральных Вод".

Кавказские Минеральные Воды имеют удобное транспортное сообщение практически со всеми регионами РФ. Из Москвы и других крупных городов удобнее всего использовать авиатранспорт. Самый большой международный аэропорт района "Минеральные Воды" ежедневно принимает рейсы практически со всех концов нашей страны. В целом развитие индустрии туризма играет значительную роль в решении социальных проблем, обеспечивая создание дополнительных рабочих мест, рост занятости населения и, тем самым, способствует повышению благосостояния населения Ставропольского края.

В информации о ходе реализации «Стратегии...» также прогнозируется, что «к 2025 году количество туристов, посетивших туристические комплексы Ставропольского края, увеличится до 2,5 млн. человек.

На данный период времени в туристической отрасли Ставропольского края работает 40 туроператоров, порядка 200 турагентств, функционирует 302 коллективных средства размещения, в том числе 136 здравниц общей емкостью на 33,9 тыс. мест, соответственно можно сделать вывод о том, что вопрос подготовки кадров стоит в первой очереди» (Информация о ходе реализации стратегии: Электр. ресурс).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что курорты Кавказским Минеральных вод в перспективе будут популярнейшим направлением. Однако существует несколько проблем.

Во-первых, если рассмотреть основные мотивации путешествий на зарубежные лечебные курорты, мы увидим, что, безусловно, основная цель – поправить свое здоровье, но все-таки важным фактором является мода. Опять же вспомним исторический опыт, популярность заграничных лечебных курортов началась с Петра Первого, ведь именно он ввел воду на купания на зарубежных курортах. На сегодняшний момент, и статистика это подтверждает, лечиться на российских курортах «не модно».

Во-вторых, уровень сервиса пока еще отстает от зарубежных здравниц, даже, несмотря на динамичное развитие наших лечебно-оздоровительных курортов, в частности курортом Ставрополя.

В-третьих – кадры, а точнее их недостаток. Речь идет не только о специалистах – врачах, но и о менеджерах, которые работают на «местах» в туристских фирмах и консультируют о лечебных возможностях различных курортов потенциальных туристов. Их не только мало, но существует важнейший критерий работы специалистов в этой области – финансы. Менеджеру, работающему с клиентов выгоднее предложить зарубежный курорт российскому туристу, поскольку стоимость лечения за рубежом гораздо выше, чем у нас, и как итог – большая прибыль туристской фирмы.

В связи с этим, имеет смысл говорить о качественной и узконаправленной подготовке специалистов в этой области. На протяжении последних десяти лет неоднократно поднимался вопрос о подготовки специалистов лечебно-оздоровительно туризма, однако по настоящее время вопрос подготовки кадров в этой области не получил логического заключения.

Список литературы:

Вести АТОР [Электр. ресурс] //Ассоциация туроператоров России. <http://www.atorus.ru/press-centre/new/19868.html> (дата обращения 26.11.2012).

Ветитнев, А.М., Журавлева, Л.Б. (2006) Курортное дело. Учебное пособие. М. КНОРУС.

Грицкевич, В.П (2005). История туризма в древности. СПб.: Издательский дом Герда.

Доктрина развития региона Кавказских Минеральных Вод [Электр. ресурс] http://www.regionkmv.ru/projects/strategy_0.html (дата обращения 16.06.2013)

Драчева, Е..Л. (2008) Специальные виды туризма. Лечебный туризм: учебное пособие. М.: КНОРУС.

Информация о ходе реализации «Стратегии социально-экономического развития Ставропольского края до 2020 года и на период до 2025 года». [Электр. ресурс] [stavgoszakaz.ru >assets/files/strateg2020.doc](http://stavgoszakaz.ru/assets/files/strateg2020.doc) (дата обращения 16.06.2013)

Усыскин, Г.С. (2007) Очерки истории российского туризма. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: «Издательский дом Герда».

Медведь Марина Алексеевна – магистрант Московского гуманитарного университета по направлению «Туризм»; преподаватель колледжа МосГУ, кафедры Социально-культурного сервиса и туризма МосГУ.

Medved Marina Alexeevna – master student in the direction of «Tourism» of the Moscow University for the Humanities; MUH college teacher, reader of Socio-cultural Service and Tourism Department.

СОДЕРЖАНИЕ

НА ПОРОГЕ МОДЕРНИЗАЦИИ: КРИЗИС СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА НА ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ ЕВРОПЫ. Материалы круглого стола.

- Алексеев С.В.* Проблема аутентичности «Слова о полку Игореве». Дружинная культура Руси: от раздробленности до централизации 4
Володихин Д.М. Массовые репрессии в русской политической культуре: импорт из Европы? 23
Васильев Ю.А. Ломоносовская модернизация: возрождение мозаичного искусства в России 34

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Байков А.А.* Телесное «Я» человека, как субъекта иллюзорных реальностей 47
Попов А.А. Значение массовых коммуникаций для современной России 56

СОЦИОЛОГИЯ

- Алиев В.В.* Концепции управления в западной социологии 65

ЭКОНОМИКА

- Варфаловский А.В.* Кластерная форма лизинга 74

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Агафонов И.С.* Договор займа по российскому дореволюционному законодательству 84

ТУРИЗМ

- Дзюбчик Е.В.* Проблемы кадрового обеспечения туристской отрасли 91
Медведь Н.А. К вопросу о подготовке кадров для сферы оздоровительного туризма 99

Правила представления рукописей авторами и требования к оформлению представлены на официальном сайте:

http://www.mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/

На сайте также представлены содержание всех выпусков/номеров и полный список публикаций в журнале «Научные труды Московского гуманитарного университета».